

18+

СЫН РА

ВЛАДИМИР РАДИМИРОВ

Владимир Радимиров
Сын Ра. Волшебный эпос

«Издательские решения»

Радимиров В.

Сын Ра. Волшебный эпос / В. Радимиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555686-8

Богатырь Яван Говяда появляется на свет странным образом. Его мать — волшебная корова, съевшая чешую золотой рыбы, а отец — солнечный бог Ра (Род). Царь Правила посылает Явана и его братьев в потустороннее царство, чтобы выкрасть у тамошнего владыки дочку. Говяде доведётся испытать невероятные приключения, преодолеть различные соблазны и совершить великие подвиги, чтобы исполнить труднейшее задание и утвердить на Земле правду-матушку. Эпос создан по мотивам народных сказок и мифов.

ISBN 978-5-00-555686-8

© Радимиров В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Как чудесно раз небаба родила богатыря	6
Глава 2. Как Правила в грязь упал и в тенеты зла попал	12
Глава 3. Битва у Смородины, в защиту милой Родины	20
Глава 4. Через чёртову черту – на сторонущку на ту	33
Глава 5. Как Говяда гадов бил и порядок наводил	41
Глава 6. Как в приморском городе изводил Яван беду	51
Глава 7. И царя-то Далевлада взялся выручить Говяда	61
Глава 8. Как вражина буром пёр, да Ванёк всем нос утёр	69
Глава 9. Как хранитель тайных врат был Явану страшно рад	80
Глава 10. Как коварство за зло своё расплатилось	87
Глава 11. Как балда Ваня в навьем обмане гулеванил	104
Глава 12. Как Яван из сладкого капкана выкарабкался	117
Глава 13. Как наш витязь еле лез через дикий чёртов лес	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Сын Ра

Волшебный эпос

Владимир Радимиров

Xentacola *Дизайнер обложки*

© Владимир Радимиров, 2021

© Xentacola, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-5686-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказочка сия бурная не для дурней писана и не для дур; а повествует сиё предание о подвигах удалого Явана, богатыря славного из Расиянья, и поныне даже не забытого, дураками на время убитого, но чёрным злом не побеждённого, от Коровы Небесной чудесно рождённого и от единого бога Ра, коего и поныне славят в Расее троекратным и громким ур-р-а-а!!!

(Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит образительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет!)

«Сказка ложь, да в ней намёк:

кто усёк – тому урок!»

(народная мудрость)

«Там русский дух... там Русью пахнет!»

(А. С. Пушкин)

Глава 1. Как чудесно раз небаба родила богатыря

В кои-некие-то годы
начались у нас невзгоды;
одолела нас напасть,
говорят – могём пропасть.
Всё не то и всё не так,
и пошёл сплошной дурак:
все балдеют, водку пьют,
травку курят, морды бьют...
Человека – не взыщи! —
днём с огнём поди сыщи!
Да вот как-то тут случилось —
по грибы мы отлучились,
и нашли боровичка,
хитрована-мужичка;
Чтобы легче нам нести,
начал байки он плести,
и болтал аж без обеда,
да такое нам поведал!..
Правда это али бред —
хочешь верь, а хочешь нет,
только, сказку не дослушав,
не спеши давать ответ...

В давние-стародавние времена, когда люди на одном языке ещё говорили и зло творить не шибко любили, было на Земле нашей матушке царство Расиянье, со столицей знаменитой Раславой-градом, и в том царстве народ православный обитал, сильный зело, богатый и радостный. В те дни властителем у них служил царь один доброобильный, по имени Правила, а жена его ликомилая величалася царицею Радимилою. Умом и сердцем о благе народа они радели и как лучше сделать ему хотели: пеклись о людях, заботились, за справедливостью вовсю охотились, да и народ их любил, хоть поклоны им не был, и всё-то было прекрасно да ладно, ежели бы не закавыка одна досадная – не было у них детей. Чего только царь с царицей ни делали, на какие ухищрения целительные они ни пускались, к каким лекарям и правёдам ни обращались – ан всё-то было впустую: не могли они решить задачку сию непростую. Будучи годами ещё вполне молодыми, долго они на лучшую долю надежду светлую имели, а те годы их красные всё летели, летели... да только чаяньям родительским потакать не хотели.

Пригорюнились тогда супружники неудальные и уж смирились было со своим горем, да как-то раз брела царица одна по городу и вдруг видит – сидит на базарном углу странная видом старуха. Подняла карга голову да внимательно на царицу и глянула – та аж назад поневоле отпрянула.

А незнакомка загадочная усмехнулася понимающе и говорит утешающе:

– Знаю я, царица Радимила, про твою беду незавидную и могу тебе пособить. Как бог свят, не вру! Меня, дорогуша, послушаешь – сына вскоре родишь, богатыря невиданного!

Взволновалась царица сильно, глаза волоокие распахнула, руками звонко всплеснула...

– Что хочешь, – говорит, – добрая старушка, у меня бери – только помоги! А то я уж и надежду всякую оставила...

– Ничего мне от тебя не надобно, – проворчала старуха, поскребя себе ухо, – лишь, как я скажу, сделай. В накладе не останешься.

– А что, что я сделать-то должна, родная?

– Да сушую ерунду! Пушай нонеча во полночи выйдет во море твой супружничек. На лодочке на вёсельной... Да один, гляди, без бригады – так-то оно будет надо! Пусть он сеточку в тёмны воды закинет, ибо суждено поймать ему рыбину – чудо-рыбину Золото Перо. В той-то рыбоньке судьбоносной ваше счастье и находится!

Замолчала на чуток старуха, взгляд свербящий в царицу вперила, с головы до ног её всю измерила и добавила поучающе:

– Эту рыбу поутру надо пожарить, и ты её, дорогуша, скушай. Да гляди, чтоб кто другой жарёнки не попробовал, а то всё пойдёт неправильно, и минует тебя дивная награда.

Царица спрашивает:

– А как, бабулечка, надо, чтобы было правильно?

Старуха же ей грубо в ответ:

– Это не твоего ума дело! Поступай как велено – и баста! В обиде, говорю, не останешься.

Удивилась про себя Радимила, что какая-то старушка неказистая так с нею повелительно разговаривает, да промолчала – уж больно сыночка родить она чаяла.

Тут вдруг невдалеке ворона зловеще каркнула. Вздрогнула царица, обернулася посмотреть, а потом назад глядь – а той старухи и нету! Пропала, будто и вовсе здесь не бывала... Ещё больше царица подивилась. Подумала она как-то смутно, а нужно ли ей поступать по-старухинному, да материнская сила своё взяла: желание родить усилила и сомнения враз пересилила. Поспешила она живо к Правиле да тут же ему всё и выложила.

Царь было сперва не поверил, отнекиваться стал: то да сё, мол, я устал... «И вообще, – добавляет, – ты бы лучше не выла про сей бред сивой кобылы, а то у меня нервная система и так расшатана – отвязись-ка лучше давай и меня более не замай». Но царица с таким жаром к нему подступила, что тому прямо вилы – всю печёнку ему начисто пропилила! Ну никакого вообще житья не даёт – во как взяла муженька в оборот!

Наконец не выдержал царь, плюнул в сердцах; ладно, говорит, сдаюсь, пускай по твоему будет – да ведь чего мы с тобою ни делали, ни творили, а ничем, мол, себе в горе нашем не пособили...

Царица же в ответ лишь смеётся да в истерике более не бьётся.

Ну, а тут вскоре и вечер подходит, потом ночь, а затем и полночь наступила и своими тёмными крылами землю-матушку покрыла. Делать нечего, садится Правила в лодочку утлую да выходит шустро во сине море, чтобы рыбоньку половить на просторе. А море-то ишь неспокойное: расходились волны вольные, ветер буйный вокруг дико свищет – себе жертву, наверное, ищет. Того и гляди лодку, супостат, обернёт и царя-батюшку в пучину окупёт...

Да только не тут-то было – не робкого десятка мужик был Правила! Вот во-первый свой разок совершил он сеточки частой бросок. Погодил маленечко, тянет её, потянет, глядь – а там и килечки жалкой нетути. Раздражился царина чуток, размахнулся широким плечом и ещё дальше сетёшку ушвыривает. Тянет её назад рукою неслабою, смотрит – ёрш твою переморж! – супротив первого улов-то не бóльший.

Осерчал тут царь, огневился, подумал зло, что обманула его царица, послала, дура такая, мужа топиться, а он по глупости её и послушал, развесил, что называется, уши. Вознамерился он тогда в третий раз сетку закинуть, а про себя твердее некуда решил: «Ежели опять, значит, не будет ни фига – тут же на берег возвращаюсь, да с шутихою этой посчитаюсь. Ужо я найду чего ей сказать, мать её лаять, не перелять!»

Вот тянет царь сетку в последний раз и чует вдруг – ва-а! – чего-то там затрепыхалось. Да так это, значит, сильно! Едва-едва под конец Правила сетку эту вытянул – измотался аж весь нехило. Глядит он глазами выпученными – а там и впрямь рыбина запуталась невиданна.

Чешуя на ней с плавниками так золотом и сверкают да светом в темноте отливают. До того близнят – прямо смотреть нельзя!

Обрадовался царь, раздухарился, гребёт с добычею к берегу что есть мочи, а там его царица дожидается – измаялась она от волнения очень. Показал ей счастливый Правила улов свой дивный, рыбину ту глубинну, Золотое то Перо – бедная Радимила от переживания треснула даже в обморок. Пришлось царю в лицо ей водицей пырскать, в чувство прежнее вернуть да успокаивать кое-как пытаться, сколь то было возможно.

Ну, они тогда – домой. Только приходят, царское величество повара дворцового с постели поднимает и таку волю сонной тетере возвещает: «Сию рыбину поутру изжарить и матушке царице на завтрак подать!» Да строго-настрого запретил кому бы то ни было рыбку странную пробовать.

Повар же затылок почесал, рыбу кухарке передал, что с ней делать, ей наказал, да и ушёл – досыпать пошёл. А кухарка Одарка рыбину поутру почистила, порезала, на сковородку положила и пожарила, а очистки на помойку выкинула к такой фене: чешуя-то да золочёные перья к тому времени потухли ведь, посверкивать перестали, никчемушными вроде как стали.

В ту самую пору пастух Велигёр стадо коров гнал на выпас. Вот одна его коровёнка по недогляду от стада отбилась, на помойку, любопытствуя, зашла и очистки эти нечистые взяла и сожрала. Да и кухарка, девка молодая, своевольная, когда рыбу пожарила, не стерпела – уж очень ей вкуснятины попробовать захотелось. Вот она, о царской запрете не думая, малюсенький кусочек от рыбки отщипнула и с превеликим аппетитом его скушала, наказа строгого не послушала.

Так. Проходит после того, как царица рыбину отведала, какое-то время, и чует Радимила с радостью необыкновенною, что и вправду забеременела она. И кухарка Одарка, туды её в качель, забрюхателя вместе с ней. Да, оказывается, и корова тоже!

Ну, месяцы года неспешно себе проходят, и в срок положенный по установлению божьему, в зимний месяц лютень, когда солнце светило в небе, разродились три роженицы в один день. Сперва царица сына родила, потом кухарка сына, а апосля всех и корова – да не обычного телёнка, а человеческого ребятёнка! И такого красивого, большого да здорового, что работник, зайдя в коровник, с перепугу окосел и в навозную кучу осел.

Да и как ему было не удивиться – где ж это было видано, чтобы корова так людей поражала – человеческое дитё бы рожала!

А коровушка сынка своего облизала; лежит он на соломке, улыбается да материнским молочком упивается. И экий же бутуз-то невозможный!

Царю Правиле в один миг о чуде невиданном было доложено. Сперва-то не поверил он услышанному, самолично на коровник устремился и в правдивости доклада убедился. Почесал царица голову в недоумении и сам с собой разошёлся во мнении: или, думает, тут мутация случилась – или впрямь чудо приключилось. И повелел дознание полное по факту оному учинить!

Тут-то всё и выяснилось. Рассказала Одарка, слезами облившись и в вине своей повинившись, что чешую с перьями на помойку выбросила, и что сама кусок рыбины съела. Призналась, и как белуга заревела.

Что тут будешь делать? Делать-то вроде нечего – не снимать же за такой проступок голову с плеч... Да никто от того и не пострадал – царица-то родила. Повелел тогда царь всех троих детушек при своём дворе воспитывать – как братьев.

Да только вот какая оказия обнаружилась. Коровий-то сынок коровье молоко вёдрами пьёт, да как на дрожжах растёт, а те двое мамкину титьку до трёх лет ищут, вредничают да дрищут. Из себя-то вроде ничё, видные, зато характерами незавидные. Гордый, сынок царский, уж больно любил, чтоб все с ним цацкались – гордым рос, заносчивым, придиричивым да разборчивым. И то ему, видите, не так, и это не эдак. Достал уже всех, малолеток... А Смирый,

кухаркин отпрыск – наоборот: бывало, за день не откроет и рот. Не зол он был, не лих – зато кушал за троих, и чем больше он, боров, ел, тем сильнее, казалось, тупел...

Короче, получился из этого рыбного дела на две трети брак: один мерзавец вышел, а другой дурак.

Зато с коровьим сыном вышло не так! Нравом он оказался весёлый, умом смышлёный, а характером боевой. Вот его Яваном и назвали – в честь яви живой. Ну и прозвание дали соответственное – Говяда! Ежели по нынешнему перевести, то бык это, бычара, бычина – коровьего племени малец али мужчина. Прозвище это пристало к нему сразу и никакого не получило в его душе откату. Наоборот, он был ему рад и так себя людям и называл: Говяда я, дескать, Яван!

А как подрос Ваня малость, так большая радость от него людям досталась. За вычетом, конечно, проказ, на кои он оказался горазд. Со всеми встречными и поперечными Корович наш знает, самого захудалого ничуть не чурается, и ни на какую заразу не обижается. Всё-то ему вроде нипочём; кажись, ни скука, ни хворь его не берёт. По каждому почти случаю у него на языке готовы были шуточки да прибауточки, для всех и для каждого находились разные приколы. Казалось, что само солнышко красное в сердце его для людей было припасено, и его невидимые лучи и в непогоду ближнего согревали почище, чем тепло печи. В некоем постоянном находился Яван задоре... А ежели видел неправду он или горе: сильный ли амбал слабого человека обижал, или там наглый безответного унижал, то Ванюша уж тут как тут. Не было негодям от него спуска! Ну и настроение пригорюнившимся зажигал он тусклое.

В общем, от страха Ванюха не дрожал, а вдобавок к этому, ко всеобщему удовольствию вящему, оказался он ещё и работящим, не только языком верещащим. И всё это было воистину так! Получился из коровьего сына смельчак, балагур и весельчак.

Вся челядь придворная, от последнего свинопаса подзаборного до первого бояра-воеводы, Ванюшу искренне любила, не говоря уж об окрестном люде. Чуть что – к нему за советом бегут. Это к мальцу-то голопупому!.. Чудеса, да и только: взрослые дядьки да тётки у малолетнего огольца совета просят да выведывают рассужденьица. И – странное дело! – только так-то, впоследствии оказывалось, и надо было поступать, как Ваня просителям советовал. В большое уважение вошёл Ванёк у народа – видать, благородная, говорили они, у него порода... В то, что его корова когда-то родила, никто почитай уже и не веровал – сказывали, что подбросили к корове его наверное. Да и как в такое диво было поверить, когда чудес в то время не творили даже праведы, и все явления странные, как в случае с Яваном, объясняли они языком скучным и обосновывали причинами научными.

Но только не вписывался Яваха в их косные схемы-обручи; шире он оказался, глубже и круче – сила вдруг проявилась в нём могучая!

Играли однажды ребяташки окрестные на царском дворе и так случилось, что бугай по кличке Бронесил вдруг ни с того ни с сего взял да и взбесился. Вырвался он на простор из загона, всех работников разогнал, яростным стал, везде бегаёт, ревьёт, рогами и копытами землю рвёт... Увидел злодей детей, глаза кровью у него налились, и в бешенстве он на них кинулся. Ещё бы самую малость, ещё бы чуть-чуть – забодал бы детишек зверюга лютый!

А Яваха-то парнишка оказался не промах – подбежал он к Бронесилу стремглаво да ладошкой бычине по бочине и примочил. Тот с копыт-то на землю бряк, да враз как-то и обмяк. Толечко, гад, замычал да ногами сучить почал... И пока он с трудом на ноги поднимался, Ванюша его как следует отругал. «Ну-ну-ну, – погрозил он, – Бронька, ты детушек больше не тронь-ка, а то рука у меня не легка – сомну я тебе бока!»

Бык побитый тогда поднялся и виновато в загон убрался.

Подивились люди окружающие такой силушке потрясающей и царю о том рассказали, а царь головою покачал и говорит жене с досадою:

– Эх-хе-хе-хе-хе! Наш сыночек Гордеюшка должен был этаким силачом поделаться, да не углядели мы, жена, вот проклятая корова чешую и сожрала. Ага! А в ней, в чешуе, видать, вся силушка и была!

Да ещё кой-чего от себя в сердцах добавил.

Эх, ну да время-то себе идёт, на месте не стоит. Яванушка помаленечку подрастает, ещё большей силы да ума набирается и в коровушке своей, матушке, души не чает: кормит её, чешет, гладит и разговоры с нею ведёт... Корова-то, знамо дело, не говорит, но мычит очень ласково и вроде как осмысленно. Пастух Велигор не то чтобы кнутом её стегануть – голос поднять на неё боится; вот корова, где приходится, там и шляется: в огород, так в огород, на грядки, так на грядки... В конец животины разбаловалась. А унять её желающих и нету, никто не решается призвать Бурёнку к ответу. Ещё бы – попробуй призови! – у ней же Яван заступник, богатырь могучий, нет нигде его круче.

Обидно царю с царицей такое Яваново превосходство над своим дитятей лицезреть, да терпят. А Одарке-кухарке ещё обиднее. Царевич Гордьяй, хоть и негодяй, всё одно царём должен стать, а её сыночек дальше прислуги, видать, и не сунется – недотёпа! И стала она к Явану тайно ревновать да на корову его злобу в душе копить.

И вот идёт как-то раз она по рынку, а тут швись – незнамо какая старушка пред нею и появься. Травкой вроде бы на углу торгует.

– Знаю я, милочка, – говорит ей старуха шёпотом рьяным, – про твою беду окаянную. Насчёт Явана-то... Несправедливо он столько силы себе захапал, а братья-братникам ни шиша не оставил... Ну да не горюй, я тебе помогу, ага! Вот тебе, касаточка, волшебная трава— мурава. Ты её корове проклятой незаметно дай, – у неё молоко не такое сильное станет, – тогда твой Смирый с Яваном во всём и сравняются. Ей-ей сравняются! На!

А сама так на кухарку и смотрит, так и пялится – будто прожигает её всю взглядом.

Одарка травку взяла, а тут и ворона за спиной у неё каркнула. Обернулась туда баба, а потом глядь – а старухи и след простыл. Как не была!.. Засомневалась было кухарка насчёт травки, а затем рукою на думы свои махнула: «А чего плохого-то будет? Это же просто трава... Ничего и не будет... А-а, подумаешь!» Поутру, когда Велигор стадо царское в поле выгонял, она к корове Явановой подошла и всю траву-мураву, базарной старухой ей даденную, животине и скормила.

К вечеру заболела Бурёнка; лежит она, мычит, ноги вытянула, на бок завалилась, глаза закатила, из горла хрип у неё идёт, да пена кровавая на морде пузырится... Явану сказали, он тут же прибежал, плачет, голову мамину обнимает, гладит её по бурой коже, а помочь ничем и не может. Так всю-то ночь, глаз не смыкая да бодрствуя душой и телом, с коровушкой-матушкой он и просидел.

А под утро Бурёнушка успокоилась, глаза открыла, сынка ненаглядного печальным взором окинула, да вдруг человеческим голосом ему и говорит:

– Сыночек дорогой, Яванушка – не плачь! Помираю я, но душу свою не теряю. Ведь это тело бренно, а душа нетленна. Даст Ра – ещё свидимся!

Потом вздохнула тяжело и продолжила:

– Видно, Ванюша, времена теперь у нас меняются: были добрые и счастливые, а приходят худые да грозные, если пекельный Чёрный Царь и покорные нави твари у нас на белом свете силу заимели – даже меня извести посмели... Но ты, Ванечка, шибко не горюй! Как помру, похорони тело моё под вековым дубом, что стоит на горушке, на лесной опушке. Да непременно Деда Праведа сыщи! Нет на Земле мудрее его никого. Он тебе поможет.

Ещё горше Ваня заплакал. А коровушка снова вздохнула и продолжала голосом вещим:

– Слушай меня, мой свет! Скажу я тебе слово заветное. Ты ему следуй – всегда будешь прав. А за кем правда – за тем и Бог наш Ра стоит нерушимо и помогает ему незримо. Так вот, выбирая по жизни путь свой, не ходи, сынок, ни направо, ни налево, а всегда иди впе-

рѣд. Да не обижай простой народ, не насильничай! Насильное дело тяжело творится, трудно удерживается, с позором рушится, пустую славу даёт, а радости истой никогда не приносит. И стой, Яванушка, за обиженных несправедливо да за слабых, ибо сила в тебе имеется великая, от Отца твоего, пресветлого Ра, тебе данная! Необоримый ты на Земле богатырь!

Вот такими словами напутственными Коровушка Небесная сынка своего благословила и дух свой навсегда испустила.

Погоревал-погоревал Яван, а поутру попросил добрых людей ямищу большую под дубом великим выкопать, сам тело коровы туда отвѣз, похоронил, холмик над могилой соорудил, и всякие цветочки на ней посеял да посадил.

Глава 2. Как Правила в грязь упал и в тенеты зла попал

Пролетели годы беззаботные, как белые птицы-лебеди в небе высоком. Хорошие то были годы и счастливые для Явана. Народ ведь тогда в Расиянье жил весело, дружно, свободно и богато. Тогда-то богатство не так, как сейчас, понимали: не в деньгах одних его видели. Деньги-то что? Их и украсть легко можно. А попробуй-ка истое богатство для себя своруй – фигушки-макушки это у тебя получится!

К примеру, здоровье неслабое – превеликое ведь богатство! Дураков с этим спорить нету. А ведь не купишь его, не продашь и займы никому не дашь. Потом умение стоящее, мастерство – ого-го ещё богатство какое! Ну а души широта, весёлость нрава – бедность что ли по вашему? Едва ли... А ум цепкий, воля крепкая, сила героя – дёшево может стоят? Хм... Наконец, духа высокого величие, истая убеждённая человечность неужто менее на весах жизни потянут, чем какое-то золото-серебро? Это уж, ребята, точно навряд ли... А ежели кто по-иному думает, то, прямо сказать, разнесчастный это человек. Да и человек ли он?

Так вот, всяк в царстве сияния Ра перво-наперво за правду общую крепко стоял, ибо лишь она истую силу да закалку духу даёт. Во-вторых – за царство-государство справедливое, ибо оно мощь отдельных людей в могучий кулак собирает и тысячекратно собой усиливает. В-третьих – за близких и друзей своих, да и за чужих тоже, потому как разделять людишек негоже. Ну и напоследок – за себя нужно уметь было постоять, поскольку ежели каждый человек о собственной крепости не станет заботиться, то что с того человека, а по большому счёту и с государства этого выйдет? Не по Ра тогда будет вита, как наши предки любили говорить, а ежели перевести, то попросту дерьмо будет и всё...

Любо было этак жить, хорошо! Не один год так-то прошёл. И наступило наконец времечко возмужания для братьев Ваниных и для Вани. Меж собою они различались прямо невозможно: чисто, щука, рак – и лебедь Яваха! Старшой, Гордый, длинный был парубок, худой, с чёрной стриженной бородой, на лицо довольно красивый, да уж больно злой и спесивый. И средний, Смирый, высоты был немало, да и насчёт широты удалый, но в остальном какой-то оряпистый, неуклюжий и умом пообуженный. А уж насчёт пригожести лица, так попростее его поискать надо было молодца – ни дать ни взять деревенский он был лапоть, ёж его в квашню мать!

Зато у младшего Явана всё было в полном ажуре: и при теле парень оказался, и при лице, и при фигуре... Росту он вымахал высоченного, прямо сказать, саженого. Одни лишь великаны над ним высились, но те-то были нескладными, а Яваха выглядел ладно: статный такой, плечистый, с мышцами, в меру бугристыми, в талии суженный и мясом не перегруженный. Ступни ног у него были громадными, ладони словно лопаты, а голова была большая, лобатая и покрытая соломенными патлами. Черты его лица, хоть и казались слегонца дурковатыми, но смотрелись браво и выдавали весёлость нрава: глаза этакие коровьи, с ресницами длинными, то серые, то вдруг голубые, нос курносый, такущей картошиной, а подбородок волевой, выпуклый и массивный. Губы Ваня имел толстые, будто скульптором лепленные, а на щеках у него красовались ямочки великолепные. Улыбка с его приветливой рожи практически не сходила и всех людей до его особы будто примагнитивала, особенно красных девах. Ох и липли они на Яваху!

А насчёт Ванькина голоса вообще разговор особый. То, что с ним вытворял балагур Ваня, трудно было даже представить. Когда он просто говорил, то слова с его уст лились удивительно звучно и мелодично, без малейшего намёка на какой-либо изъян. Но когда пересмешник Яван принимался кого-нибудь передразнивать, то тогда пиши пропало: до того потешно он жертву свою изображал, что все слушатели буквально лежали вповалку. Ну а если он вознамеривался поугагать какого-нибудь несчастного, то от рыка Ваниного, из могучей груди исторгаемого,

стёкла напрочь, бывало, вылетали... А какие стихи поэт нашенский сочинял! Как он пел! Э-э-э!.. Во всём-то он был молодец-молодчина: и плясун, и певец, и на гусях игрец, и первейший боец с тоской да с кручиной.

Правда вот, силе его дивной особого применения не находилось. Ну, там, камни куда снести или брёвнышки передвинуть – это да, – но то ведь для него была сущая ерунда, разминочка лёгкая для молодецких мышц. Праведы мудрые говорили, что не для обычной жизни Яван народился, а для особой какой-то миссии, но вот для какой – не ведал того никто. При всём при том ел он на удивление мало, а мяса и рыбы даже не пробовал никогда: то, говаривал, не бычьей еда. И добавлял, смеясь, что он частенько солнцем да ветром питается и потому собратьев своих жрать ему ни к чему... А вообще Ваньша кашу кушать предпочитал и овощи сырые. Зубы у него были крепкие, а челюсти сильные – любые корни перетирал он ими в пыль. Ну а что касается молока, так вёдрами его Яван выпивал. В этом деле никто с ним не мог сравниться.

В молодёжных компаниях Ваня, как водится, верховодил и гулеванил себе всюду, но зазнобы сердечной, странное дело, у него не было и жениться ни на одной крале он не хотел. Зубоскалил, что, мол, серьёзное это дело, а я-де в общении больно лёгок, не потяну, дескать, супружеского долга. Но друзьям по секрету он поведал, что ему как-то деваха некая чернявая во сне пригрезилась – и даже уже не раз. Красавица, сказывал – просто атас! Вот в эту-то дивную сонную грёзу и втюрился по уши богатырь наш тверёзый и никого другого для себя не желал. Странно, конечно, это было: такой амбал – и мечта какая-то чисто дёвичья, отчего и издевался над ним язва-царевич.

А зато в воинском ремесле подшучивать над Яваном охотников не находилось. Тогда-то уже когдатошнее единое собратство земное на отдельные государства да страны поделилось, и начала разгораться между этими кусками грызня. Иной раз и до войны дело доходило. Даже Расиянье, уж на что мощная была держава, а и она от набегов соседей-кочевников, бывало, страдала. Приходилось ставить на рубежах воинские заставы, и врагов жадных от них отражать нещадно. И Яван, и его братья в заставной службе, как и все, участвовали, а посему искусство ратное осваивали... И тут вскоре выяснилось, что учить Говяду особо-то и нечему. Да вообще-то и некому... Только ему какой-нибудь мастак способы обращения с мечом или с палицей начнёт показывать, а Яван ему: нет, брат, это делается не так... Да сам как надо и покажет. И такие фортеля из памяти врождённой он доставал, что бывалые ратники только ахали. В общем, в этом трудном деле он в короткое время всех превзошёл, а пределу своему умению не нашёл – сражаться-то всерьёз было не с кем. Да и зачем ему были нужны эти орудия ратные, когда и щелобаном любого мог ухлопать Яван.

Только вот не ухлопывал... И вообще, скромно он себя вёл и многого для жизни не требовал. Частенько и самой грязной работёнкой не гребовал: к примеру, навоз на поле возить и ямы выгребные вычищать. И спать любил Яван на сеновале, а не в царских палатах, где для него комната была припасена. Иной же летней ночью и в стогу сена он устраивался или даже на траве укладывался, ежели, конечно, погода его устраивала, ибо закалён парень был невероятно – из-за своего коровьего происхождения вероятно.

Короче, всё у них там было славно и знатно, да стало вдруг это всё меняться, – как бы духом мрачным наполняться. То дожди летом вдруг зарядят, так что поля от влаги аж набрякнут, то засуха жаркая жажнет, то морозище зимою грянет, то град ни с того ни с сего посева побьёт...

В замешательство пришёл народ. Праведы и те с ситуацией не справлялись.

А тут вдруг повадился веприще какой-то громадный огорода и поля у них разорять! И откуда только, оглоед, взялся? Уж такой-то он оказался большущий да всё подряд жрущий, что просто беда. Стрелы и копья его не брали – как от стены каменной от его шкуры они отска-

кивали; огня нисколько он не боялся, а за охотниками на него сам гонялся и кого лавливал, того пожирал безо всякой пощады.

Яваха с братьями попросили у царя дозволения изничтожить гада, но тот, поразмыслив слегка, охоту им разрешать отказался – за наследника своего испугался. Порешил Правила самолично со злою напастью сладить, а то какой он, мол, к лешему царь!

И то сказать – верно. Погумарил он с праведными, и те стрелы и копья царёвой дружине великими заклятиями заговорили, чем силу безличную в оборонную силушку претворили. Сел царь с дружинниками смелыми на резвых коней, и отправились они на поля окрестные да на луга, чтобы выследить там вредного врага. Как раз, как по заказу, было пасмурно, а то страшный хряк в ясную погоду не казался – видать, лучей солнечных опасался.

Вскорости напали охотники на след звериный чудовищный, проехали вдоль него немножко, а тут, откуда ни возьмись, и сам веприна из лесу выскочил: несётся на них, аж земля трясётся! А у самого глазки маленькие, красным огнём горят, а шерсть серая на загривке торчмя торчит. Вот бежит он, визжит, жёлтыми клычищами клацает, хочет людешек пожрать, а тем-то некуда и деваться: позади овраг, а впереди чудище мчится поболее быка...

Да только Правила не растерялся. Натянул он лук тугой во всю силу, и пустил стрелёшку заговорённую в того веприну. И воткнулось остриё калёное зверюге аккурат в рыло! Тот-то хотел её стряхнуть, как обычно, да не тут-то было. Завертел он башчищей от боли и так завизжал, что у царя и дружины ажно уши позакладывало. А вебрь назад круть да и драпала дал в обратный путь. –

Вот бежит жуткий свин через поля широкие, перепрыгивает через овраги глубокие, вскарабкивается на крутые кручи, продирается сквозь дебри дремучие, проносится по борам галопом свинячьим, через речки да ручьи словно заяц скачет... А Правила – за ним! Летит – аж ветер в ушах свистит! Дружинушка его и отстала – должно, рисковать не стала.

А уж вечер настал-то. Всё вокруг потемнело. Плоховато видать-то... Но бравый царь не унимается – ещё большим азартом распалается. Вот-вот вепря утомлённого догонит...

Тут и ночь настаёт, прояснело, выглянул в небе месяц. А вот и полночь... Совсем было догнал Правила веприну и уж приготовился копьё ему в загривок всадить. Размахнулся он лихо да ка-а-к...

И вдруг ворона чуть ли не над головою у него как каркнет! Обернулся охотник наш машинально, а конь его в этот миг возьми и споткнись. Полетел царь вперёд через голову, копьё выронил из уставших рук да прямо в трясину – плюх! Дёрнулся он в горячке отчаянной, да куда там – ещё больше застрял-то.

Побарахтался Правила слегка, побарахтался и от этих попыток пустых аж по грудь в болотную жижу он погрузился, а через времечко недолгое – по самые плечи широкие. А ухватиться-то ему не за что: ни коряги кругом, ни дерева, ни кусточка... Испугался царь, закричал, на помощь звать почал – а ни души кругом. Только ворона зловеще невдалеке закаркала, да филин-пугач где-то заухал.

Жутко стало Правиле, совсем тут упал он духом.

И вдруг слышит несчастный царёк – топ-топ-топ! – кто-то по болоту к нему идёт. Пригляделся он малость и видит в лунном сиянии, что это чудище невероятное к нему приближается, само навроде человека, да уж больно на вепря смахивает – свинячья у него харя: глазёнки маленькие, недобрым огнём полыхают, а зубищи большие, в усмешечке хитрой скалятся.

Подходит чудище к царю утопающему неторопливо, усмехается сызнова криво и веточку тонкую ему протягивает. Ухватился за ветку негодящую бедняга, и еле-еле на поверхности он удержался, только голова да рука наружу торчат.

Хохотнуло чудище бессовестное и насмешливей некуда заявляет:

– Ну что, Правила-царь – моя взяла! Тут тебе и погибнуть смертью безвременной, ежели не спасу я тебя по прихоти по своей...

– Так спасай, чего время тянешь! – воскликнул в отчаянии увязший царь.

– Э, нет, царишка лукавый! – возразил хряк. – За просто так я тебя вызволять из дрягвы не дурак. Пообещай Явашку Говяду и его братьев в пекло послать за дочкой Чёрного Царя Борьянкой – и будешь жить, не тужить. Ну а ежели нет – то привет!

Сильно взъярился Правила на этого нахала.

– Да как ты смеешь, морда ты поросычья, – он вскричал, – такую гадость мне, царю православному, предлагать! Да я тебя!..

А тут веточка в руке несчастного – тресь! – и надломись. Ещё глубже царица угряз в трясину, захлёбываться даже начал.

– Хм! – ухмыльнулся нечистый хряк. – Ну, как знаешь... Ты – царь, тебе и решать... Хошь – живи, не хошь – тони. Вольному воля...

Понял тут Правила отчётливо, что вот-вот он утонет, и до того ему вдруг жить захотелось – ну прямо страсть. Не нашёл он в сердце своём смелости умереть как мужчина, испугался он кануть в пучину вязкую; духом, понимаете, царь сломался и на крючок чертячий попался. Не выдержал, короче, испытания.

– Ладно, ладно! – прохрипел он, сдаваясь. – Чёрт с тобою – согласен!

– Э, не-ет! – рявкнул хряк издевательски. – Давай-ка договор полюбовный с тобой подпишем, как полагается. Кровью твоей подпишем, чтоб уж не отвертеться!

И вынает откуда-то из-за спины чёрный-пречёрный свиток. Разворачивает его свиньячина, а там светящиеся начертаны письмена – и такие-то странные! – так и горят во тьме ярким пламенем да дымищем едким чадят.

Прокусил хряк острыми клыками Правил палец, приложил к свитку чадающему кровоточащую ранку, а потом ухватил увязшего царя за шкварник и на берег его выкинул, словно котёнка маленького. И покуда царица грязный на ноги, скользя, поднимался, сгнуло свинойдище поганое невесть куда, будто и не было его там никогда. Только палец да совесть уязвлённые у Правил саднили малость, а остальное – сном ему кошмарным показалось.

А тут и дружиннички отставшие скачут: кричат, свистят, факелами размахивают – ищут царя потерявшегося.

Вернулся Правила домой сам не свой, и с той минуты нехорошей изменился он нравом противоположно. Раньше-то царь-батюшка частенько весёлый хаживал да добрых людей уваживал, а сейчас посуровел вдруг, пострёжел, ходит день-деньской с недовольной рожей, с ближними своими лается, ко всему придирается, а ежели когда и засмеётся, то у людей от смеха его неловко на душе становится... Видимо, отравила царя слюна ядовитая чёртова кабанины, отчего дух человеческий в нём замутился, и снизошла на разум царский мрачная тень. Вот такая получилась фиготень...

Загрустила премилая царица Радимила. Попыталась она было на мужа воздействовать, и так и эдак старалась действовать: плакала, в уговоры пускалася, ссорилась с ним, да на него обижалась, но от того было проку, как об стенку, к примеру, горохом... Оборзел совершенно лихой Правила – не слушал он более свою Радимилу.

И вот однажды призвал царь к себе троих братьёв и, восседая гордо на троне, таково им рёк:

– Позвал я вас, братья, вот для чего... Намедни сам Дед Правед мне во сне явился и приказал вам троим отправляться в пекло окаянное. Должны вы у тамошнего Чёрного Царя дочку украсть, Борьяну. Тогда, мол, правда утвердится на земле... Вопросы есть?

– И мне што ль в пекло, батяня?... – спросил недовольно Гордый. – Я ж твой наследник как-никак...

– А ты хочешь, чтобы я сам туда отправился, а?! – взбеленился Правила на сынка. – Поедешь как миленький – я сказал!

Ниже плеч Гордый голову повесил, да возразить папане не посмел.

– А можа без меня, царь-батюшка? – в свой черёд царя Смиряй спрашивает. – Из меня ведь воитель аховый.

На что Правила заухмылялся:

– С тобой, с тобой!.. И бородавка к телу прибавка.

И Смиряя тоже враз закис и башку повесил вниз.

Да только на Явана приказ царя подействовал обратно: по груди он кулаком себя вдарил и вот что сказал в запале:

– Я готов, Правила-царь! Где наша не пропадала! Когда отправляться прикажешь?

– А вот завтра к обеду и езжайте... Чего там кота за хвост тянуть?

Ну что ж, делать нечего – пришлось братьям подчиниться, потому как поверили они Правиле, не могли не поверить. Люди ведь в серьёзных делах друг другу тогда не врали и сказанному весьма доверяли. Ну, да мы-то теперь навряд ли такое поймём – мы же ныне не по праву живём, а так... вот и попадаем часто впросак. А братья впросак не попали. Ну, к чертям их в пекло послали – ну и чё? У Явана аж на сердце сделалось горячо. Неужели, думает, это и в самом деле миссия та, о коей праведы ему рассказывали?

Стали братья кумекать да голову ломать о том, как бы им в пекло попасть, да перед тем смертью не пасть: стало быть не мёртвыми, а живьём, и не пеше, а с конём? Мозговали, гадали да думали – так ничё и не придумали. Порешили они тогда слегка поразвезаться да порезвиться, по полям да лесам прокатиться – авось, мол, в головах и прояснится...

Гордый и говорит:

– А может, не поедем никуда? Съездим чуток подальше, девку какую-нибудь уговорим Борьянкой сказаться, да и вернёмся...

А Смиряй ему вторит:

– Да зачем нам вообще девка? Скажем, что добыли, мол, эту Борьянку, а она на белом свете – швись! – и растаяла. Кто там будет проверять...

Да только не согласился с ними Яван. Усмехнулся он и вот что заявил братьям:

– Ну, вы как знаете – а я поеду! Вот только как в пекло попасть, не ведаю...

И так едут они час, едут второй, едут третий... И вдруг видят – выходит на поле олень необыкновенный: копыта у него серебряные, сам цвету медного, а рога на голове золотые. Вышел он, значит, и давай посева травить.

Стали братья удалые на него кричать-голосить да посвистом громко посвистывать, – а он нейдёт, знай себе набивает рот...

– Ах, так, значит, гад! – вскричал тогда Яваха запальчиво. – Ну, погоди ты у нас! Царь-батюшка вепря прогнал давеча – а мы прогоним бродягу этого странного!..

Вскинули они живо луки тугие и пустили в чудесного зверя по калёной стреле, да не попали – олень-то оттеля отпрянул. Взметнул он на спину рога свои золотые и стремглав наутёк кинулся. А братья – за ним. Мчатся они в погоню быстрее быстрого: в ушах ветер свистит, по лицам ветки стегают, сучки да шипы одёжу рвут, а догнать стервеца не могут – тот-то летит как сокол!

Яваха скорее всех скачет, ни себя, ни коня не жалеет. Оторвался он от братьев и через времечко известное догнал было оленя сказочного совсем. Положил он тогда стрелку вострую на тетиву звенящую, на ходу лук натягивает да и готовится беглеца уже поражать...

А олень Золотые Рога к дубу громадному тут подбежал, да и остановился, а потом обернулся картинно и на Явана посмотрел пристально. А у того вдруг рученька могучая застоялася, сердце ретивое поунялося – не смог он в красавца-оленя выстрелить и оружие своё опустил.

Поклонился ему тогда олень до земли да человеческим голосом вдруг говорит:

– Спасибо тебе, Яван Коровий сын, что не стал ты в меня стрелять и пылкой охоте кровавую потеху не стал позволять! Не остануся я в долгу и тебе за то помогу!

Удивился Ванюха такому чуду.

– Ну и дела! – он восклицает. – Второй раз в жизни наблюдаю, чтобы животное по-человечески разговаривало. Кто ж ты есть на самом деле, чудесный олень?

– Я-то? А вот кто – гляди!

Трижды олень великий в сторону посолонную поворотился и в ма-а-ленького старичонку неожиданно превратился.

Стоит старичок перед Яваном, а голова у него белая вся пребелая, лишь ленточкой красненькой повязанная, и борода белая тоже, и одёжа, только цветочками расшитая сплошь, а глаза у деда – ну синее сини небесной. Смотрит он на Ваню ласково, улыбается ему приветливо, потом подходит не спеша, с коня сойти приглашает, берёт за руку да на травушку усаживает.

– Я, – говорит, – Ванюша, и есть тот самый Дед Правед, о котором твоя матушка тебе сказывала да сыскать меня наказывала. Ан вот он я и нашёлся!

Улыбнулся старичок лучезарно, а потом вдруг нахмурился, головою покачал, усы на бороде разгладил и продолжал невесело, Явану в очи глядячи:

– Видишь ли, Ваня, сам Чёрный Царь, мира неправого государь, и все его подельники вновь наступление повели на белый свет. Почуяли они, гады отчаянные, что Ночь космическая наступает, а День светоносный кончается, вот и осмелели. И тебя заманить к себе захотели...

У Явана аж глаза на лоб от удивления полезли.

– А Правила сказывал, – сказал он старцу, – что это ты меня в пекло послал якобы...

– Хм, Правила... Правила договор подписал с нечистой силой, в холуи к ним подался, тёмная душа... Но пусть будет так! Считай, что это я тебя туда посылаю, чтобы чертей там погонять да Борьяну на свет вывести.

– А кто такая эта Борьяна, что её надо от чертей спасать?

– Борьяна-то?... Чёрного Царя дочка... И Зари-Зареницы, которую этот изверг когда-то похитил. Так что она на одну половину чертовочка – а на другую наша. Ты её оттуда выведи, Яваша!

– А как мне, дедушка, путь-дорожку на тот свет сыскать? В самом деле, не помирать же?

– Зачем помирать? Не надо... А вот я тебе, Яванушка, клубочек дам! Ты пока спрячь его в карман, а как в путь тронетесь – на земельку его брось. Он вас к мосту калёному на реке Смородине приведёт – на мира границу. Короче, сам всё узришь... Ну а далее поступай как знаешь – пусть сердце тебе дорогу подскажет, ибо через него с нами сам Ра общается!

Тут Правед вытаскивает из кармана красный клубок и Явану его передаёт, и тот его берёт с почтением явным.

– А вот без оружия тебе, Ваня, никак нельзя! – заявил дед властно. – Как придёшь домой, так пойдешь к дубу огромному, под коим тело матушки твоей захоронено. Найдёшь в нём гвоздик невеликий. Ты тот гвоздь вытащи да кузнецу снеси – пусть он палицу из него скуёт. Вот тебе и оружие будет боевое – оно тебя не подведёт!

Яван тогда кивает, кладёт клубочек себе в карман и поднимается на ноги.

– Да, вот ещё чего... – Правед тут добавил. – На-ка, возьми перстенёк мой заветный да на мизинчик его надень. Как станет тебе в аду худо, то ты перстень на землю кинь и скажи: «Дед Правед, избавь мя от бед!» Я тогда появлюсь, и чем могу тебе помогу. И помни, Яванушка: матушка тебя при рождении облизала и несокрушимость телу твоему придала, но отравить тебя – можно. Ты уж там осторожно...

И он передал Явану небольшой перстень, который Яван на мизинец себе надел, а затем в пояс поклонился Праведу.

– Благодарствую, дедушка, за слова твои вещие! – поблагодарил он старичка вежливо. – Ужо я постараюсь!..

Тут собеседник Ванин на резвые ноженьки поднялся, сидящего богатыря крепко обнял, трижды по-православному его поцеловал и напоследок сказал:

– Ну, бугай – прощай, и чего старый правед поведал – не забывай. В добрый путь, богатырь Говяда! Дюже повидать тебя я был рад!

Вокруг себя он потом поворотился, в белку златохвостую оборотился – скок-поскок на ветку проворно, да и был таков.

А Яван братьев разыскал, и поехали они назад, а про встречу с лесным дедулей он им ничего не сказал – не догнал, мол, оленя и всё... Ну а как домой они добрались, то Ванька к дубу сразу прямиком. Смотрит, а поляночка усеяна сплошь цветами, и такое стоит там благоухание, что словами не передать. А кругом ещё бабочки разноцветные летают, пчёлки да шмели жужжат, а птички голосистые трели свои выводят сладко. Ну будто бы в земной рай Ваня попал!

Поклонился он могиле матери, а потом глядит гвоздь невеликий из ствола дуба торчит: блестящий такой, беленький, и пятнышка ржавчины на нём нету. Вытянул гвоздик Ванюха – и к кузнецу. Так, мол, и так, говорит – скуй мне палицу боевую из этого гвоздицы да, будь ласков, поторопись, а то мне долго ждать-то нельзя ехать вскорости надобно восвосяи. — —

Подивился заданию странному кузнец Рагул и думает про себя: «Парень, видно, умишком рехнулся, это ж надо – палицу ему сковать с гвоздя малого!» Но сказать ничего не сказал и головою лишь кивнул оторопело: согласен мол, Ваня, сделаю...

Только Яваха ушёл, как Рагул на гвоздик, усмехнувшись, плюнул да в пыль его бросил, а сам взял железа лучшего пуда с два да и сработал с него прекрасную палицу. Не впервой, чай, оружие он ковал – толк в этом деле кузнец знавал.

Наутро приходит Ваня, палицу хватает и ну её туда да сюда повёртывать да над собою помахать... На взгляд профана и впрямь штукавина получилась славная. А Ваня взял да и засунул её себе под мышку, а потом как пластилиновую вокруг левой руки и обернул её в этакий змеевик.

Ох, он и рассердился! Железяку негодную с руки затем стянул, прочь её отшвырнул да и орёт ковалю:

– Врёшь ты, Рагул! Не то! Не из моего металла ты палицу сковал – барахло это, ага!

А затем поуспокоился немного и заявляет непреклонным тоном:

– Короче так, Рагуляка! Ежели ты к завтраму, закопченная харя, не скуёшь из гвоздика, тебе данного, доброй палицы, то я и тебя, плут, поколочу знатно, и всю твою кузню развалю на фиг! Так-то вот!

И ушёл.

Перепугался кузнец премного, видит – парень точно с ума-то свёрнутый! – где ж это было видано, чтобы из гвоздика еле видного палицу себе заказывали ковать! Да уж коровий сын этот Ванька – шут его знает, чего от него ждать!.. Кликнул он голосом заполошенным своих сыновей и приказал им немедленно всю пылицу у кузни просеять, а гвоздю проклятушего найти. И сам первый искать его кинулся.

Вот искали они, искали, чуть надежду уже не потеряли, да наконец-то нашли. Обрадовался Рагул очень, бросил гвоздик тут же в огонь и наказал сыновьям мехи раздувать живо. И тут он видит – ёж твою образину! – принялся гвоздь в пламени расти и вскорости в большую-пребольшую гвоздину он превратился. Как раз для заказанной палицы в нём металлу и оказалось. Раскалился в огне металл, – ярче солнца, кажись, засиял, – а глядеть на него не больно!

Почал его кузнец ковать довольно и такую вскоре палицу сковал прикольную, каких дотоле отродясь не выковывал. Чуть ли не с него была она длиною (а росточка Рагулишка был не дюже большого), с одной стороны ручка была удобная с шишаком, а с другой – кончик не дюже острый. Вроде посоха железного с виду палица оказалась, и на грозное орудие брани она вовсе даже не смахивала. А как была она готова, то ни сам коваль, ни вся его семья бри-

гадно и пошевелить её не смогли, не то что поднять. И так, и этак они пробовали – ни в какую не поддавалась! Вот уж воистину чудеса!

Поутру Яваха за заказом заявляется и первым делом палицу – хватить! Да и принялся вертеть ею да играть и вроде бы как с супостатами воображаемыми сражаться. А потом ка-а-к брякнет палицей об колено, да только от боли аж взревел он: палке-то сей никакого ущерба, а на колене зато синячище выперся здоровенный.

Ну, Ванюха тогда и вокруг руки её завернуть попытался и вокруг шеи – да где там! – та и не гнулась даже ничуточки, не то чтобы в дугу сгибаться.

– Вот теперь та что надо у тебя получилась палица! – восхищённо Яван восклицает. – Спасибо тебе, Рагулище, удружил!

Щедро он мастеру за работу заплатил и напрямик на царский двор стопы свои направил. А там уже и сборы заканчиваются. Народ окрестный кучно собрался: царское их величество хмурый стоит на личность, царица-матушка горько плачет, а кухарка Одарка воплем вопит да курицей кудахчет... Сынишек своих они провожают да последним родительским вниманием кровинушек окружают. Гордый со Смиряем у родителей благословения напутственного спрашивают да выслушивают его краем уха, а Ванюхе-то не у кого его спросить, да только завет матушкин он и так в сердце своём не уставал носить.

Попрощались братьники со всеми, на коней богатырских затем уселись и поехали, куда глаза их глядели. Клубочек Праведов Яваха из кармана вынул, на землю его кинул, и покатился клубочек волшебный по известному ему лишь пути. А за ним и братья в неизведанные края пустились.

Глава 3. Битва у Смородины, в защиту милой Родины

Долго ли, коротко ли ехал Яван с братьями, быстро, известно, лишь сказки сказываются, а не делаются дела, а только заехала их тройца, прям сказать, чёрт те куда. По пути немало царств-государств, да и просто ничьих пространств без роздыху путного они прошпарили, потому как клубочек этот дюже непоседливым оказался: всё ходу он надавал и поесть да поспать им не давал. — —

Наконец гонка такая азартная Явану надоела изрядно. «Да где ж это видано, — он воскликнул, — чтобы вполне живые да в придачу молодые парни, словно ошпаренные, на тот свет устремлялись и безмозглому клубку подчинялись!» И стал он, когда появлялась в том надобность, клубочек лавливать да в карман его саживать, дабы без помех привалы можно было совершать, купания устраивать да с тамошними обывателями разговоры разговаривать. Так, не дюже торопясь, все почитай обжитые места они и миновали.

И приехали братья наконец в такущую дикущую тмутаракань, что ни вздумать, ни взгадать, а только языком рассказать. Ни дорог, в общем, ни пути — трудно ехать да идти. Но надо! Глядят окрест братья, а по сторонам горы высоченные взгромождаются, невиданные животные средь чащоб шарятся, чудные птицы в небесах парят, да огненные глаза из дебрей горят... А вдобавок к этому странный зеленоватый туман вдруг на землю пал. Тут любой бы заплутал, только Праведов клубочек и в темноте светится: по камням подпрыгивает, ухабы да рытвины перепрыгивает, за собою ватагу зовёт — такой-то не подведёт!

Ехали они так, ехали, не одну пропасть объехали, да уж хотели было остановиться, но вдруг туман стал расходиться, а потом зарево огненное впереди показалось, и жаром на них пахнуло — словно бы из самого ада дохнуло. Проехали они ещё чуток, вперёд глянули — мать честная! — по равнине огненная течёт река, и раскалённые её волны в берег каменный так и плещут да зловещими бликами окрест блещут. А через реку мост навроде как железный перекинут на ту сторону, да вот только проехать по нему невозможно — зажариться можно. От пламени речного он аж добела раскалился. И как в таком случае им поступить?

А клубочек вдруг заторопился, с удвоенной прытью к мосту устремился, подкатывается к нему резво — прыг-скок на раскалённую поверхность, да с глаз долой и исчез. Видать, сторел, волшебный пострел.

— Ну чё, вроде приехали... — Яваха себе маклыгу чешет. — Провожатого более у нас нету.

Братья на то головами лишь закивали, а о впечатлениях своих промолчали.

— Эка же ты уродина, река Смородина! — воскликнул Яваха в досаде, на пламень глядя.

Да-а-а. Не стали братья ехать далее — чего-то не схотели. Да и кони под ними всхрапели и пенными губами удила закусил, таким манером осадить всадников попросили. Поозирались путешественники по окрестностям, глядь — домик невеликий стоит недалече. С виду дом вроде как дом: стены у него из камней сложены, крутая крыша черепицей покрыта, а дверь — вовнутрь открыта. Подъехали они к домику, с коней сходят, внутрь заходят, опять глядь — никого не видать. Вышли из, хозяев позвали, посвистом посвистали, а ни гу-гу, будто кинули дом обитатели на пользу врагу. Что ж, порешили брательники на постой тут остановиться, передохнуть слегка, а уж после того гомониться да чё далее делать, решать. И то верно: путь-то нелёгким доселе был — коням ноги он поубил.

— Авось пламя и поуляжется, — говорит братанам Яван. — Тогда, может статься, по мосту и удастся нам пробраться... Только вот чего: надо нам сторожа возле него поставить, а то неровён час — вдруг да с той стороны на нашу сторонку неприятель поедет да на спящих на нас и наедет! Не к лицу богатырям себя подставлять, так что часового по очереди будем выставлять.

Гордяй тут сторожить мост и взялся. Первым, говорит, отстою и потом спать завалюсь. Прихватил он меч вострый и отправился, зевая, на часах стоять, а Яван со Смирям в хатке на ночлег остались.

Стал царевич от моста подале на горке, постоял-постоял и вдруг наблюдает, что пламя и впрямь затихает. Ага! Затихает-затихает, а тут и совсем затихло. Потекла в реке водица на вид обыкновенная, только тёмная в ночной мгле. И мост потемнел, остывать быстро стал. А тут и месяц полный из-за тучи показался. «Как мост остынет совсем, то братьёв разбужу, да и поедем!» – думает Гордяй радостно.

Присел он покамест на камешек переждать, а тут вдруг ворона невдалеке как каркнет. Оборотился туда Гордяй, смотрит удивлённо – старушка перед ним стоит сгорбленная. Сама старая-престарая, волосы у неё седые, глазки маленькие, колючие, а нос-то огромный да загнутый вниз крючком. Гордяя от страха аж передёрнуло.

– Чур меня, чур! – от старухи он отшатнулся. – Изыди, страшилина, с глаз моих! Уйди!

– Здравствуй, сокол ясный, Гордяй-царевич! – говорит ему ведьма весьма приветливо. – Небось притомился в дороге, молодец удалой?

Гордяй на это сглотнул, но ни слова выдать из себя был не в силах.

– Ну да ничего, это дело поправимое. – ведьма ему говорит. – Не желаешь ли, красавец, силушку восстановить – моей чудо-бурды испробовать-испытать?

– Это что ещё за диво такое? – царевича удивление тут взяло. – У нас дома квас да отвар потребляют, а никакой бурды отродясь не пивали – и слыхом о ней не слыхивали, и в глаза не видали!

– Эх-хе-хе, темнота! А ещё царевичем называется! – карга старая над Гордяем издевается. – На-ка вон, выпей! Отведает, не пожалеет, враз поумнеешь: так заберёт, что не отпустит, горе-нужду в твою голову не пустит!

И протягивает ему бутылку немалую.

Тот её взял, вытащил затычку зубами да и хлебнул с горла бурды этой самой. И – у-у-у! – понравилась она сразу ему, вот он всю бутылку с устатку и вылакал. А как опорожнил посудину до дна, так в головушке у него зашумело, на душе зазверело, дурным голосом он заревел и позабыл обо всём на свете: напился, зараза, пьян, завалился, подлец, в бурьян, да и заснул себе точно мертвяк – только храп на всю округу раскатился.

А Явану отчего-то не спится. Смирять, тот сразу заснул, а Ванюха и так и эдак с боку на бок поворачивается – ну ни в какую! Порешил он тогда встать, прогуляться малость по окрестностям да к реке сходить посмотреть, а то чегой-то вдруг стало тихо – не случилось б какого лиха. Взял палицу – и вон. Наружу выходит, глядь – а река-то погасла, можно вроде ехать...

Только Гордяй-то где? Поискал его везде Ваня и нашёл-таки, а тот, паразит, спит, и дрянью от него разит. Попробовал его Ванька разбудить, да куда там – легче, наверное, чурбан деревянный оживить было бы, чем истукана этого ужратого в чувство привести.

Плюнул Яваха в сердцах, смотрит – а мост-то остыл уже вовсе, путь на тот берег готовый. И вдруг слышит он – не то грохот, не то гром – с той сторонюшки лягз какой-то странный раздаётся, и топот тяжёлый приближается, да пылица в придачу вздымается. Что там, смекает, за ерунда грядёт такая?.. И видит тут Ваня – подъезжает к мосту через реку страшный человек: едет на огромном чёрном коне чудо-великан! Детина был он рослый, сажени в полторы высоту, весь сплошь в броню сверкающую закованный, а рядом с его конём пёс, тоже чёрный, трусцою бежал, да чёрный же коршун над главою круги наматывал.

Ступил конь огромный на мост да и споткнулся, так что всадник в седле покачнулся. Коршун же хищный над ним встрепенулся, а пёс косматый чуть с ума не сошёл – лаем грозным весь изошёл.

– Ты чего, фарш колбасный, спотыкаешься? – взгремел великан, коня плетью охаживая. – Может, противничка мне учуял, волчья ты сыть? Так где ж ему здесь быть! Один лишь Явашка

Коровяшка мог бы со мной потягаться, да не место ему тут шляться! Пускай ещё подрастёт да молочка пососёт, а то озлюсь, наеду и дале поеду!

Яваха таких речей не стерпел. Палицу живо он – хватъ, к реке – шась, на мост вылазит да дорожку прямоезжую чуде-юде и перегораживает.

– А ну-ка стой, стервец! – вскричал он голосом молодецким. – На эту сторону́ переезду нету! Ты почто через мост прёшь, чёрт-те что врёшь да ещё разрешения не спрашиваешь?!

Осадил великанище коня, поглядел на Явана презрительно и рассмеялся язвительно. И от смеха его противного по округе прямо гул раскатился. Пригляделся к нему Ваня – ну, думает, ты и безобразный! Голова у громадины была как бочка, носяра как кочка, во лбище единственный глазище лютым пламенем аж шкворчит, да в придачу над ним рожище торчмя торчит. Пасть, гад, раззявил – вуй! – зубья, что частокол, щерятся! И как с таким будешь силушкой меряться?..

– Да как ты смеешь, козявка двуногая, – заорал циклопище прегромко, – мне, Грубовобру, сыну Чёрного Царя, дорогу тут ещё загораживать?! Я сейчас тебя как червяка раздавлю, да псине своей и скормлю!

– Хэ! Давилка у тебя ещё не отросла, чучело пучеглазое! – взъерился Ваня, хуления услыхавши. – Сделавши дело хвались, а не сделавши крепись, да отсюда катайся! Понял, не?

Оторопело чудище-юдище от такой наглости, лобище нахмурило, глазищем заморгало – слова молвить не может даже.

А Яваха ему далее на психику жмёт да дорогу кажет:

– Оглох что ли, лупоглазый? Тебе говорю!.. Вороти давай конягу да давай отсюда тягу, а то как двину – враз копыта откинешь! Ну-у! Улепётывай!!!

И за палицу решительно берётся. По всему было видать, что не терпелось ему в драку встрять.

– А ты кто ещё такой, чтобы меня стращать, да через мост не пущать? – насилу великан оклемался и оком недовольным на Явана уставился. – Ты, видно, неуч дикий и того не ведаешь, что я воин великий, и что мне досель людишки дерзить не решались, а уважали меня и боялись. А ну-ка, изволь отвечать, как тебя звать-то да величать!

Что ж, Явану назваться не тяжко.

– А я, – он отвечает, – и есть тот самый Явашка Коровяшка, на которого ты, чёрт рогатый, наехать-то хотел. Чё, ещё не расхотел?

После слов сих Явановых чёрный пёс хвост поджал, заскулил и прочь убежал, а чёрный коршун вскрикнул, в небо взвился и с глаз долой скрылся.

Видит вояка-чертяка – дело серьёзное – перспектива для него открылася грозная. Почесал он себе задумчиво ряху да и пытается посля Яваху:

– Ну что, Яван Коровий сын – биться с тобою будем, али, может, замиримся?

А Ваня ему:

– Не для того я здесь оказался, чтобы с вами, с чертями, мировую заключать. Знаться да лобызаться нам не ко времени – биться-сражаться будем до смерти!

Заёрзал циклоп в седле – вроде как неудобно ему стало сидеть. А потом и говорит, чуть ли даже не вежливо:

– Ага, понятно... Слушай, Яван: а ты на нашу сторону переходи давай! Ты, я гляжу, наш парень: и силён, и как чёрт нахален. А за твою сознательность мы тебе и тут дадим власть, и в посмертии не оставим: как ровня в аду с нами жить будешь и великие блага добудешь! Власть, Яван, власть – вот где истая сласть! Ну!..

Тут Яваха на мостовую с чувством сплюнул да твёрдым голосом властолюбцу сему и отвечает:

– Слышь ты, гад – звать меня Яван Говяда, и мне власти вашей поганой не надо!

– Тю! – развеселился громила злой радостью. – Да ты, я гляжу, паря – дурак! Ха-ха-ха-ха!

– А это мы щас и проверим, кто из нас ббольший дурак! – в ответки Ванята ему восклицает и палицу не спеша подымает. – Пущай Бог нас в том рассудит!..

Взревел циклопище голосом грубым, посвистом разбойничьим засвистал, булаву огромную поднял, да на Явана и напал, словно ураган. А Яваха-то, не будь в самом деле дурачиною, в сторонку возьми и отскочи, а затем ка-а-к близнет коню вражины по бочине! Греманулся коняга громадный об землю и на месте окошел, а великан рогатый через голову с коня сверзился да вперёд кувырком полетел.

Однако для своего размера и веса оказался он весьма шустр да резв. Вмиг на ноги он подхватился да врукопашную с Яваном схватился.

Ох и потеха тут молодецкая началась! Палица-то Яванова с булавою великановой со страшной силой сшибаются, искры от их соударения целыми снопами разлетаются, а лица супротивничков гримасами напряжения искажаются. Ужасные шум да гром по округе далеко раздаются, но оба врага с каждой минутой ещё лютее сражаются. Ни в чём друг другу не поддаются – насмерть бьются!

Долго они там мутузились, ногами даже рытвины на поле вспахали, а всё один другого не одолевали. Уже ночка кончалась, ясный месяц за тучку зашёл, словно интереса в этом бою для себя не нашел, а у них ничья да ничья...

Наконец изловчился ловкий Ваня, по булаве врага что есть моченьки вдарил, а она тресь – и переломилась. Яван тогда палицей крутанул да башчищу потную с плечищ циклоповых и рубанул. Грохнулся убиённый чёрт оземь, и дух с него вон! Да такой-то тяжёлый и вонючий энтот духан оказался, что у Ванюхи от его вдыхания слёзы горючие полилися, да чуть ли корчи не начались... Подул тут из-за реки ветерок, и эту вонищу на белый свет отнесло. «Дело худое, – подумал витязь. – Как бы люди Земли духом этого паразита не заразились!»

Ну да делать-то нечего – что срублено, то сроблено, как есть, так и есть, по нахалу и честь. Вытер Яваха пот горячий с чела, по сторонам огляделся и видит, что негодяй Гордый по-прежнему в стороне дрыхнет; ничё ему не помешало: ни шум, ни лязг, ни гром... Это надо ж быть таким чурбаном!

Стал его Ваня тормозить и насилу-то добудился. Опамятовался чуток брательничек, буркалы продрал, место битвы увидал – оправдываться начал: это на меня, мол, морок волшебный нашёл, а то бы я тебе, Ванюша, на подмогу непременно пришёл...

Ну, Яван ему о случившемся в двух словах поведал, всё как есть изложил и выговор за головоотяпство влил. Хорошо, что хоть не побил... А уж утро зарделось. Начала Смородина сызнава пламенеть, и от жару несусветного раскалился опять мост железный. Ни проехать тебе, ни пройти – и другого нету пути.

Вертаются братьовья в хатку, глядят, а там Смиряй от страха забился под лавку, ни жив ни мёртв лежит да словно заяц дрожит. Яваха ему отрубленную чертячью башку кажет; чего, мол, тот на это скажет, а Смиряйка врёт:

– Занемог я, Ванюша, ох и занемог! Это, наверное, морок на меня нашёл, обуял меня, стиснул, а то бы я на выручку тебе пришёл, пособил бы тебе, вызволил...

– М-да, вояки, – усмехается на это Яваха. – Могучи лишь бить баклуши. С вами навояешь...

Позавтракали они харчами припасёнными, поспали чуток, потом опять поели, затем на реку огненну поглядели, разных песен попели – а тут и вечер.

– Ну, теперь иди ты что ли... – Яван Смиряю велит. – Мосток посторожи, а как пламя поутихнет, нас кликни. Да не тяни вольну, тетёха, а то всем будет плохо!

Вздыхнул Смиряй тяжко, мечом опоясался и в дозор поплёлся, а Яваха с Гордыхой парой слов перемолвились да на полу спать завалились. Гордый-то сразу отрубился и захрапел, а Явану отчего-то не спится, всяка мура ему мнится. Вот помаялся он, в забытьи пометался да вдруг на ножки резвые как подскочит – и к мосту идти хочет...

Смиря же, как на место заявился, так на камешке поодаль моста угнездился и пить захотел, поскольку от жары, а больше от страху, ажник он упрел. Посидел толстяк там истукан истуканом, глядь – а пламя на реке стало стихать.

И тут невдалеке ворона вдруг как каркнет! Смиряха даже подскочил от неожиданности. Обернулся он стремительно, смотрит, а возле него старушонка горбоносая стоит.

– А-а-а! – заорал Смирйяй, на задницу падая. А ведьма ему улыбается.

– Здравствуй, – говорит, – Смирйяй, кухаркин сын!

– З-д-д-равствуй, б-бабушка!

– Жарковато тута, не правда ли? А зато я тебе гостинца притаранила. Не желаешь ли отведасть бурды моей славной?

– А это что ещё за штуковина? – любопытство Смирряя взяло. – Кажись, я такого питья отродясь не пивал...

– Ну а ты попробуй, не пожалеешь, – старуха ему лапшу на уши навешивает. – Цари с князьями, да бояре с друзьями чудо-бурду пьют да весело живут. И ты, Смирйяй, с ними сравняешься, коли к бутылочке сей припиявишься!

И протягивает ему пребольшую в руке бутыль.

Смиряха как хлебанул с горла бурды сей отравленной, так мгновенно, дурак-невежа, и ожадовел, после чего в бутылещу ущерепился и выхлебал её до самого дна, прям не оторвать, ёж его в дребадане рать! В один момент он захмелел, об землю рылом шмяк да и захрапел, что твой хряк.

Как раз в это времечко и Яваха туда подгребаёт. Смотрит – дозорный его мертвецким сном спит, почивает, и ничто его более не колупает. Попытался Яван его разбудить, только легче колоду придорожную было бы оживить. Да уж, нету пуще, видно, изьяну, коли дозорный лежит в стельку пьяный!

А тут с той стороны неожиданно шум да гром ужасные раздалися, и клубищи пылищи вдальке поднялися. Смотрит Яван и видит: на сером конище огромный змеище к мосту мчится, а рядом с ним страшенная серая псина семенит, да над головою серая ворона кружит.

Подъехало чудище к мосту и только на него ступило, а конь-то его возьми и споткнись. Да и собачища воем вдруг завyla, а ворона встрепенулася и закаркала, будто её кто давит.

Остановился змей, обернулся, туда да сюда посмотрел, озлел да и зашипел:

– Это ты почему, колбасный фарш, спотыкаешься? Нешто чуешь запрет? Так противников у меня нет. Может, только Явашка Коровяшка потягаться со мною мог бы, да его-то сюда не просят – невесть где его ангелы носят...

Тут Яваха с горочки – шасть! – и захлопнул змеищу пасть.

– Приехали! – орёт он властно. – Далее ходу нету!.. Ишь повадилась всякая нечисть на наш свет хаживать да людей не уваживать. Ты кто такой есть, чтобы через мост переть? А ну отвечай – не немой ведь чай!

Опешил змей вначале от Явановой отчаянной наглости, надулся весь, зашипел. А потом вдруг как захохочет!

Пригляделся к нему Ванюха – ну, думает, и урод! Голов-то у змея, словно опят на пне: двенадцать где-то, не менее. Одна другой, значит, больше и жутче, и никакая прочих не лучше. Да в придачу ещё какие-то несуразные, а морды на каждой разные и красками цветастыми обмазанные. И опять же – что ни харя, то своё у неё выражение: эта вот зла, а та, как у козла, третья благостная, четвёртая сладостная, тута хитрющая, а тама смеющая... А лап-то у змея числом шесть, и в каждой лапище то кинжалище зажат, то булавище, то склянка с ядом, то в чёрном переплёте книга, ну а на последней лапе – из пальцев свёрнута фи́га. И хвостов у чудовища аж целых три было, да на конце каждого хвостищи – острое жало торчит.

Оглядел пресмыкающего Ваня, и на хохот его – ноль внимания. Помалкивает... А змей тем временем смеяться перестал, посмотрел жадно на богатыря двадцатью четырьмя жёлтыми

глазами и, очевидно главная его морда, толстая такая да самодовольная, превесьма напыщенно к Явану обратилась:

– О, доблестный витязь! Мы, мудрый Хитровол, прямо сказать, поражены храбростью, с каковой вы нам, сыну Чёрного Царя, перечите и всяки грубости нам речете. Видимо, обладаете вы истою силою, чтобы этак хаметь, а не то придётся вам пожалеть... Не соизволите ли вы своё имя-прозвище нам назвать, а?

– Хм! Яван я, Говяда, не боящийся змеинового яда!

После этих слов Ваниных змеев пёс заскулил и наутёк пустился, а ворона закаркала гадко – и тоже оттуда пропала. У змея же на мгновение аж глаза от страха остекленели.

Однако он быстро опамятовался и с такими словами к Явану обратился:

– Ба-а! Какая удача! Давно я вынашивал планы познакомиться с сыном Небесной Коровы! Рад! Рад очень!.. Нам, дорогой Яван, теперь непременно нужно подружиться!

Смешно Ване стало.

– За предложение благодарствую, – змею он скаазл, – да только грязью играть – руки марать. Так что, ваше змеиное преосвященство, извините и назад валите! Ага – вон туда!

И он указал змею направление за реку.

– Напрасно вы так, Яван Говяда, напрасно, – скривился змеина главной орясиной, – я ж как лучше хочу, ага! А высшая благодать – это власть. Вла-а-сть!!! Заживём мы с тобою всласть – и богу угодим, и себя не обидим. Благо же, Яван, три вещи дарят: ум, сила и злато!

– Слышь ты, властолюбец поганый, и запомни-ка навсегда: звать меня Яван Говяда – и мне злата не надо!

– Ну, злато, не злато – но образы божьи ведь людям надобны. Маливаться-то без них как?!

– А у нас они уже имеются – и делать ничё не надь!

– Ах, вот оно что! И каковы они, позвольте спросить?

– А вот какие: солнце... месяц... вода... огонь... земля... и воздух. Неплохие образы, а? Сама природа!

– Экий же вы болван, Говяда Яван! – воскликнул змей в досаде.

Но он тут же лицемерно улыбнулся во весь рот. Зато другие головы смотрели на Ваню весьма сурово.

– Ой, извините – сорвалось! Погорячился!.. Но, при всём к вам уважении, Яван – вы дурак. Недоумок, ага!

Яваха же весело рассмеялся.

– Верно, – он сказал, – я дурак и есть. А ты зато шибко умный... Только ум без разума – беда. Али не слышал?

– Вы плохой раб божий, Яван – вольнодумец!

– Э-э, не могут дети Ра быть его рабами! Фигня это! Мы так и зовёмся – Ра сыны, а страна наша – Расияньем прозывается. Мы издревле православные – на том стоим, стояли и будем стоять!

– Чуш-ш-шь...

– А ежели мы лиху не даёмся, поём да смеёмся, то мы Ра душой отдаёмся – радуемся, значит. Вот это и есть наша ему жертва, когда мы добро чаем, а от зла отбиваем. А славословие Богу мы такое любим орать...

– Это, интересно, какое?

– А вот какое: Ура! Ур-ра! Ур-р-а-а-а-а!!!

– Да ты опасен, друг мой, оч-чень опасен! – прошипела еле слышно самая малая гадова голова.

И вдруг – сверк! – словно молнии, выбросил змей сразу две свои длинные лапы с зажатыми в них кинжалами, да вдобавок ещё маханул хвостовыми жалами! Чиркнули лезвия острые и жала смертоносные по белому Яванову телу, но никакого вреда, противу змеева ожида-

ния, ему не сделали – спасибо броне небесной, материнскому дару! – неуязвим Яван оказался для подлого удара.

– Ах такая у тебя, значит, вера! – взъярился Ваня явно да, подскочивши, змеюке коварному по тулову – хрясь!.. И коню рикошетом досталось. Хитровол с коня-то долой, да об землю – бряк! Здорово эдак упал, а коняга его на месте пал.

Но хитёр оказался змей – тот ещё оказался прохиндей. Не успел Ваня в другой раз своё оружие поднять, как этот гад по макухе ему толстенной книгой – шарах!.. Побери его прах! У Ваньки аж зубы лязгнули, да искры из глаз сыпанули. Оголоушило его чертячьим писанием да так, что наш герой дар ориентации слегонца потерял. Зато змеище даром времени не терял. Главная его голова щёки шаром надула и пустила на врага своего огненную струю. Ежели б опять не броня небесная, то сгорел бы Яван непременно, а так только рубаха на нём погорела, и всё.

Да Ваня-то скоро опомнился, не растерялся, освирепел он и не сказать чтобы тихо палицей помахивать принялся. Змеина такого явно не ожидал, а Яваха тут изловчился удачно, и поплатился Хитровол ближайшей своей головой: покатила она с тулова долой.

И пошла тут для Вани потеха – для вражины его не утеха! Змей-то, словно угорь на скорородке, вертится, шипит, орёт, обезоруженными лапами Явана дерёт, вооружёнными его яро шугает да в придачу хвостовыми стилетами богатыря стегает... Только не на того, ящер, напал – ни разу Ванька не упал да под удар более не подставился. Бегаёт он вокруг гада, ловко пред ним скачет, – смеётся, а не плачет: через себя оборачивается, туда-сюда поворачивается, змеевой подлости не прощает да палицей его угощает...

Много ли времени минуло али мало, только осталась у чёрта на плечах одна-единственная голова – главная. Захрипел ею гад, запыхал, запросил чуток передыху.

Только Яваха не соглашается:

– Да где ж здесь было умяться! – он сказал – Я ведь почти не устал, а ты чего середь боя встал? Давай-ка окончим дело – тогда и отдыхать будем смело!

Тут змеюка совсем в отчаянье пришёл и чёрным дымом весь изошёл. Под сей дымной завесой успел он назад повернуть, хотел было с места сражения драпануть, да только трюк сей у него не удался – Ванька-то на уловку не поддался. Змея удиравшего он тут же догнал и вконец его доконал: последнюю башку ему срубил.

Вот и второго чертяку вслед за первым Яван погубил!

И вышел из гада убитого дух – такой тяжёлый да приторный, что у Ванюхи аж дыхание в груди перехватило да по голове точно обухомхватило. Покачнулся он, ослаб, зашатался и так бы, наверное, там и остался – на землю бы пал да смертью пропал. А тут ветер с адской стороны потянул, и это Явана спасло: смертоносный дух на белый свет отнесло.

«Худо дело! – подумал Ваня, отрезвившись. – Как бы этим духом лживым честной народ на родине не заразился!» Ну да делать-то уже нечего – назад ведь змеев дух не вернёшь и башчици к плечам ему не пришьёшь. А и не надо – правильно сделал Говяда!

Оглядел себя Ванюха, ощупал, и к Смиряю направился походочкой упругой.

А тот в травке невдалеке валялся. Его счастье, что не наступил на него гадище в пылу схватки – раздавил бы, к чертям собачьим, как куропатку. Принялся его Ваня будить да за холку тормошишь, и насилу-то разбудил. А этот байбак глаза продрал, поле битвы увидал и чуть было опять в обморок не брякнулся. Да вдобавок и от Ваньки шарахнулся, в опалённом войке брата не признавши.

Яваха змееву голову прихватил, и они в домик вместе пошли. Приходят, стучат – закрыто. А это, оказывается, Гордый изнутри затворился, а сам под лавку забился и как осинный лист дрожит. Решил Яван над ним подшутить, плечом на дверь надавил, засов сломал, дверь приоткрыл и голову змеиную в проём суёт, а оттуда Гордый перепуганный прям благим матом орёт. Дюже, сердешный, он перепужался, даже обкакался, – подумал, грешный, что

настал его последний час. Думал он, это змей Явана съел, его самого нашёл и за его душою пришёл.

– Ну, вот чё, вояки, – сурово сказал спутникам своим Яваха, – помощнички из вас, я гляжу, аховые. Даром что с виду здоровы, а на вас понадейся, не снесёшь и головы. Н-да-а... Я вечер сам мост сторожить иду. А вы не спите! В полной готовности тут сидите! Чую я, битва у меня будет страшная... Как услышите свист, так тут же на помощь мне поспешайте – да не шибко-то мешкайте! Не успеете – мне мат, а вы врага тем более не одолеете. Факт!

Ладно. Сказал Яван и спать завалился, потому как уже утро настало, и Смородина вновь пламенную стала.

Проснулся он не сразу. Чует, в теле ломота какая-то, усталость... Ещё бы, две ночи кряду с чертями биться – не мудрено тут и умориться. Ну а чё ты будешь делать – тело оно и есть тело: роздыху ему бы дать, да где ж время взять?

Перекусили братья припасами остатними, на огненну реку поглазели, песен опять попели, а тут и вечер подходит, очередь Явана идти выходит.

– Дай рубаху что ли... – приказывает он Гордюю. – А то как-то неуважительно голяком встречать дорогих врагов.

Гордый снял рубаху с себя нехотя и протянул Явану; тот напялил её кое-как, повёл плечами, и раздался треск – рубаха разошлась по швам на могучем Явановом теле.

Яван улыбнулся, взглянул весело на Гордья, а у того на лице недовольное выражение сквасилось.

– И шелом тоже давай!

Гордый потопал в дом и вынес оттуда шлём. Яван надел его на голову и удалился.

– Мог бы и так идти... – пробурчал Гордыха себе под нос. – А то мёрзни тут...

– А ты к речке сходи, погрейся, – Смиряйка ему советует.

– Да пошёл ты!.. – замахнулся на него Гордый. – Глаза бы мои эту Смородину не видали!

– Ну, тогда спать давай завалимся!

– Вот это другое дело... Идём, братень!

И они вошли в домик и захлопнули за собой дверь.

А Яван, как к мосту притопал, так поднялся сразу на горку, чтобы улучшить обзор, и присел на камень. И сидит себе, отдыхает... Через часик-другой глядит – речка уже остывать стала, пламенем полыхать перестала.

Тут вдруг невдалеке ворона каркнула. Яван туда посмотрел – что за хрень! – никого вроде нету. Назад повернулся, с удивлением глядит, а откуда ни возьмись, – прям из воздуха, кажись, – старушка странная пред его очами и появилась.

– Здравствуй, Яван-богатырь, Коровий сын! – прошамкала скрипуче она.

– Здорово живёшь, старая кочерыжка! Кого здесь пасёшь? Часом не меня ли?

– Может тебя, может не тебя, а может так само тут гуляю...

– А-а! Ну и гуляй себе мимо. Ты мне тут без надобности...

Яван тут с хрустом потянулся и принялся разминать себе правую руку.

А старуха ему:

– Чай устал небось биться да драться? Хе-хе!.. Ну, да я тебе помогу, силы твои подкрепить смогу. Накося, болезный, испей чудо-бурды моей славной, чтоб усталость-то поунять. Дуже она полезно для людей. Ей-ей – пей, не робей!

И бутылку ему большую протягивает, а сама пристально так в глаза его заглядывает. Посмотрел и Яванушка в старухины очи, а они почему-то темнее ночи – чёрная в них пустота в жутком мраке одна разлита. Не по себе вдруг Явану стало, аж поёжился он и плечами зябко передёрнул.

– Не-а, – отвечает он старухе, усмехнувшись. – За предложение, конечно, благодарствую, да я ведь, бабуля, Яван Говяда, и мне бурды-то не надо. Мне бы выпить молока, чтоб усилилась рука!

Никаких чувств лицо старухино, кажись, не выражало, а всё ж таки тень едва заметного недовольства по нему пробежала.

Тут позади Явана ворона опять как каркнет. Посмотрел он туда скоро – а и нету там никого! А когда назад поворотился, старушеницы уже и след простыл. Пропала, старая, как не бывала.

«Да-а, чудные здесь творятся дела...» – подумал про всё это Яван, а потом головою покачал, чего-то под нос себе пробурчал и далее сторожить почал.

А старуха в то самое времечко – скр-и-ип! – в домик-то и заходит. Как узрели её эти дёлбни, – струхнули очень: рожи у них от неожиданности повытянулись, глаза повыпучились, а челюсти поотвисли. Сперва-то и слова вымолвить они не могли, а потом очухались малость да как замашут на гостью незваную руками: ничего-де нам от тебя не надо, и питьё это твоё – ну его к ляду! Дай ты лишь душам нашим покою, а то бóшки аж раскалываются с перепоею!

Ага, счас! Ведьма старая никакого внимания на братьёво бурчание обращать не собирается, а лишь усмешается да поближе к ним подбирается.

Подошла и захихикала эдак ехидно, коварная ехидна.

– А я вам, голуби вы мои, – говорит она им, – ничего пить-то и не предлагаю. Зато у меня в сумке для вашего самочувствия одолень-трава имеется благая. Вы её возьмите, подожгите да дымочком ейным окуритеся – круче вас не найти будет витязей! Боль в головушках ваших в один миг пройдёт, и така на души благодать снизойдёт, что ни вздумать, ни взгадать, ни в словах не передать!

И подсовывает стражам поражённым пучище травы сушёной.

А братовья от страху назад аж подались, траву ведьмачью разжигать не желая. Тогда старая сама её подожгла, пыхнув изо рта струёй огненной, и враз розовый дым всю избушку наполнил. Братья дымок ядовитый понюхали – у-у-у! – не соврала старуха: вещица-то забориста. А сами сопят, дым пахучий в себя тянут – благодать ощутить чают. Да только, оказывается, разум в душах отчаянных с каждым вдохом лишь помрачают... Не дуже много времени протекло, как буркалы у оболтусов закатились, и оба они со стеклянными взорами на пол повалились. Вчистую, куряки, повырубались!

А река эта, Смородина, потухла уже той порою. Да и мост остыл – путь вроде как стал свободен с пекла, значит, на родину. Само собою и наоборот – освободился как бы проход. Привстал Ваня со своего камня, взгляделся в мрачную даль, прислушался... Да нет, вроде всё тихо. Может, думает, и не так всё лихо...

И вдруг, откуда-то издаля, навреде как конский топот послышался. Точно, топ – всё ближе эдак и ближе... И минутки не минуло даже, как с той сторонюшки земля задрожала, облако пыльное на глаза Ванины набежало, и весь почитай обзор пылица густая ему застлала.

«Ох и страшное, наверное, чудище-юдище сюда приближается!» – Яван про себя смекает и от волнения с ноги на ногу переминается.

Тут пыль маленечко порассеялась, и видит Ванюха с удивлением, что подскакивает к Смородине на вороном скакуне воин странный в чёрных доспехах. Да один-то одинёшенек, без сопровождения всякого: без собаки, и без какой бы то ни было вороняки. Остановился рыцарь возле реки, головою покрутил, огляделся кругом, словно встречи ожидал с неким врагом, а потом решительно на мост взъехал и с гордым видом далё поехал.

Пригляделся к гостю новоявленному Яван. Хм, думает – ратник вроде как ратник: росту обыкновенного, виду по-адски надменного – только чёрные доспехи цветными огнями на нём переливаются, да маска железная под шоломом блестящим рисованными зубами скалится... И то сказать, не на прогулочку, видать, выехал наездничек сей лихой, а на смертный

и ярый бой, и для того он в левой руке копьё таранящее крепко держит, а в правой палицу шипастую сжимает, да ко всему вдобавок мечик в ножнах на поясе у него висит. Во, значит, как вооружился, паразит!

Ну и Яваха не лыком шит, хотя им и опоясан. С горушки своей на мост он сбегает, руку вверх поднимает и непрошеному гостю путь-дорожку перегораживает.

– А ну-ка стой! – громко он орёт. – Невесть кому на эту сторону́ дорога ныне заказана! Тута теперя застава!

Осадил всадник коня, чуток на месте погарцевал, а потом, разглядевши молодца, как вдруг захохочет. А окрестность вся эхом жутким в ответ как захохочет. И до того отчего-то громко, что Ванька чуть было не оглох.

– Что-то всё смешливые попадают, – себе под нос он пробормотал. – Да пусть себе ржёт, коль неймётся – у нас ведь добре последний смеётся.

– Ты лучше здесь не грохочи громогласно, а отсюда прочь скачи – ясно!? – закричал он, сколько мог громко. – Всё же цел будешь и корочун себе не добудешь!

А рыцарь ему:

– Это ты что ли, урод, братьев моих Грубовора да Хитровола уконтрапопил, а?!!

Да так громко опять ужасно – ну будто лавина с горы сошла, а не речь из уст изошла.

Яваха тогда по ушам своим заложённым постучал и так крикуну отвечал:

– Может я, может не я, а скорее палица эта моя! Она у меня нарочно так сроблена, чтобы чертей злобных гробить.

Тут рыцарь колёсико какое-то на шлеме подкрутил, после чего голос его невозможный чувствительно поутих.

– А коли так, – хриплым басом он сказал, – то готовься к бою, дурак! На поединок я тебя вызываю, и пощады от меня не чай – насмерть будем биться, наглый неучтивец!

– Вот это дело другое! – воскликнул Яван довольно. – Так-то поболее будет толку – никаких тебе уловок да кривотолков... А позволь, благородный воин, узнать: как тебя звать да величать?

– А это тебе без надобности! – тот в ответ гаркнул. – Жить тебе осталось мало и нечего чепухой голову засорять!

Яван на это лишь плечами пожал, а рыцарь коня на дыбы поднял, потряс угрожающе копием и рыкнул громоподобно, тем самым звание своё рыцарское оправдывая:

– Защищайся, болван!!!

Да, пришпоривши яро коня, словно вихрь стремительный полетел на Явана и едва-едва остриём копья в грудь богатыря не шандалахнул.

Каким-то чудом, несомненно, Ваня в сторону вернуться успел, да в тот же миг его вражина палицей ему по загривку огрел. Ванька от такого удара с ног долой и загремел. Впервые, надо сказать, он ударище такой получил, но смертью не погинул и даже не выключился, хотя боль, конечно, была адская.

«Вот же свирепый гад! – пронеслось молнией у него в мыслях. – Силёшка у этого чертопраха покрусче будет, нежели у братьев его окаянных!..»

И едва наш парень чуток от удара воспрянул и на ножки нерезвые прынул, как вояка лядов своего коня уже развернул и в обрат летит, аж земля гудит. Ну а прискакавши, опять, значит, Ваньку пикою – пырь, чёртов упырь!

Да Ванюха на рыцарев трюк ловок на сей раз оказался: в последнее мгновение в сторону он подался, по копьё палицею влупил и надвое его переломил. Только вот радости особой эта удача ему не доставила, ибо вновь Говяда под удар подставился: чёрный рыцарь палицей своей шипастой по шее его угостил и сызнава на земельку опустил. Поплыло вражье изображение в очах у богатыря поверженного, поскольку заслезились они от обхождения такого невежливого.

Тут уж лихоманец этот ярый жару наподдал: конём вознамерился затоптать он упавшего воя, да вдобавок ещё и палицей попытался примериться ему по головушке. Благо ещё, что промахнулся, в витязя опешенного не попал, а то бы может и навеки Ваня там пал... А так оклемался он мало-помалу, ловок сызнова стал, как бес: под брюхом у коняги пролез, туда да сюда пометался, палицей от вражьих ударов поотбивался, потом момент наконец улучил, на ноги шустро вскочил, в вышину, точно рысь, прынул и по лбу коню кулаком грянул. Поник зверь ярый главою да с копыт-то вмиг и долой...

Но на адского человека конское падение почти не подействовало: вперёд он молниеносно перекувырнулся и на ножки свои обопнулся. И опять, значит, к бою готовый, тренированный чёртов вой! «Н-да, – подумал в недоумении Ваня, – трудновато будет с этим акробатом сладить, – да надо, а иначе как его отвадить, чёрного гада!..»

А рыцарь уже вокруг похаживает, палицу свою к деснице прилаживает, а рукою другою мечиком орудует, фигуры разные им рисует. Да уж, такой стервец ни перед чем, кажись, не спасует. Перевёл чёрт дух, походил вокруг, да как кинется рьяно на Явана! И пошла у них тут битва впешую – на равных стакнулись они к лешему!

Полночи рубились тама да воевали, а сказать, чтоб один другого одолевал, можно было едва ли. Яваха чуть вон не лез из кожи, чтобы противника настырного угробить, да и рыцарь не понарошку старался и смерти Говядиной домогался. И вот две тяжких палицы да один меч между собою сшибаются, искры из них аж снопами высекаются, гром да лязг по округе брязгают, под бойцами мать-сыра-земля сотрясается, а вороги непримиримые знай себе сражаются, да накручивают круги...

Долго ли коротко они друг с дружкой бились, а тут вроде как развязка у них наконец случилась. Яван-то энтому гаду меч напополам раздолбил да, дожидаться не став, и палицу из руки его к чертям вышиб... Только и рыцарь оказался не соломой шит. Извернулся он в свой черёд как-то хитро, ногой Явану по деснице вмазал – и не промазал: у того палица его бряк – и упала. Да вдобавок ещё и по ножке босой ему попала. А пока Ванюха ногу тёр, чёрт ему нос-то утёр: по роже кулачиной железным с размаху врезал и чуть было с ног опять не сшибил, да вишь и Ване стало везти – кулак разящий чуток проскользил.

Стали тогда два ворога безоружно драться да бороться и до самого почитай утра без роздыха мало-мальского там валандались. Только опять, видать, коса на камень нашла: попервоначалу вроде как Ваня вражину осиливал, мощью своей его переигрывая, ну а потом стал он малёхи сдавать и заметно принялся уставать. А чё – третью ж ведь ночь он там бьётся – тут любой силач поуймётся!

«Надо кончать с этим чёртом рьяным!» – решительнее некуда подумал Яван. Собрался он с силушкой остатнею да ка-а-к стукнет рыцарю кулаком по головушке его железной – тот в земельку повыше щиколоток и ушёл. А чертяка в свою очередь тут размахивается да Явану по шарабану-то – бац! Тот от удара кувалдинога чуть ли не по колена самые в землю и встрял.

– Эй ты, вояка! – крикнул Яван тогда хрипло, потому как в горле у него осипло. – Как там тебя?.. Честные поединщики побьются-побьются да и передохнут, воздуху свежего малость вдохнут. А чем мы-то их хуже – ужо засели как жабы в луже!

– Ну что ж, – соглашается с Ваней тот, – коль тебе невмочь, то и я отдохнуть не прочь.

И ноги свои из земли вытаскивает живо.

Сунул тогда Яван поспешно в рот пальцы и засвистал так, что с крыши дома несколько черепиц посрывало. А толку-то! Брательнички евонные на полу обалдевши лежат, вставать не спешат, на харях дурные ухмылки изображают, а просыпаться и не собираются.

– А ну хорош здесь отдыхать, ангелов ратник! – рыцарь тут рывкнул. – Пора уж с тобой и заканчивать!

И схватка по новой у них разгорается. Первым Яван вдарил рыцаря по шелому, но его не убил, а по колена лишь в землю вбил. Да только быстро весьма чертяка освободился

и с такою силою неимоверною Ване по темечку свистнул, что тот, бедняга, чуть ли не по пояс в земельку угрыз.

И до того тут досадно у Вани на душе стало, с такою прытью сердце ретивое у него выграло, что усталость его мертвящая сама собою куда-то и пропала. Высвободил он быстрёшенько свои резвые ноженьки, подскочил скорёшенько к чёрту железнорожему да, схвативши врага своего поперёк пояса, с такой яростью о камни дорожные его брякнул, что все доспехи чудесные на нём звякнули!

Угомонил-таки Ванёк противничка неуёмного: лежит тот перед ним, молчит и пальчиком пошевелить не спешит.

Порешил тогда Яванище сгоряча и вовсе вражину упрямого добить на фиг. Отыскал он живо свою палицу, над собою её взметнул и хотел уже было рыцарю головушку пробить буйную, да что-то рука у него вдруг застоялася, сердце ретивое в груди поунылося: на поединщика лежащего палица не поднялася. Опускает тогда Яван оружие своё ратное, а потом, недолго думая, колено пред врагом преклоняет и могучею рукою маску-шелом с него срывает.

И кого же пред собою он зрит! Батюшки-светы! Великий Ра!.. Лежит на земле недвижно девица-краса! В руку толстая и чёрная, как смоль, была у неё коса. А брови у чудодевахи узкие оказались, густые, луками упругими вразлёт выгнутые; ну а глазищи большущие, точно опухалами, веками с ресницами длиннющими прикрытые. Зато носик невеликий у неё был, будто точёный, да вздёрнутый слегка, а кожа лица смуглая и как атлас гладкая. На пухлых же её губках алая кровушка выступила, тоненькой струйкой на подбородок она сбежала и по шее лебединой побежала.

Ахнул поражённо Яван, и сердце буйное в груди его молотом застучало. Подскочил наш богатырь, будто очумелый: рот раскрыл, глаза выпучил, и будто всмятку стала у него рожа. С места сдвинуться Ваня даже не может, и понятно же почему – любовь ведь непостижима уму. В жизни своей Яван красавицы такой писаной нигде не видывал – а вот во сне зато видал. Ага! Та ж самая, оказывается, то была девица, которая повадилась ему ранее сниться, и сомнений никаких у него на сей счёт не осталось – она, она самая!

Недолго Ванёк столбом там стоял, быстренько от ступора он очнулся и для дела важного встрепенулся: скорее скорого к реке, ещё холодной, он сбегал, приволок в шеломе водицы да оросил ею личико девицы, с щёчек да с губок кровушку смыл, затем ротик ей приоткрыл и влаги толику в горлышко её влил. Потом разбудить девицу он попытался – а не получается: красавица-то не просыпается... Хотя ясно вроде видит Яван – не мёртвая она, ещё живая: дыхание жаркое сквозь зубки жемчужные у неё прорывается, да грудь высокая под доспехом тяжело вздымается. Быстро тогда взволнованный витязь богатыршу-девицу из волшебных доспехов освободил и на сырую земельку её положил. Одета она оказалась в одеяние странное: гладкое такое, сверкающее, плотно её облегающее.

Глядит Яван на это чудо природы и глаз отвести от неё не может. И видит усилием могучий с появившейся в душе горечью, что девица сия собою очень ладная и дюже пригожая, да только для жизни, видать, боле не гожая. Загоревал тогда Ванята, заубивался; крепко ведь противница бывшая ему полюбилась – ну больше жизни кажись!

– Эх! – запричитал разнесчастный Ваня. – И балда же я ломовая! Бычья башка! Тухлая говядина! Угробил, скотина этакая, красу ненаглядную!

Во, значит, что любовь-то с людьми творит! Такого геройского парня – непобедимого даже богатыря! – в самое сердце она ранила и всякую чушь болтать заставила. М-да-а... Ниже плеч Яван голову повесил, застонал, башкой помотал и пошёл с братьями неверными разбираться. Приходит к домику, вовнутрь заходит, а они вповалку на полу лежат и в беспмятстве, заразы, пребывают.

Будил их Ваня, будил, и орал на них, и теребил – а всё-то попусту, побери их пёс! Покамест Ваньша к Смородине сонь этих не отнёс и в водичке студёной не испугал, и не думали они,

обалдуи обдолбанные, просыпаться. А как только в реку смертельную они окунулись, то живо оба очнулись и выскочили на берег словно ошпаренные. Уж больно их телесам вода ледяна показалась.

– Утопить бы вас как паршивых щенят, – сказал с упрёком Ваня, – да жалко, братья ведь как-никак...

Рассказал он им вкратце о случившемся, и пошли они к мосту калёному. Приходят, оглядываются кругом – что, думают, за диво такое? – нигде бой-девицы нетути! Вона конь убитый лежит, вон оружие покорёженное валяется да доспехи, а её самой – нет как нет. Не иначе как испарилась, или дёру оттель дала. Вот такёшенькие-то дела...

Всю округу Яваха потом облазил подчистую, да только впустую. Пропала куда-то дева-красава, будто и вовсе там не бывала. И как вымерло всё вокруг – ну ни одного нигде живого существа. Только ворона большая на сухом кусту сидит, вредно покаркивает да чёрным оком на людей поглядывает. Кинул Яван в неё камнем в сердцах, но чуток не попал, промазал. Ворона тогда с куста шарахнулась, во всё горло заорала, а потом в небеса взвилась и за реку устремилась.

– Давайте-ка живо едем! – сказал Яван угрюмым братьям. – Покуда мост ещё стылый, а то река опять вспыхнет, и придётся нам ещё одну ночь тут дрыхнуть.

Мигом они собрались, воды в баклаги набрали, сами умылись, коней напоили и к мосту, некалёному пока, заспешили.

Глава 4. Через чёртову черту – на сторонушку на ту

Только добрались они до моста, как Гордьяй на Явана глянул, и его спрашивает:

– Эй, Ванёк, а куда делся твой перстенёк?

Ванька хватъ – нету на руке перстня Праведова! Никак, говорит, обронил его где-то, – когда, видно, сражался, али, может, где-нибудь в домике заваялся.

И братьям наказывает:

– Вы меня, братухи, обождите и на ту сторону скакать не спешите! А я мигом оборочуся...

Отошёл он от моста чуть подальше, где битва с богатыркою у них была жаркая, и принялся всё подряд обшаривать. Пошукал Ванюха чуток, поприглядывался, всё вроде осмотрел – ну нету нигде дедова перстня! Начал он даже пыль дорожную ворошить, да где там – пустая затея. Взял тогда Ванюха и доспехи снятые перетряхнул. И тут вдруг слышит – дзинь! – что-то в шеломе звякнуло. Опрокинул он его живо – и что бы вы думали, там было? Не, не искомый перстенёк, и не металлическая заклёпка, а выкатилась Явану на ладонь... девичья серёжка. Была она забавная, золотая да изошрённо сработанная, а в самой её серёдке камешек красненький ярко поблёскивал.

– Ну что, нашёл что ли, Ваня? – Гордьяй, зевая, Ванька́ пытается.

А тот головою в ответ качает.

– Не-а, – вря, отвечает, – тут лишь какая-то фигня. Нету перстня.

А сам, не долго смекая, серёгу эту в кармашек сумки кидает и к домику с горки сбегает. Вот подходит к нему, прислушивается – чё, думает, за ерунда! – навроде как в хатке некие голоса разговоры гундяво разговаривают? Яваха тогда вперёд на цыпках подкрался да ухом своим к дверям прижался. Ё-моё, слышит – точно балакают!

Он тогда в щёлку-то оком глядь – ах ёж ты ж твою в передрыгу! – расселися на лавках три страхолюдины ужасных, вроде как видом бабы, да каждая из себя хуже жабы: морды у них бледные, глаза вредные, волосы косматые, все весьма усатые, из слюнявых ротищ жёлтые торчат зубищи, а кожа у них как корища шершавая, да вдобавок ещё и прыщавая. Н-да, этакие раскрасавицы, видать, чудам-юдам только и могут понравиться...

Одна из страшил тут как раз зафырчала, чесаться везде почала, а потом прорычала:

– А я, сестрицы, всё ж таки придумала, как этому Явашке-недоумку за братьев-то за наших отплатить! Хе-хе-хе! Вот поедут эти негодники по степи, а я на них такую жажду наведу, что сделается им неведомо. Сама же ручеёчком звенящим на пути у них лягу. Не смогут они силе желания противиться, сойдут с коней водицей утолиться да наполнить свои фляги. А как станут они пить да хлебать, тут и смерть их придёт от яда – ни один живёхоньким не ускольхнет! Всё нутро их поганое я зельем своим отравлю, и звания колдовского уже не посрамлю! Уй!

– Это ты, правда, хитро, сестрица, придумала – да всё ж таки не совсем, – закаркала тут другая мамзель. – Я получше тебя ведаю, как Явашке Коровяшке отомстить. Га-а-а! А вдруг как не станут эти олухи пить да хлебать? Что тогда? Э-э-э! То-то же – неувязочка получается... А я голод лютей на этот люд напушу и по-свойски их угощу. Как подведёт у них брюхи аж до хребта – а тут и я! Яблонькой завлекательной на пути ихнем появлюся, и такие на той яблоньке яблочки зарумянятся наливные, что никто на свете отказаться от них не будет в силах. Вот и нахалы эти окаянные не смогут, по яблочку колдовскому они сожрут – и на мелкие ошмёточки разорвутся! Тьфу!

– И ты ладно весьма свою обманку замыслила, сестра, – зашепелявила тогда третья карга, – да всё ж я-то получше знаю, как нам ангелова Говяду извести и люту смертушку на него навести. Что там жажда какая-то да глад, – у людишек земных таковский уклад, что они и то, и другое терпеть научены, потому как лишениями всякими бывають примучены. А я наведу

на них сон липучий, да такой, что лечь они искать станут случая. Угу! И травушкой-муравушкой на пути у них лягу. Как станет волшебна трава манить их к себе, заманивать, да разум с умом одурманивать, то и не смогут разбойники сии велению сна противиться. И едва на лужаечку эту мрази прилягут, как прахом вмиг там и лягут: живьём сгорят в пламени адском, собаки ангельские!

Засмеялися кикиморы эти презлорадно, глазищами заворочали, завоняли что было мочи, заикали, зарыгали, а потом только – пых! – с глаз долой и пропали, будто и вовсе там не бывали, только смрад кошмарный после них остался, да дым перегарный по-над полом застлался.

Подождал малёхи Ванёк, пока вонь ядрёная чуток разойдётся, а после того в хату заскочил да всё как есть там переворошил. Закоулочки даже все обыскал, а перстенька дедова нигде не сыскал. «Да-а, худые дела, – раздосадовался Яван сначала, а потом хохотнул и рукою на всё махнул. – А-а, ерунда! Где наша не пропадала! Не будь сам дурак, так чё те и враг! Справимся!..»

Туточки он от вонищи утечь заторопился и скорым шагом к братьяшкам возвратился. Те ему кидают вопросец: чего это ты возле дверей тёрся? А Ваньша врёт им напропалую: да это, говорит, я сверчка слушал – сверчок, дескать, зело стрекотал, ага! Те ему поверили, к любопытству всякому охладели, после чего уселись они на коней, мосток, торопясь, переехали и дальше себе поехали.

И вот смотрят путешественники окрест, озираются и превесьма увиденному удивляются. А и впрямь-то места вокруг дивные пошли да невидальные – сторона ведь сия позадальная. Ну вроде как на другой очутились они планете! И то сказать – солнышка ж на небе нету, а светло как днём, да даже ещё и светлее. Оказалось, что сам воздух там светится. Не особо, правда, приветится, да уж какой в аду-то привет – чай не белый ведь это свет. Хотя, может быть, и не ад это ещё был, а пространство такое предадовое.

Братья головы вверх задрали, посмотрели и вот чего там узрели: ни тебе нигде месяца нетути, ни частых звёздочек – желтизна одна яркая. А жарко! Долго ли, коротко парубки расейские по тому свету ехали, то неведомо. Может быть день, может два, а может статья и подолее пробиралися они по энтому нераздолю, и вот прибыли они наконец в такое-то место гиблое, что просто конец. Как есть пустыня то была каменистая, по виду-то неказистая. Далекóнько вокруг не видать было ни шиша, – как будто марево некое желтоватое сгустилось по сторонам. А жарыща-то там стояла! Зной! Духотища! Вся вода смородинная у них повышла, коники пить хотят прямо страсть, а сами они и того более, кажись, жаждут. Языки и те у них во рту пересохли. Экая же напала на них напасть, – невже, думают, придётся тут пропасть?

А тут вдруг глянули они вперёд – ёж твою роет в огороде! – никак водица по ходу движения плещется? А может, смекают, то видение? Пригляделися получше – да не! – родник точно! Меж камней из почвы водица ключевая выбулькивается, сочится-поднимается да ручейком бегучим вдаль разливается.

Рванулись было Гордьяй со Смиряем туда скакать, а Яваха на них вдруг как рявкнет:

– Куда?! А ну стоять, вшивота! Поперёд меня чтоб никто к воде не совался!

Обиделись братья на окрик неласковый, да послушаться Ваню не посмели, несмотря на то, что от жажды чуть ли не опупели. Ванюха-то после побед своих богатырских круто в гору у них пошёл, в большой авторитет в их понятии вошёл, так что послушаться его никак было им не можно. А Яван той порою к роднику уже подъезжает на своей лошади. На землю он живо соскакивает, но вместо того, чтобы наклониться да водицы напиться, палицей вдруг размахивается, да по воде-то – шарах!

Ахти ж боженьки, чё тут было! Сначала из ключа этого придорожного кровяца багровая фонтаном забила, а потом невесть что оттуда как завыло голосищем дурным: у-у-у! ы-ы-ы!!! И вдруг – бах! – всё кудысь и пропало, будто и вовсе там не бывало: ни камней нигде гладких, ни чёртова родника. Вообще ни фига! Пустая дорога... И вроде как жажда утишилась понемногу.

– Ну что, видали, какой это ключ-то был! – Ваня тут восклицает и сурово на братьев глядит. – Сиё место нечистое нас бы легко погубило, ежели бы случай нам не пособил.

А те лишь пыхтят и руками разводят, да от страха и удивления слова вымолвить не могут.

Что ж, дальше поехали. Едут, едут... И начал их вскорости голод донимать несусветный. А кругом-то ни птицы нигде не видать, ни зверя, ни тем более жилья человеческого. Совсем уж неприветные места пошли. А припасы-то их давно к концу подошли. С утра ещё краюху последнюю разделили, а голода собачьего ею не утолили. Что делать? Как быть?.. А тут смотрят – яблоня никак впереди стоит? Пригляделися позорчее – точно яблоня! Да красивая какая! Высокая вся, зелёная, с пышною весьма кроною, а ветки торчат густые да зело раскидистые, и яблочек на них висит – видимо-невидимо. И до того-то яблочки эти были аккуратные да глазу приятные, спелые да духовитые, что будто мёдом налитые.

У Гордя со Смирям буркалы ажник из орбит повылазили, да слюна по губам у них побежала, – такая охотища яблочка сиюсветного отведать на них набежала. Вот они, рассуждая недолго, к яблоньке той – бегом, да сноравливались уже плоды румяные жадно хватать, а Ванюха им:

– Стоять, где стояли, бродяги! Ёж вашу переёрш в передрягу! Куда поперёд меня?!

А сам к яблоньке подскакивает да по стволине с размаху как палицей-то перетянет!

И только он так-то поступил, как вдруг завыло нечто незримое грубым голосищем, как хлынула из ствола корявого багровая кровища, как закрутился по-над яблоней пыльный смерчище, что прямо ой-ёй-ёй – лучше падай, а не стой! А потом неожиданно – вжик! – всё вдруг и пропало, словно никакой яблони там вовек не бывало. Чисто наваждение какое-то дьявольское!

– Ну чё, ротозеи, видали?! – Яваха тогда восклицает – Ежели бы не я, то что бы с вами стало?! Боком бы нам сии яблочки вышли, коли мы съедобными их для себя нашли. Ох и нечисто здесь, братовья – вона тут сколько всякого навья!

А делать-то нечего, и едут они далее неевши. Голод как-то и поуялся со временем. Ну а дорожка им выпала, видать, неблизкая, сначала песчаная она была да каменистая, а тут вдруг сделалась она гористойю. Вокруг сплошь скалы да утёсы высятся, агромадные валуны да камни по обочинам громоздятся, тени неясные и зловещие личины из щелей мстятся... Как-то стало вокруг жутковато. Да вдобавок и подустали они немало: сидят, носами клюют, головами осоловело качают – прикорнуть где-нито чают. Ну в такой невероятный сон их вдруг потянуло – хоть лягай и засыпай на дороге и на камнях протягивай ноги!

И тут нежданно совсем нежданно – эвона! – полянка приятная впереди показалась. Или не она?.. Да точно же – не мираж! А на ней травка-муравка ковриком расстилается, прилечь на себя завлекает, – точно мух на мёд усталых путников увлекает.

Гордяй со Смирям, коню понятно, на ту поляну хотели уже бежать, а Ванюха их – за шкварники, да назад!

– Не спешите, – говорит, – братухи, спать, а то можно со сна и не встать...

Подъезжает он туда не спеша, как следует размахивается, да и огревает железякой своей по поляне. И надо сказать, от души врезал-то, ощутимо. Полянка сия волшебная аж ходуном заходила, чёрными пятнами сплошь пошла и кровью зелёной из себя изошла. Да к тому ещё заревела она страшно, дико завизжала, обнажила крючья да жала, на месте затем несколько раз обернулась, трубищею живо свернулась, а потом – бах! – и пропала, как словно и вовсе там не бывала.

– Ну как? – спросил Ваня, к братьям поражённым обращаясь. – Теперь вы наконец поняли, что за гостинцы нам этот свет приготовил? То-то же, тетери – иной раз не худо будет и потерпеть, а не похоти свои утолять лететь! К нашему свету это, кстати, относится тоже.

Повытянулись у спутников Ваниных рожи, но в ответ плечами они лишь пожали да головами недоумённо покачали. Ну прям не было слов у этих ослов!

И тут вдруг видят они – буквы какие-то впереди показались, словно бы в небе висящие и огнём красным горящие. Пригляделись они позорчее, а то ж слово АД там было начертано. И дымный шлейф его собою окутывал. Молча удивлённые витязи под этими буквищами проехали и назад оглянулись. А слово АД в обратную сторону перевернулось и означало теперь ДА с их точки осмотра.

– Выходит, ад – это то, что не да, – заметил Яван, – а то, что не да – это нет. Сплошное, короче, отрицалово.

– Ну мы, братухи, и попали! – добавил своё Гордяй.

А Смиряй угукнул согласно и рожей недовольно сквасился.

– А вон впереди ещё что-то светится, – зоркий Яваха заметил. – Давай туда едем!

А там и впрямь что-то рдело. Сызнова они в путь тронулись, да не дюже много времени проехали, как вдруг видят – дорожка их путеводная на три сторонushки расходится. Перекрёсток! Подъезжают они поближе, глядь – а там по правую руку широкий и удобный тракт был проложен, гладкой брусчаткой выложенный; налево – дорога не дорога, тропа не тропа, а тоже весьма собою широка и ухожена; ну а прямо – можно сказать, и тропиночки путящей нетути: чисто какое-то беспутье.

На самом же на распутье стоймя стоял огромный камень, гладкой и начищенной стороной к дороге обращённый, и на том камне письмена странные были нарисованы, издалека даже зримые, потому как они пугающий вид имели – огнём коптящим зловеще тлели.

Подъехали всадники наши к камню, в ряд перед чудесной штуковиной встали и вот чего на ней прочитали:

Оглянулись они назад, а позади туман не туман, марево не марево: ни зги, короче, не видать, словно всё за ними растаяло.

Приздумались тогда братья. Долгонько они, надо сказать, думали да про себя прикидывали, – акромья одного Явана, который решение сразу принял, но до поры помалкивал. А для Смиряя с Гордяем задачка сия нелёгкою оказалась, – не хухры им были мухры...

Наконец Смиряй первый решился да и говорит:

– Я, братаны, налево отсель подамся, а вы как знаете... Мне энтих приключений да власти-богатства и даром не надобно – как-нибудь худо-бедно и без них проживу. А что касемо воли-вольной, так – тьфу на неё! Мне и без воли привольно.

– А я, – заявляет тогда Гордяй, – поеду направо. Я ить тоже пожить не дурак, да только не абы как. Всё ж таки, крути не крути, а я царский сын, не отребье какое-нибудь гадское, и с малолетства власть проявлять привык да в довольствии обретаться. В общем... в ту лишь сторону мне и остаётся податься. Ага!

Вздыхнул тут Яван и последним из всей братии слово сказал:

– Ну а я, братовья – прямой путь для себя выбираю! От волюшки-вольной да от чести-совести я отказаться не могу – нету без них ни счастья полного, ни славы достойной. Ну а ежели на той дорожке умереть мне доведётся, то... эх! – чему быть, того не миновать, а семи смертям и так не бывать!

Поняли тут братья, что придётся им здесь расстаться, и каждому далее в свою сторонушку надлежит отправляться. Договорились они тогда знак особый на камне начертать, ежели кто первый из странствий своих возвращается – чтобы знать... Обнялись они на прощанье, поцеловались, удачи друг другу пожелали да и разъехались кто куда.

Яван-то прямо поехал. Да вот же напасть, – проехал он вроде самую малость, а совсем уж дороги не стало. Диким видом местный лес пораскинулся окрест. И такой он был густой и дремучий, что соваться в него – выходом было не лучшим. Яван вскорости это понял, но возвращаться не стал. Чего-чего, а упорства нашему Говяде не занимать было стать, так что во что бы то ни стало решил он по прямому пути пройти.

– Говорила мне мама – иди, Ваня, прямо, – сам себе Яваха наказывает. – Значит, надо идти – хоть и нету пути...

А чаща эта лядящая ещё пуще вокруг сгустилась. Корявые ветвищи над самой Ваниной головой аж переплелись, бурелому и валежнику везде было прям завались, а ещё огромные валунищи валялись поперёк ходу, не давая проходу, да глубокие появились ямищи. Того и гляди долбанёшься обо что-то али куда-то свалишься... Ну и дела! Слез Ваня с коня, под уздцы его взял, вперёд ведёт, а тот нейдёт, упирается, ушами прядёт да испуганно озирается. И видит тут Ваня – впереди деревья великаны словно бы чуток расступились, да и камни замшелые явно поредели. Неужто, гадает, выход из этого треклятого места намечился?

Вот лезет он через чащобину, кое-как продирается, конягу за собой волокёт буквально, затем вперёд глядь – точно полянка навстречь показалась, а на ней и трава растёт диковинная, и цветы в кустах хоронятся, и вроде как ветки от плодов ломаются...

– Нам, Вань, туда! – обрадовался Яваха. – Тяни повода!

Но едва лишь на середину поляны он вышел, как вдруг – ш-ш-ш! – что-то липкое и прозрачное на него опустилось. Сеть то была, не сеть, паутина, не паутина, а что-то навроде. И огромная же – человека вместе с конём накрыло, будто мотылёчков каких. Дёрнулся резко Ваня – да куда! – не тут-то было: и он сам, и его конь запутались в ловушке ещё больше.

И в это время захохотало нечто сверху хохотом трескучим нечеловечьим – а потом неясный кто-то зашевелился в ветвях тёмной массой и вниз стал неторопливо спускаться. И дивно стало Явану от вида странного сего создания – пред ним ведь паучище невероятный предстал, ужасно собою страшный, смердючий да чернущий – да ещё и мохнатый вдобавок. Только глазки многочисленные пламенем красным на орясине его полыхали, и челюсти кривые, точно сабли, в пастище разверстой у него сверкали.

– Ха-ха-ха! – захакал зловеще упырь и хриплым голосом к пленнику своему обратился: – Опять попалась мошка ко мне в сетёшку! Значит, знатно я сейчас пообедаю да живого мясца поотведаю!

Осерчал Яванище, речи неучтивые услышавши. Собрался он с силами богатырскими, мышцы могучие поднапряг, и хотел было эту сеть в ключья мелкие поразнеть. Да только или силушка на сей раз его подвела, или сетка волшебная слишком прочною была. Затрещала она лишь, заколебалась, но усилиям Явановым не поддавалась.

– Не рвись, не рвись, богатырь-дурачина! – вновь заскрипел, шевелясь, паучина. – Не по руке тебе будет сеть мою порвать. Так что ты лучше не силу кажи, а ум да разум прояви. Может тогда и освобожу тебя от пут, жалкий и глупый лилипут!

– Чего тебе надобно, паучара ты жадная? – вскричал тогда Ваня яростно. – Коль сожрать меня хочешь, так жри, а голову мне не дури!

– А-а-а, понял-таки, наконец, что не такой уж ты и молодец? – проворчало членистоногое предовольно. – А хочу я от тебя вот чего: разгадай-ка ты три мои загадки! Угадаешь – идёшь куда пожелаешь, не угадаешь – душу потеряешь! Развлечёмся давай немного...

– Чёрт бы тебя побрал, кровосос кривоногий! – заругался Яваха вновь. – Ну давай штоль, загадывай свои загадки, паучище ты гадкий – я согласен!

– Хе-хе-хе! – задвигал жвалами урод. – Только я и есть самый настоящий чёрт. А ты думал, я кто? Паучок что ли? Не-е! Те, в пекле которые обитают, тоже себя чертями считают, только это вруны, самозванцы, – не черти они по сути, а зачертанцы. Ха! Зато я – чёрт истинный, в своём роде единственный. Через мою черту запросто не переступают, а которые поумнее, те загодя отступают... Ну, Яван-удалец, покажи – глупец ты али мудрец! Не трусь, будь смелее и ответь мне... хм... а что на свете всего милее?

Усмехнулся Яван загадке гадовой да с простецким выражением на роже тому и отвечает:

– Чего помудрёнее придумать не мог? Всего милее на свете... это... ну... как его?... того этого... тьфу!.. этого самого... а – вот! – с устатку поспать сладко! Ага! Апосля молодецкой потехи. Что ли, скажешь, нет?

– Ах-хах-ха! – забился паучище в неистовстве. – Нет, не угадал, не угадал! Мой ты теперя, мой! О-о-о!

А Яван чуток помолчал, измерил злорадного паучару язвительным взором, да и отчеканил звонким голосом:

– Милее всего на свете – любовь!

Поражённый чёрт аж весь дёрнулся, то услышав, а Ванька плечищи свои, паутиною стянутые, слегка расправил и спокойно этак добавил:

– Любовь, говорю, всего милее... Притяжение частностей ради целого... Или, скажешь, не? Ну чё, подтверждай что ли – али отрицай! Ты не офонарел ли часом?

– Пра-а-а-вильно, – протянул разочарованно его враг. – Ещё как правильно! Без любви ведь и жизнь не в радость, и власть не в сласть, и богатство – лишь пустая напасть... Ну да это только первая задачка была. Вторая будет похитрее: что, ответь мне... м-м-м... всего желаннее?

Подумал малёхи Ваня, лоб в раздумьи нахмурил, а затем лицом просветлел и вот чего прогундел:

– Всего желаннее на свете – поесть да попить сладко! Особливо с устатку. Э-ге? После потехи-то молодецкой?

Паучок учёный после ответа нашего героя даже вроде расстроился. И вздохнул с раздражением неприкрытым.

А потом и говорит:

– Дурак ты, Яван! Я-то думал, в кои-то веки мне разумный человечек попался – ан нет, не так. Опять у меня дурак... Не мудрено, что вы, люди, хоть на свету и живёте, а того не знаете, что желаннее всего во Вселенной...

– Благо! – закончил за нравоучителя-мучителя Ваня и, сощурившись, на него глянул.

Аж в сторону паучище отпрянул.

– Ишь ты! – удивлённее некуда он сказал. – Опять ведь угадал! Да ты, я гляжу, семи пядей во лбу-то – мудрец!.. Хм! Ну да ладно, разумник Говяда, слушай последнюю мою загаду: а что на свете... всего загадочнее?

– А здесь и думать нечего! – сразу ответил Яван. – Самое загадочное на свете – это твои загадки паучьи, которые ты мне в уши тут всучиваешь! Ну что, путаник чернорожий – гоже?

– Врёшь! Врёшь! – обрадовался хитрый убивец и до того возбуждённо на месте забился, что вся его колдовская паутина ходуном заходила. – Ох-хо-хо! Видать, правду говорят, что на каждого мудреца довольно простоты оказывается: загадка-то моя не отгадывается...

– Воистину так! – восклицает тогда Яван. – Как же её разгадаешь, когда ответ на неё ведом лишь Ра. Всего загадочнее на свете – истина! Всякому познать её неймётся, да только никому она до конца не даётся. Одному лишь Богу то по силам!.. Ну что, мудрован – верно?

Затрясся паучище от ярости, зашипел.

– Пра-а-вильно, – медленно он проскрипел, – угадал ты, человечешко. С третьей моей загадкой справился. Видно и вправду ума у тебя палата – избежал ты моей расплаты.

– Ну так отпускай меня, коли я прав, – сказал ему Яван. – Чего тянешь—то?

Призамолк хищнице ненадолго, словно раздумывая о чём-то, а потом лапищами зашевелил и вот о чём заявил:

– Пошутил я, мошечка, пошутил! Люблю я шутки шутить, уважаю. А чё делать тут прикажешь? Ску-у-ушно. Развлечений никаких здесь нету, вот и веселюсь как умею. Хе!.. Никуда ты, касатик, отселя не денешься – навеки останешься здесь, хотя и не весь. Ты это... частично

в меня перейдёшь, вернее перельёшься. Высосу я тебя, живьём высосу. Ну а кости твёрдые брошу. На кой они мне ляд?.. Такие-то делишечки, брат...

Огляделся вокруг Яван, а по поляне и впрямь костей человеческих немало было навалено. И такая тут грозная ярь в душе Ваниной вдруг обнаружилась, что зашло сердце ретивое во груди его. Почуял он опять в себе силушки прежней прилив рьяный да и крикнул гаду в негодовании:

– Слышь ты, кровосос мохноногий – я таких шуточек не люблю! И запомни, мудролюб – звать меня Яван Говяда, и шутить со мною – не надо!!!

Поднапряг освирепевший Яванище свои мышцы – р-раз! – и порвал тенетину липкую словно тряпицу. А затем на ножки он вскочил, палицу убойную над буйной головой поднял и уж хотел было на тварь эту её обрушить, чтобы на месте порешить...

И тут вдруг музыка чудесная со всех сторон заиграла, колокольчики зазвенели залиvisto, и снопище света Явану в глаза брызнул. И всё, что его только что окружало, во мгновение неуловимое пропало: и злой этот паучина, и прочная его паутина, и черепов мёртвые оскалы, и сумрачная поляна колдовская... Видит Ваня – сидит он на коне своём богатырском, а вокруг местность незнакомая открылась: поля да луга, рощицы да перелески...

И вроде даже замаячилось вдалеке жильё человеческое.

«Что за чертовщина?! – удивился перемене богатырь. – Неужели мне этот чёртов паук, любитель наук, померещился?!» Оглядел он себя всесторонне: вроде всё на месте, а потом хватить за бок – ёж твою в рожь! – гусли-то переломаны! «Это всё паутина проклятая! – догадался Ваня. – Видать, ад веселью не рад – с гуслиями сюда не пускают. Ну что ж, меня этим не смутишь – веселье ведь не снаружи творится, а внутри!»

Тронул он коня и к жилищу по полю его направил.

Коли ты ещё, уродец,
не прочёл дальнейший текст, —
заворачивай оглобли,
и вали из этих мест!
Ну а если любопытство
победило в тебе всё ж,
то запомни, ангел наглый,
и учти, ядрёна вошь:

Кто налево отсюда пойдёт —
тот жизнь и жрачку себе найдёт,
да волю-вольную зато потеряет.

Кто направо отсюда пойдёт —
тот власть и богатство себе найдёт,
да честь и совесть навсегда потеряет.

А кто прямо пойдёт упрямо —
тот свою долю, может, найдёт,
да жизнь с конём за неё потеряет.

И мотай-ка на ус,
коли ты не трус:
здесь ад, а не рай!

Давай-ка, тварь – выбирай!!!

Глава 5. Как Говяда гадов бил и порядок наводил

И вот едет Ваня по новой местности, вокруг оглядывается и увиденному не дюже радуется. Природа здесь была необычная и для глаза расейского непривычная. Всё-то вроде так, да иначе: деревья совсем другие, не нашенские, листьев плоских на них не видится, а все ветки толстенными власами, будто конскими хвостами, увиты. Кора же на стволах грубая да струпчатая, шершавая да бугорчатая. И трава листве тутошней под стать – ну сплошные везде хвосты да гривы. Этакое волосяное море бурливое... Лёгкий тёплый ветерок порывами на это разнотравье налетал и слегка его колыхал, будто гребешком расчёсывая. Небо же в выси было жёлтым, без солнца пригревающего и без звёзд мерцающих, хотя всё вокруг светом особым светилось и неплохо довольно виделось.

Первым делом Яван на цвета окружающие обратил внимание и нашёл их чуток мрачно-ватыми. А это оказалось, что тут два новых цвета были видимыми, и сиё большее, казалось, разнообразие вносило в окрестную гамму излишнюю мрачность. Светлых же оттенков в недостатке там оказалось, и даже цветы полевые, круглые, как шары, и волосами переплетённые, были по большей части не жёлтые, как у нас, а багрово-красные, насыщенно-фиолетовые и ещё более тёмные эти...

В небе порхали птички, но не пели весёлыми трелями, а противно трещали, скрипели и верещали. Даже вороний грай слух ласкающим на их фоне казался бы. Кое-где они схватывались в воздухе драться, да так яро, что, сцепившись, на землю падали... Вот и сейчас невдалеке от Явана двое таких драчунов в траву свалились, и тут вдруг – фур-р! – зверь, похожий на зайца, откуда-то выскочил и одну из птичек ловко схватил. Обернулся он на Ваню, рожу страшную ему соорил, предостерегающе на него зарычал и, сжимая добычу в зубах, прочь умчался.

«Да-а, – удивился Яван, – если тут зайцы как лисы, то лисы, наверное, похожи на львиц...»

Проехал он вперёд с версту где-то али поболее – вот и домик стоит у края поля. Станный такой по виду; стены у него разноцветные, досочками гладкими оббитые да выступами фигурными украшенные, а крыша оказалась полукруглая, шатру подобная, и черепица на ней на змеиную чешую похожа. Кругом же дома всё было довольно ухожено: кустики невеликие, аккуратно подстриженные, огородик небольшой, а на том огороде с какими-то посадками грядки. Будто бы всё в порядке...

Людей вот только не видно нигде. Ваня с коня-то слез – и к двери. Постучался, конечно, сначала, но ответа не дождавшись, войти решился. Вошёл, огляделся, а и там ни души. Всё чисто убрано, мебель в комнатах стоит необычная, и по полу и стенам коврики цветастые высланы. А из живности даже кошки нету.

Походил Яваха по помещению, хозяев позвал, но ответа не дождался. Пожал он тогда плечами, удивляясь такому безлюдью странному, и далее ехать собрался. Может, смекает, тут невидимки адские обитают – места-то здесь не дюже, видать, приветные.

Сел он на коня и прочь от дома поехал. Где едет, где скачет и ищет себе удачу.

Вёрст несколько отмахал и видит, что вроде как человек из-за дерева выглядывает. Яван – туда! Только, значит, доскакал, а человечек этот круть – и пропал. Покликал его Ванюха, поискал, да не нашёл никого и не дождался. Тот-то вишь заховався, или в неизвестном направлении ретировался. Так и не явился – как словно под землю провалился... И так раз пять повторилось, не менее. Как заприметит Ванёк вдали человечка, так тот от него и тикать. И эдак здорово спрячется, что прям не сыскать.

«Да что они тут, – Ваня недоумевает, – поголовно все в прятки что ли играют? Видно, не любят здесь гостей, коли их так принимают. Или, может, они чего боятся?»

Вот едет он далее, про себя о здешних непонятках рассуждает, а самому так жрать хочется, что сапог с голодухи, кажись, съел бы. Видимо продириание через гадское тенетование силёшек немало отняло у Вани. Нуждался он срочно в сил подкреплении и в телесном отдохновении. А тут такие дела...

«Ва-а! – осенило вдруг Ваню. – А может, аборигены эти вида моего пугаются, оттого и ховаются? И то сказать, верно: едет на коне детина, в руках у него дубина, вдобавок сам почти что голый и здоровый как медведь. Немудрено пугливому человеку и оробеть...»

А вскоре ко гладу терзающему ещё и жажда иссушающая добавилась. Полдень что ли там наступил – стало вдруг жарко. «А-а! – решил тогда Ванька. – Мне в прятки играть недосуг. Зайду в первый дом, какой встречу, да чё найду там, то и возьму – хоть какущую еду!» А что, правильно: домишки ведь пустые стоят – хозяева казаться ему не хотят.

Вскорости, как по заказу, и домик недалеко замаячился. Вблизи оказался он невеликим, приземистым да покосившимся, зато главное было при нём – колодезь во дворе с журавлём. Яванка к колодцу-то шасть, с коня слазит, опускает в сруб журавлиный клюв и вытаскивает бадью-то полнёхоньку. Как почал Ваня воду студёную пить, так по те поры не утомился, покуда досыта не напился. Бадейку до середины он уполовинил, остатки водицы на башку себе вылил, коню в корыто ведра три налил – и в хату заспешил.

– Ох, водица-то хороша! – радуется Яваша. – Прямо воспрянула душа!

Вошёл Ваня, наклонившись, в комнатку единственную, глядь – а там тесно, не прибрано, затхло и вроде как съестным и не пахнет. Сунулся он туда да сюда, по всем закоулкам пошарил, всё там обыскал и одну лишь краюшку хлебушка сиясветного отыскал. Впился Ванюха, недолго думая, в чёрствую ту краюху – хрум её, хрум – э, думает, ничего, вкусно: еда в этом доме едомая.

Ест Ванёк, сухарём хрустит – только за ушами у него трестит. И вдруг он слышит – лошадь на улице как заржёт! А затем рык громоподобный снаружи раскатился, и какая-то возня подозрительная оттуда послышалась. Ванька аж поперхнулся от неожиданности. Неужели, кумекает, хозяева сюда пожаловали? Выглянул он в оконце малое – мать честная! – возле колодезя астрашенный лев конька его терзает! А сам-то натурально собою чудовище: коня едва ли не побольше!

Вскипятился тут Ваньша, засуетился; кинулся он наружу вон, да о притолоку лбом – бом! Загудело у него в голове, в глазах помутилось, но кое-как он из хаты вывалился, заорал, за башку держась, засвистал, от коняги льва отгонять стал.

– Уйди, оглоед, проваливай! – он орал. – Вот же край адовый, чуть отлучился – а уж последней животины лишают!

А потом спохватился и уже обеими руками за голову схватился – ёж твою в раскаряку! – палица-то возле колодца осталась!

А львина этот окаянный коня вмиг оставил, вперёд, рыкнув, скакнул – и уж тут как тут! Оскалил зубищи окровавленные, глазищами сверкнул, и на Явана сиганул. Смял лев человека тушей своей тяжелой, когтищами по телу его скребанул, пастищу раззявил и хотел уж было, нечистая сила, парнишу живьём заглотать...

Да только плохая охота хищному проглоту нынче выпала. Не по горлу кус ему оказался – не простой человечешко сёдни ему попался.

И завязался между чудо-богатырём и чудовищным львом смертельный бой! И так и эдак львина ярый к Явану подступал: и лапищами его мощно лапал, и когтищами полосовал – да только всё зря. Ни когти, ни зубы острые Ваньке особого вреда не причиняли, ибо бронь небесная его надёжно спасала. Да и силою лев человека, в сравнении с ним невеликого, оказалось, ничуть не пересиливал, а даже наоборот: в сражении страшном быстро он чего-то стал уставать... Или, может, это Ваня мощью праведной наливался? Он-то по ходу схватки разъярился страсть прямо как, потому что от паука с его приколами ещё толком не отошёл, много яри

непотраченной внутри у него осталось. А тут как раз лев этот подвернулся с его нападками. Вот зверюге от Ванюхи и досталось! Как ухватил он, изловчившись, жуткого кошака за горло, – и ну его что было силы душить! Едва-едва обхватил шеищу толстенную, а стиснул лёву и сжал, что kota удав. Дёрнулся зверь из тисков этих – да куды!.. И настали зверюге кровожадной в Ванькиных объятиях кранты. Захрипел он придушенно, лапищами засучил, хвостиком оземь заколотил, да не в бозе и почил – хребтину ему витязь переломил.

Тело бездыханное Яван от себя отпихнул, ногою в сердцах его пнул, да побыстрее к коню метнулся. Прибегает, глядит – так и есть! – случилось, что он и подозревал: лежит коняга его верная неживая, вся сплошь когтями львиными исполосованная.

Сильно огорчился опешенный богатырь, да делать-то уже нечего было: пророчество каменное наполовину ведь свершилось – поехавший прямо коня своего лишился.

«Ничего-ничего! – стал внушать себе Ванёк прежнюю бодрость. – Нас так просто не сожрёшь... Ты, Вань, ещё поживёшь!»

А пока наш богатырь со львом пластался, то почти без одёжи он остался: рубаха Гордяева буквально ключьями на нём висела. Сорвал Яван остатки её с себя и на землю побросал. И так тут ему спать вдруг захотелось, что улёгся он на траву-мураву да и провалился в сон дремучий. И то сказать, верно – умаялся ведь человек, отдохнуть ему было надо, а сон есть большая в сём деле отрада.

Долго ли там Ваня спал али нет, то неведомо: как дрыхнуть он завалился, так словно в омут провалился. И так спал он, спал, харю себе всю помял и вот, – начал он просыпаться постепенно и сквозь дрёму слышит, будто кто-то невдалеке шепчется. Открыл Яванушка один глазик, глядь – а кругом люди стоят да тож на него глядят.

Воссел Яван резко, огляделся – у-е! – ну и скопище же! Народишку вокруг было полно – целая толпища! Удивительно, подумал он: то тебе ни одного, а то вдруг чуть ли не тыща... Были там и мужики, и бабы, и молодые, и старые, – только вот какие-то худые, а то и заморенные-перезаморенные, точно к голодовке были они приговоренные.

– Поравита вам, земляки! – поздоровался первым Яван.

И словно «отомри!» им сказал. Поднялся тут гомону оживлённого целый шквал. Моментально все загалдели, завопили, налетели, наскочили... Кто Ванька ошарашенного обнимает, кто руку ему жмёт-пожимает, а кто просто-напросто скачет вокруг да орёт, горло на радостях дерёт...

– Спасибо тебе, богатырь неизвестный! – кричали они на обыкновенном, стал быть, земном языке. – Слава тебе! Великая слава! Ты ж нас избавил от лютой напасти – от демона этого спас пасти!

И рассказали местные жители, что гадский сей львина уже около года здесь шороху наводил, и тутошнее население, можно сказать, под корень изводил. Жуть сколько народа ирод сей поприел! Оттого-де они Явану и не казались, что страсть как чужаков боялись. Этот ведь хищник частенько и в человеческом обличии расхаживал, то тебе исчезал, а то вдруг появлялся. Одним словом, куражился, гад.

– А отчего вы не убили его сами? – спрашивает их Яван.

– Э-э, легко сказать! – они ему отвечают. – Пробовали сперва – да куда там! Он ведь всех наших силачей переловил, словно кот мышей, да и поел. Его же никаким оружием было не проткнуть, и отравы его, бестию, не брала. Ужасные здесь творились дела...

– Тогда почему вы у соседей помощи не попросили, раз сами с людоедом этим справиться не могли? – опять их Яваха пытается.

– Хэт! Дураков-то нет! – те ему в ответ. – Кто ж на такое опасное дело пойдёт, и где такой смельчак найдётся, когда у нас каждый за себя лишь думать может, да о своей шкуре печётся.

– Н-да, – вновь Яван недоумевает. – Ну а чё ж вы прочь не ушли восвояси, коль избавиться не сумели от сей напасти?

– Да нельзя нам отсель уходить! – аборигены принялись вопить. – Невозможно, и всё! Тут ведь не белый свет, и воли былой нам нету. Тут, брат, ад, чистилище, и мы только с виду живые...

Понял тогда Яван, что из себялюбцев этих ничего более не вытянешь, и порешил к остатней их совести обратиться: попить-поесть себе попросил. Ну, те и рады оказались стараться, – не стали жмотиться да жаться, против эгоизма своего пошли, а последнее пропитание для избавителя нашли.

Поел-попил богатырь да сызнава за помощью к людям обратился: попросил одёжу себе из львиной шкуры пошить.

И здесь Ванюше отказу не было, наоборот – рад услужить был народ. Пришлось ему в этой местности чуток пожить, пока ему шкуру умельцы готовили да накидку кроили. Попотчевался и отдохнул он на славу. Всяк ведь за честь почитал приютить у себя могучего сына Ра. Последний хлеб спасённые Ване отдавали. По счастью, прожорливостью Корович наш не отличался, а то бы хана была их припасам. В общем, по-людски Ваню принимали, ага.

Наконец, всё было готово. Накидка львиная пришлась Ване в самую пору: и по стати в самый раз, и по цвету гожий окрас. А кроме накидки и штаны короткие ему пошили, поясом кожаным перехваченные. Одетый в шкуру Яваха и сам на льва немало смахивал, снизу гладко ею облитый, а сверху гривой постриженной покрытый. Лишь ноги его от середины бёдер были голыми, да руки до плеч, ибо не пожелал их Ваня в шкуру облечь.

В день ухода перекинул Ванёк котомку через голову, палицу на плечи положил, руки за неё заложил, местному люду поклонился и в путь-дорогу пустился.

И вот идёт он, куда глаза его глядят, всё прямо, значит, и прямо, никуда, в общем-то, не сворачивая. А между делом на окрестную природу поглядывает, песни разные горланит, да радуется. Да и отчего ему было не радоваться? Сам-то он парень ведь молодой, весёлый, здоровый, – а главное, что живой. Хорошо Ване: заботы жгучие голову его буйную не одолевают, по мышцам гибким силушка богатырская переливается, а по жилушкам кровушка горячая бежит. Чего бы не жить!

Идёт Ваньша, поспешает, на горки-пригорки бежмя взбегаёт, через ручьи да речки прыгмя перепрыгивает, между кустами да дебрями юркой лаской прошмыгивает... И через какое-то времечко приходит он в края иные. Смотрит – посуровела вокруг природа: краски этак похмурились явно, да сделалось зябко. Людей в тех краях немного встречалось, да все сплошь людишки невзрачные собою: кто косою, кто рябой, кто горбатый да кривой... Молодых да красивых никого нету – самому младшему под сорок где-то... Этакая-то всё рвань!.. На Явана они искоса поглядывали, на приветствия его не отвечали, чего-то под нос себе бурчали, хмурились, жмурились да недобро шурились. Словно вида его богатырского пугались али, может, по гордости своей чужака чурались.

Ваньша-то долгонько уже шёл пешедралом, притомился изрядно. Харчи, какие были в львином краю припасены, позакончились как раз, а из-за того что похолодало и теплынь прежняя пропала, неохота Ванюхе в поле ночевать стало. «Надо какое-никакое жилище поискать, – принялся Ваня мечтать. – Поесть попросить да поспать... Если что, золотом заплачу, а то на что я кошель-то ношу...»

С версту какую протопал, смотрит – о! – у самой дороги строение некое стоит, навроде, значит, трактира или корчмы. Яванка, знамо дело – туда! Ноги пыльные отряхивает, двери настезь распаивает и вовнутрь заходит. И видит сразу, что место это подходящее для путника мимоходящего. Люди там на скамьях за столами сидят, пьют себе да едят.

«И впрямь ведь корчма! – радуется удаче своей Ваньша. – Это добре, это мне по нутру. Поем тут, отдохну да и дальше пойду...»

Вот Яван людям тем поклоняется и поравиту им вежливо желает. Да только никто ему и не думает отвечать, неприветливо все лишь косятся, исподлобья угрюмо глядят и чего-то

бубнят. «А-а! Мне и дела мало, – думает про них Ваня. – Мне с ними чай не водиться – я сюда зашёл подкрепиться».

И на стул деревянный возле пустого стола садится.

Посидел он трошки – а никто к нему не идёт. Все окружные в три горла жрут да пьют, а голодный Ванюха сидит там, как идиот, и лишь глотает слюни.

– Эй, хозяин! – наконец он вскричал, попусту ждать отчаявшись, – Прими заказ! Есть охота!

Опять никого. Ещё разок крикнул Ванёк – как об стенку горох. Пришлось тогда ему по столику ладошкой хлопнуть, по полику ножкой притопнуть, да по матушке хозяина звать, ежиха была его мать!

Наконец корчмарь из-за занавеси появляется; сам толстущий такой, плешивый да губастый, в одном ухе серьга в виде черепа болтается, а на башчище чёрная косынка повязана. А вдобавок ко всему красная грязная перевязь напялена у него была на правый глаз, а другой-то глаз странный у него оказался: по цвету бледно-зелёный, а в нём точечкой малой чернеется зрак.

– Не ори тут, дурак! – буркнул детина недобро. – Чай в гостях сидишь, не дома, бродяга ты бездомный! Чего надо-то – пожрать али поспать?

«Ну и неучтивая ты харя!» – подумал с раздражением Ваня, но ругаться не стал, а спокойно весьма на толстяка уставился. «А, ладно! – решил он. – Чего зазря в аду досадовать! Мне ведь порядки в чистилище этом не учинять. Мне бы червяка заморить да айда почивать. А как отдохну, так и дальше кости пихну. Угу!»

– Я, хозяин, попить-поесть желаю, да ещё на постели чистой переночевать, – вежливо заявляет Ваня, – а больше ничего и не надо.

– Есть мясо телячье, да брага, да топчан в чулане, – грубо ответил хозяин. – Мясо у нас свежее, не воняет, брага в голову нехило шибает, а насчёт чистоты, так такая, как ты, птица и с клопами сможет приютиться. Хы-гы!

– Хм! – усмехнулся на это Яван. – Не хочу я, дядя, телятины, да и другого мяса не желаю. Мне бы миску добрую каши да молока чашу. Тащи, коль найдёшь!

– Хэ! Экий молокосос ещё нашёлся! – корчмарь наглово ослабил, жёлтые и кривые зубы показывая. – То ему да это вишь подавай... Экий важный!

Вокруг сидящие враз оживились. То сидели себе да жрали, а то от еды оторвались да заржали.

А хозяин продолжал, изгаляясь:

– Брезгуем, значит... Хэ! Ну-ну. Это достать-то можно, для меня ить ничё не сложно, только, сосунок, сиё дорого будет стоить. С тебя, сударь, золотой за еду да за постой! Кхе-кха!

Яваха препираться не стал; головою кивнул и говорит ему:

– Это, дядя, мне подходяще. Иди скорей провиант тащи!

– Э, нет, ухарь, – почесал себе корчмарь пониже брюха. – У нас так не принято. Давай-ка вперёд плати, а потом уж кути!

Достал тогда Ванька кошель из сумы, монету золотую из него вынул и с ногтя обормоту этому её кинул.

Ух и жадно блеснул глаз корчмарский тигринный! Золотой он на лету ловко споймал, на зуб его попробовал, а потом в улыбочке довольной расплылся, неуклюже Явану поклонился и с глаз долой удалился. А в корчме после гомона ядрёного тишина вдруг необычная установилась. Посетители на Явана уставились, словно псы голодные, с кошеля прямо глаз не сводят и до самой сумы взорами алчными его проводят.

Спрятал Ваня кошелёк недалёко, огляделся вокруг, подивился – и до чего всё же отвратный народец тут ютился. Всё больше хари окрест сидели да рожи, на свиные рыла скорее похожие, а не на лица людские, глазу приятные... Ну да Яван-то и не думает идти на попят-

ный: куда сам зашёл, то там и нашёл. Свой план неукоснительно он исполняет, упрямство чисто бычье проявляет и спёртый корчмарский воздух нехотя обоняет.

Не джюже много времени проходит, как хозяин нелюбезный уже приходит, Явану немалую миску каши приносит да кувшинище ещё молока. Ну а тот берёт быка за рога: на кашу местную, по вкусу ему неизвестную, налегает и за обе щеки её уплетает. И так-то ему с устатку сие угощение аппетитным показалось, что скоро ни крошечки в мисочке не осталось. Употчевался Ванюша от души, сидит, молочко в кружечку наливает, да не торопясь его попивает. Молоко, правда, не ахти какое, на вкус навроде козьего, – да уж не от своей же матушки, право! Тут ведь те ад, не родные места – вот всяко пошло и льёшь-то в уста!

И вдруг двери входные с треском великим растворяются, и видит Ваня, что ватага некая в корчму вваливается. Человек с тринадцать... Все, как на подбор, огромные, высокие, здоровенные, и рожи у них грубые весьма да надменные, а глаза то хитрые, то злые. Ну и руки у всех не пустые: кто рукоять меча гладит, кто дубинку к ладони ладит, а кто кистень вокруг запястья накручивает да ножичком поиграть минуту улучивает... Окружают они Яваху кольцом. Один особенным выглядит молодцом: этакий громила с наглым рылом, по виду гнусная весьма тварь, – не иначе как ихний главарь.

К столику Яванову он не спеша подваливает, ручищи, сжатые в кулачищи, об столешницу упирает и спокойненько так, с издёвочкой, сквозь губу пропевает:

Вокруг сразу тишина необычная наступила, и только слышно было, как эти нахалы сопят, а все прочие-то замолчали – ну прямо ни гу-гу! – как словно остолбенели, и на верзилу певучего с ужасом лишь глядели.

«Эге! – смекает тут Ванёк. – Да это никак разбойники? Ну что ж, были разбойники, а станут покойники, ежели не угомонятся и не перестанут кривляться!»

А вслух им сказал:

– Стишки, конечно, складные, да не джюже-то ладные. Для слуха моего не отрада. Их вот как петь надо!

Прокашлялся громко Яван и выдал свой, так сказать, вариант:

И только он позакончил, как среди разбойников оживление пошло нездоровое: глазки у них заблестели, глотки загалдели, а зубы в усмешечках оскалились. Видать, стишки Явановы им не понравились.

А главарь их бравый аж окосел, на столик толстым задом сел, а затем к Ванюхе наклонился и зловещим голосом к нему обратился:

– Да ты, сосунок, я гляжу, смешной! Это добре – заодно и потешимся, а то всё хмурые попадают, о пощаде, понимаешь, нас умоляют, – только это... как его... душеньку, ага, растравливают. Ну никакой нету радости таких примучивать да потрошить. Жа-а-лко! Ы-гы! Гы-гы-гы!

И верзила такую рожу скроил несусветную и до того артистическую слезу из глазú утёр, что ватажники его не удержались и, точно лошади на лугу, заржали-расхохотались. Такой, гады, хай разухабистый подняли, будто смешней шуточки отродясь не слышали.

Главарь же выждал малёхи, покуда подельнички его угомонятся чуток, достал из кармана штанов грязный платок, высморкался в него с присвистом, затем крякнул, ладонью по столу брякнул и тягуче так, явно прикалываясь, Явана спрашивает:

– Кто тако-о-о-й? Почему в краях наших без дозволу ша-а-а-стаешь? Рази ж ты, гля, не знаешь, что у нас плату за проход взимают, а?

Яваху смолчал; головою лишь покачал.

А вожак опять оживился, к приспешникам своим оборотился, гнилые зубы ощерил и далее заканителил:

– Ай-яй-яй! Поглядите на него, братцы – они не знают! Очевидно, их благочиние поблажку за то получить чают. Хэ! Ан тебе нет – отрицательный ответ!

И он кривой палец на Ваню наставил и назидательным тоном загундявил:

– За законезнание ещё пуцёе полагается наказание! Во, значит, у нас каким макарком...

А ты думал как? Да-да... Так что для начала, милочек, отдай-ка нам свой кошелёчек! С золотом у тебя который... Ага! Давай-давай!

Яван же на то молча кивает, сумку на стуле поправляет, а затем приколиста этого и вопрошает:

– Ну а если я вам кошелёк и вправду отдам, то отпустить меня обещаете?

Верзила-главарь аж руками всплеснул, возмущаясь.

– Гля, робяты, что за нахал, а?! Он вроде как условия нам ещё ставит, али ваньку пред нами валяет! Это в его-то незавидном положении... Ух же, бёрзая щень!

Бормотным хором и нестройным ором поддержала предводителя его кодла, но недолго продолжалася их ругня, ибо громила руку поднял и враз её оборвал.

– Слухай меня, цыплячья тля, – заявил он деловито, кривляясь рожей небритой, – я вот чё тебе предлагаю. Для первоначалу ты кошелёчек свой мне с поклоном преподнесёшь. Та-ак. Потом... э-э-э... на карачках к ножкам моим не дюже чистым – во! – подползёшь, и со сладострастием их обლობызаешь. Хы-гы-гы! Ну а напоследок мы это... ногами тебя попинаем и ежели чего тебе сломаем, то уж не обессудь – снисходительным будь. Веселимся, понимаешь, без излишних затей – как умеем.

И ухмылку глумливую растянул до ушей.

Вся банда, конечно, за животы от хохоту похваталася, а кое-кто из посетителей бочком-бочком, – и в дверь ретировался; почуяли обыватели, что запахло тут жареным, вот в бега-то и вдарились. А Яваха смотрел на этих ублюдков, смотрел, и наглость их вопиющую едва-то терпел. Дух буйный у него даже под горло подступил, и сердце ретивое ходуном в груди заходило. Но всё ж таки он нрав свой горячий укоротил и вот как скопившееся негодование разрядил: как вмажет ладошкой по столешине от души.

Ажно кувшин подскочил на аршин!

Все враз и смолкли и усталились на Ваню точно волки.

– А у меня другое имеется предложение! – гаркнул он голосом молодецким. – На ручках давай-ка поборемся! Ну – кто из вас тут здоровый? Выходи давай, не бойсь – за стол напротив садись! И вот чего я предлагаю: ежели я проиграю, то в полную вашу власть поступаю, а ежели побеждаю – иду себе куда пожелаю! Ну чё, по рукам?

Все опять тут захохотали, обрадовались, оживились, а потом на главаря навалились и на Яваново предложенье согласиться уговаривать его принялись.

Тот, недолго думая, усмехнулся, на стул грузно плюхнулся, посуду на пол смахнул и вот чего заганул:

– Добро, молоколюб. Идёт!.. Отчего ж не потешить народ?.. Только ты, сладенький, позабыл, что условия здесь мои, и они таковы. Коли я тебя положу, то я с тебя с живого шкуру спущу, на кол тебя насажу и на огне пожарю. Ну а ежели ты руку мою прижмёшь, то на своих двоих отселя уйдёшь. Я тебе только, – в награду за твою храбрость, – глаза повыкальваю, уши обрежу и это... три ремня со спины вырежу. Ы-хы-гы! Ну чё, касатик, согласен?.. Ага! Вижу что согласный, раз сидишь безгласный.

И впрямь ничего не ответил скоту этому витязь, только зубы плотнее стиснул да глазами блиснул.

Вот уселися они один против другого поудобнее, локти на стол установили, руками сцепились и по знаку одного из разбойников друг на друга мощно навалились.

Напрягся нешутейно главарь, Яванову руку мёртвой хваткой сжал, и ну её гнуть да к столу пригибать... По всему было видать, что силёнка у адского греховодника водилася, ибо ручища его мышцами страшными аж взбугрилася. Ну а Ваня зато силу свою богатырскую пока не показывает, – даже немочь некую притворно выказывает... Поборолися они малость, и стал

Ваня как бы сдавать: щёки надул, глаза выпучил, брови скривил – вроде как совсем этот медведь его задавил... А кругом-то гвалт стоит несусветный. Разбойники в запале орут, визжат, ногами топают, свистят, по ляжкам себя хлопают... Души свои тёмные таким способом потешают, развязку для себя приятную уже предвкушают... Главварь же с удвоенным жаром на Явана приналёг, всё больше и больше Ваня этому лихоманцу поддаётся, – совсем уже почти ничего до победы тому остаётся. Кажись, вот оно, последнее нужно усилие, и этот сосунок вконец обессилит...

Да только что-то вдруг в схватке их переменялось – рученька Ванина более вниз не клонилась. Принялся он руку-то помаленечку выпрямлять. Небыстро эдак, едва заметно, да очень плавно – но неуклонно, главное... Ор да гомон от этого поворота в борьбе азартной только сильнее стали, но главварю это не помогло ни капельки – он лишь пуще устал. Побагровел он весь, на шее толстой жилы у него вздулись, точно верви, а пальцы его от неимоверного сжатия аж побелели. Ну а Ваня знай своё гнёт, нажимает, роздыху врагу не даёт и последние силы из него выжимает...

Наконец выравнялись их руки... Только Ванюхе этого было мало. Наклонил он чуток ручищу взмыленного главваря, лицо своё разгладил, прямо в очи детине, кровью налитые, посмотрел, а потом – хресь! – и раздавил его ладонь в своей длани крушащей да об стол ею – тресь!

Завопил громила поверженный дурным голосищем, в комок скрутился, за ручку свою схватился, а у его ватажников смех да ор на губах замёрзли; немую толпою застыли они возле... Вскинул тогда Яван голову, аки лев грозный, и глянул на разбойничков обалдевших взором неласковым и серьёзным. И таким ледяным этот взгляд Яванов им показался, что горячая кровь у них в жилушках приостановилась, и в глазах у них помутилось.

– Ну, нелюди, – звук негромкого Ванькиного голоса был ужасен, – долг, говорят, платежом красен. Получайте же справедливую расплату за свою неправду! Держитесь у меня, гады!

Взялся он споро за края столика, вознёс его скорёшенько над буйной своей головушкой да и принялся им во гневе помахать. Маханул Яванище налево – просека! Маханул направо – дороженька! Быстрёшенько всех разбойничков окаянных столиком и уложил – никого в живых не оставил.

Да и поделом им, подлым, свершилось! А и нечего им, тварям, гулять-лютовать да людшек помучивать! А и нечего им, беспредельщикам, ни на белом, ни на небелом свете жить-поживать да чужого добра наживать! Получили тати кару полностью за то, что распоряжались во зло вольностью!

И вот лежат побитые вороги на грязном полу вповалку, а над ними грозный высится Ванька. Столиком он более не махает, – лишь взором пламенным полыхает да грудью полной воздыхает. Из корчмы-то постояльцев оставшихся будто ветром посудувало. Один лишь корчмарь остался; ни жив ни мёртв он стоит, побелел как мел, глаз выпучил, трескуче обгадился, да от ужаса ещё икать вдруг стал.

Наконец, он кое-как в руки себя взял, столбом соляным стоять перестал, к Явану затем семенящею походочкой приблизился, в ножки самые ему поклонился и такую речь повёл:

– А не желает ли богатырь молодой спать-почивать изволить? Милости вас просим! Я счас живо кроватку приготовлю, и не на топчане в чулане клоповом, а на постельке пуховой для дорогих гостюшек!

Яваха-то понемногу успокоился и почуял внезапно, что очень он устал. Смазывать его быстро стало – так в сон-то и клонит. Что, думает, со мной такое – будто я зелья выпил снотворного...

Покачнулся Ванёк, за стенку ухватился и заявляет языком заплетающимся:

– Верно... Спать я желаю, хозяин... Веди меня скорее на свою постель. А этих, – указал он на убитых, – из корчмы-то повыбрось. Не место им здесь – тут ведь не покойницкая. Завтра их похороним.

– Не извольте беспокоиться, – отвечает хозяин с поклончиком, – всё как надо сделаю – сам кого нужно похороню.

Привёл Явана корчмарь в роскошную видом спальню, а там у стены кровать стояла шикарная, периной покрытая мягкой. Лёг на неё Яваха, не раздеваясь, да и заснул тут же богатырским сном.

Долго ли он там спал али нет, то неведомо, только приснилось ему вот что: будто бы лезет он на скалу высокую, карабкается туда, пластается, за выступы да щели цепляется и ловким телом своим в ложбины вжимается. И уж почти до самого верха он долез – руку толечко протяни! – а скала в ту самую минуту возьми и накренись. И сорвался Ванюша наш вниз!

Странный сон... Да и сон ли это в самом деле?.. Просыпается Ваня, глаза разлепляет – вай! – а и в самом-то деле он падает. Да так-то быстро! Глянул вверх витязь, а над ним кровать, боком повёрнутая, торчит, и рожа корчмарская ухмыляющаяся видится.

Тут кровать – хлоп! – на место прежнее стала, а Ваня долетел до дна глубоченной ямы и обо что-то острое с размаху ударился. И ажно дух в нём зашёлся, до того страшный ударище по хребту ему пришёлся. Едва-едва не заорал усилком от боли невыносимой.

Поначалу и двинуться был он не в силах, а потом полежал-полежал и кое-как всё ж пришёл-то в себя. Боль адская в теле его ударенном поунылася, а зато ярость немалая, наоборот, пошла в рост... Огляделся он вокруг и видит – ямища некая под домом вырыта. А может и естественного происхождения то было углубление, – пропасть, к примеру, какая-нибудь или пещера. И будто включенным там оказалось освещение: всё вокруг мерцало и переливалось, превесьма впрочем тускло и мрачно.

Оглядел Яван место, в котором оказался нечаянно, и ужаснулся он тому, что увидел. Из земли-то на дне ямы колья острозаточенные хищно торчали, а на них скелеты и тела истлевшие были нанизаны как попало, и смрад ошутимый стоял от плоти разлагающейся. Бр-р-р! Мраки!

Яваха же, к счастью, особого вреда не испытал – и тут его броня небесная и шкура тесная спасли и удар потрясающий перенесли. Только, падая, пару-тройку колев богатырь своей тяжестью снёс, отчего фонари синяков на теле понёс.

«Добро! – подумал Ваня, гневом праведным всё более распаяясь. – Надо как-то отселева выбираться, да с „радушным“ этим хозяином поквитаться. Только вот как?»

А тут он глянул – лесенка деревянная по стене вверх тянется. Видать, это корчмарь по ней к своим жертвам спускался и тела их, паук жадный, обирал.

Небыстро Яван тогда привстал, от боли невольно ойкнул да по лесенке, не мешкая, полез. А вверху дверца оказалась, в скалу врезанная, и запертая на ключ с той стороны. Ванюха на неё плечиком могутным слегка надавил и без лишнего шума наружу выдавил, после чего вон вышел и по ступенькам наверх поднялся. А по проходу на цыпочках стал он красться, чтобы тать этот его не услышал.

Заходит Ваня вскорости в общую залу, глядь, а там толстый корчмарь спиною к Явану стоит, мотивчик какой-то гундит и в котомке Ваниной руками шарится.

– Да вроде я с тобою расплатился, хозяин! – воскликнул зычно Яван, а корчмарь, его услышав, как вдруг подпрыгнет со страху.

Обернулся он резко к Ване, живым и невредимым его увидал и чуть было дуба не дал. И вот стоит перед витязем воскресшим этот паразит, как осиновый лист дрожит, открытым ртом воздух глотает, а чего сказать и не знает.

– Ну а коли ты считаешь, что я недостаточно с тобой рассчитался, то я согласен и доплатить, – усмехнулся Яван, да только усмешка сия хозяина, видно, не обрадовала.

– Пощади, пощади, богатырь! – завопил он неистово. – Не лишай меня жизни! О-о-о! Не по своей я ведь воле подличал! Это всё они, разбойники окаянные, насильно меня воровать заставляли! Пощади, сын Ра! Помилуй!

– А это тебе не оправдание, коли ты волю свою вольную дурному подчинил, – промолвил негромко Яван и к корчмарю решительно двинулся. – Это обвинение тебе несомненное!

Тот на колени опять рухнул, головою об пол – бух! – ручищи заломил, голосищем дурным заблажил...

Сплюнул в сердцах Яваха:

– Ах ты, подлая мразь! Да я об тебя и руки марасть не желаю! И коли тебе, жадина, золота моего было мало, то я с тобою по-вашему обычаю рассчитаюсь!

Схватил он мерзавца за ворот и незамедлительно в спальню его поволок.

Корчмарь-то вопит, упирается, сопротивляться неизбежному пытается, да только Ване нипочём его старания, и на вопли он – ноль внимания. Притащил Яван гада вероломного в спальню, быстро кровать осмотрел и обнаружил в ней рычаг потаённый. Уложил душегуба Яван на постель ту роскошную, на коей и сам он недавно полёживал, да на рычаг и нажал. Опрокинулась к стенке лежаночка, и полетел коварный гад навстречу гибели своей заслуженной, только завыл напоследок жутко. А потом только чмяк – и сделалось тихо. Покаралось и это лихо.

– Поделом тебе, рыло небритое, и расплата за гостеприимство твоё ядовитое! – происшедшее Ваня отрезюмировал. – Каков привет, таков и ответ, а на лихость злую терпения нет!

Разыскал он палицу свою верную, котомку через голову перекинул, и место сие гибельное покинул. А перед тем корчму с четырёх сторон подпалил и, глядя на пламя вскинувшееся, сухие стены охватившее, крикнул:

– Гори же ты адским пламенем, осиное гнездо!

Да оттуда и ушёл.

Птичка в клетку залетела,
Видно, многого хотела;
Надо птичку ощипать,
И ей клювик оторвать!

Птичка в хату залетела —
Это птичкино лишь дело;
Лучше птичку не замать —
Воля ей везде летать!

Глава 6. Как в приморском городе изводил Яван беду

Так цельную ночь и прошагал Яваха без роздыха, да полный день до вечера ещё протопал; в чистом поле переночевал, на горячую свою кровь положившись, и прямо опять зашагал, в дальнюю даль устремившись. За всё то время один только раз и поел он, когда у хмыря какого-то старого дрова подрядился поколоть, а так-то к местным он ни ногой – вредящий оказался народ.

К полудню дня нового приходит он наконец к широкому морю, где багрового цвета волны ходили ходуном на просторе, а по спинам тех волн кораблики парусные летели, – к пристани, видно, пристать хотели. И увидел Яван, что на берегу высоком город большой стоит и путника утомлённого вовнутрь зайти манит. Оглядел Ваня град, а он стенами немалыми огорожен, да с башнями каменными ещё, как в обществе гордецов и положено, а возле градских врат стража стоит, довольно собою грозная... Ну, для Ваньки-то их грозность несерьёзная; единственно, что он на дороге той неторной один был одинёшенек, а более-то и никого. И где, спрашивается, народ?

– Кто таков? – старшой, видно, стражник Ваню пытается. – Откуда, человеке, идёшь да куда бредёшь?

– Странник я, – отвечает ему Яван. – Иду себе, путешествую да своим путём шествую. Куда глаза глядят – туда и я...

А стражи вдруг заулыбались, видом переменялись, в стороны подались и в пояс Явану поклонились. Весёлой гурьбой его окружают и жестами радушными в город зайти приглашают. Даже пошлины не берут с входящего.

– Мы, – говорят, – странникам да ходакам завсегда рады. Нету для нас пуще отрады, чем путника возле ворот встретить и у себя его приветить. Да вишь нечасто нас люди добрые навещать стали – мы их и ждать-то уже устали.

Удивился чуток Ваня, но виду не показал; плечами он лишь пожал, палицу на плечах передвинул и далее себе двинул. Идёт по улочке неширокой, с любопытством озирается и местному люду поражается. Люди-то они, конечно, как люди, в общем обычные, не сказать что видону непривычного. Одеты, правда, чудно: в балахоны мешковатые, на ногах обуты сандалии, а головы у всех обмотаны пёстрыми повязками. Ну чисто как сказке.

Только вот ещё чего Ванёк заметил: а где же тут, думает, дети? Всяких прочих возрастов в достатке по улицам шляется, а ни односельского дитяти нигде не наблюдается... Потому-то, смекает он, и люди здесь не шибко весёлые: какие-то отупелые да скучные, словно недугом неким замученные.

Вот идёт себе Яван, бредёт, а позади него обывателей толпища толчётся, ибо всем поглядеть на пришельца неймётся, но никто к чужаку близко не подходит – вокруг да около пугливо лишь ходят. Через время недолгое выходит Ванюха на площадь. Большая то была площадь, красивая да нарядная – будто парадная. Вся мостовая на ней блестящими камнями оказалась выложена, здания, затейливо построенные, вокруг стояли, а на самой середине фонтан струеобильный на каменную скульптуру разливался и брызгами мелкими вниз рассыпался.

И видит тут Яван – процессия пышная навстречу ему идёт-поспешает. Впереди всех старик некий, высокий да худой, шествует в одеждах белоснежных, пошитых художественно и узорами золотыми облагороженных. Седые длинные власа у сего старца гладко расчёсанные по плечам лежат, а на главе его венец роскошный, камнями драгоценными украшенный, гордо усажен, ну а в деснице, перстнями блестящими унизанной, посох резной зажат. За стариком же сановники толпою нестройною семят.

Только они к Явану приблизились, как он в пояс, по обычаю, им поклонился и здравия всем пожелал, как то делать и полагалось. А старик властительный Ване в свой черёд кивает да улыбается тоже.

– Поравита и тебе, странник, гость дорогой! – восклицает он старческим голосом. – Кто таков ты есть и с кем познакомиться нам будет честь?

– Зовут меня Яваном, – отвечает старику Ваня. – Я в пекло с самого белого света иду, чтобы отвести от людей беду. Много уже дней хожу я по вашим краям, да только не везде мне тут рады.

И едва лишь Яван представляться окончил, как в толпе все зацокали да заохали, и волна возбуждения по людишкам прокатилась. А старик этот белолицый от удивления великого посох из руки уронил и слезу умиления обронил.

А потом возопил голосом надтреснутым:

– Славен будь Ра, Отец наш небесный! Сколь мы здесь обитаем, никогда ещё живого собрата в наших краях не видали! И слыхом даже о чуде таком не слыхивали! Смотрите, люди – вот оно, чудо великое! О боже! Счастье-то какое!

И от явления чудесного Ваниного началось в толпе этих тормознутых подобие ликования. Никто, правда, не орал громко, не прыгал и ногами не дрыгал. Только сотни рук махающих над головами вдруг взвились, да у многих слёзы на глазах появились.

А старичина походкою горделивою к Явану продефилировал, приобнял его несильно, потом несколько от себя отстранил и вот чего проговорил:

– У нас, странник Яван, ты самый радушный приём найдёшь и получишь всё, что захочешь! Я тебе это твердей некуда обещаю, поскольку я правитель града сего князь Самар. Будь, Ваня, ласков, старика не обидь – прошу в палатах моих гостем побыть!

Да за локоточек Ванька берёт, во хоромы свои его ведёт, на подушки мягкие усаживает и по-всякому гостя уваживает. Слуги его проворные яства лакомые приносят да питья разного. Хозяин же ласковый приглашённого воя угощает и угодить ему во всём чаёт, а Яван-то упрашивать себя не заставляет и яства за обе щеки уплетает.

Вот откушал он, попил, утробушку поднабил и молочка попросил. Ну ни в чём в этом доме ему отказа нету – вмиг исполнили просьбу и эту! А потом речь завели неспешную, болтают о том да о сём, о пятом-десятом, о ерундовине всякой. На Явана челядь придворная, слуги, сановники и прочие охочие во все глаза глядят и как бы невзначай прикоснуться к нему хотят. Где ж это, думают, видано было, чтобы живёхонький удалец припёрся бы нежданно в их городец!

– Ты, Яван, я полагаю, витязь могучий, – говорит Ванюхе Самар, пользуясь случаем. – Чего головую-то качаешь? А как иначе? Я тебе прямо скажу, ага – напрямик – раз имеешь ты волю в аду хаживать и в пекло дорожку налаживать, – то ты и богатырь! Мы-то, грешники великие, не можем произвольно града пеше покинуть, ибо держит нас здесь незримая сила. Вот разве по морю плавать мы сподоблены, моряки мы знаменитые – ого-го! – ни перед какою бурей не дрожим и способностью к мореходчеству дорожим.

Дедуля этот Самар весьма словоохотливым человеком оказался. С великим удовольствием он с собеседником своим беседовал, да всё на безлюдье окрестное сетовал. Жалился, что и переговорить-то в последние годы ему было не с кем, а купцы и матросы заморские почитай все знакомые к ним хаживают и новостями старика не уважают. По дороге же той, коей Ваня сюда прибыл, давненько уже люди не ходили. Говорят, будто объявилась в краю том бедном шайка страшная неких нелюдей, а вдобавок к этому завёлся там ещё и людоедище-лев. Вот поэтому, мол, и не стало хожалых людей, ибо всех, кто по дороге той закланной ни идёт, нечисть проклятая лавливает, терзает, убивает да жрёт. Боятся народ...

– Ну коли так, – Яваха тут слово в Самаров монолог вставил, – то это пустяк. Бояться вам более некого, так что ждите вскоре гостей и считайте, что я из них первый.

– А это отчего же так, Ваня? – недоумение взяло Самара. – Неужели нежить та сгнула да пропала и на тебя потому не напала, а?

– Не-а, – покачал головою Яван, руки платком утирая, – скорее будет наоборот... Потому и пропала, что не на того напала. Это я их шалить отвадил и уж не знаю на какой свет спровадил.

Ну, тут и началась вакханалия! Взволновалась публика любопытная, не поверила Ваньке, видно: загудела, забурчала, загалдела, закричала... Само собой, охи всякие послышались да ахи...

Самар и говорит Явахе:

– Как ты там себе ни хошь, Яван Говяда, а рассказать о своих подвигах тебе будет надо! Прямя терпёжу у меня нету, как жду я, чтоб ты нам о том поведал!

Ванька и рассказал, не дюже, правда, хотя:

– Ну чё рассказывать-то?.. Поначалу львина хищный на меня наскочил... Зашёл я как-то в одну избу, а он – шасть! – да коня моего и загрыз. А я, болван, палицу снаружи оставил. Мама даже сказать не успел, как зверюга уже и на меня надел. Здоровая такая была дура... Во – на мне теперь его шкура.

Взял Ванюха какой-то фрукт, пожевал его задумчиво. А те сидят, ждут.

Наконец Самар не выдержал, спросил:

– Всё что ли?

– Ну-у, – кивает Яваха, словно debil.

– Так я не понял – кулаком ты его что ли убил?

– Не-а. Вот этими руками задавил, – и Ванька плод напололам разделил. – Кулаком бить несподручно было – этакая же громила!

– Та-ак. Ладно... – усмехнулся, не веря, Самар. – Ну а с разбойниками ты как сладил? Небось палицею их побил?

– Не-а, – пошкрябал подбородок Яван. – Тех я столиком уложил. Вот так: бам! бам! бам!..

Все здесь как рассмеются. Видят – парень-то плут: шуткует напропалую. А складно ведь, думают, врёт... Проходимец короче какой-то.

– Эти разбойники окаянные, – балагурил далее Ваня, – в корчме одной ко мне привязались. Сижу я, значит, в уголку, никого не трогаю, поужинал на славу, а тут эти – раз! – и заваливают. Ни с того ни с сего пристали: кошелёк, говорят, давай! Я было дал, а им, гадам, мало: хотели меня на карачках ползать заставить да ноги их вонючие предлагали пооблизать. Я, естественно, отказался – я ж ведь подлизую к ним не нанимался. Да и нечистоплотное это, скажу, занятие, ноги кому ни попадя лизать – того и гляди заразу ещё подхватишь. П-фу!.. Чуюли бы вы, как чоботы у ихнего главаря воняли, вас бы и не так проняло... Да и неэстетичная это видуха. Только представьте себе: я у какого-то хмыря ноги облизываю с усердием! Ну, бред... Отказался, короче, наотрез, говорю: братцы, извините, но у меня-де... радикулит. Так те как обиделись... о-о-о!.. шкуру пообещали с меня спустить, это... на кол ещё посадить, потом поджарить, и наверное сожрать... Ну чё ты тут будешь делать? Пришлось столик в руки брать!

И Ваня ёрнически развёл руками.

Ох и весело присутствующие рассмеялись! Всей почитай толпой за животы они держались, даже сам Самар. Сильно им Яваха настроение-то поднял. Насилу они успокоились через времечко немалое. Ну ей-богу, подумал Ваня, словно дети малые...

– А кстати, – спрашивает он их, – отчего это детей у вас не видно? Где ж это такое видано?!

– Э-э! – враз огорчился дед. – Дети – это счастье великое, а мы, несчастные, наказаны тут без особой радости жить. Наши радости нам не в радость. Как кто из нас помирает, так в то же мгновение новый человек на его месте появляется. Мы ведь и на белом свете для себя лишь жили, поэтому в чистилище кару за то несём, скуку свою в клетке этой пасём.

Тут за разговорами и вечер наступил на дворе: как-то всё потемнело и даже холодом с окон повеяло. И видит вдруг Ваня – люди тревожными отчего-то стали: никто более не смеётся, и разговор, как ранее, не ведётся... Многие даже окрест заозирались, будто кого неведомого узреть боялись.

И в это время, когда явным стал в людях испуг, слышит Ванюха: в двери кто-то стук да постук...

Поначалу он этому значения не придал, подумал, что это ветка от ветра тама скреблась, а потом глянул на людей, а те как мел побелели, и от ужаса застыли где сидели. Двери же – скри-и-п! – тихохонько отворяются, и гнусное видом страшилище на пороге появляется. Толстый-претолстый был то мужик: мохнатый весь, смрадный, чёрный, с огромною жуткою мордою. Чуть в проём-то дверной пролез, нечисть премерзкая.

Кое-как тулово своё гость незванный вовнутрь впихал, глазёнками свинячьими повращал, ротищем губатым пожевал, ушными лопухами похлопал, и дале потопал. Смотрит Яваха, а у него ещё и рога во лбу торчат, как у козла, и смекнул он тогда, что пожаловали к ним силы зла... Все же прочие сидели точно оцепеневшие, и тишина вокруг сгустилась прямо зловещая; битком в зале было народу, а никто и пальцем не пошевелил – сидят там полным составом, как кролики перед удавом. А сей вылитый урод топ да топ себе вперёд. Ни на кого вроде и не смотрит. И что-то бубнит себе под нос, как бы напевает или стишки читает.

Прислушался удивлённый богатырь – а и впрямь страшила вирши декламирует. Вот, значит, какие:

Тут, откуда ни возьмись, огромный мешчище в лапах у чудовища появился. Он мешок-то раскрыл, затем к человеку какому-то сидящему, от ужаса затряшемся, подвалил, в глаза ему заглянул, жутко хохотнул, а потом хватъ его – и в мешок затолкал. К другому подошёл таким же образом, к третьему, четвёртому – и этих в мешок!

Затем далее по залу заколдыбал. Не всех, правда, брал – выборочно. Иного горемыку понюхает-понюхает с шумом да и оставит. И снова себе везде расхаживает да добычу высматривает; словно морковку из грядки людишек таскает и в бездонный свой мешок опускает.

Что ещё тут за чёрт, удивляется Ванька?! Неладное, видит, здесь творится, а нечистая сила ладана, говорят, боится. Ну, у Явана ладана-то никакого нету – кувшин лишь под рукою оказался, из коего он молочко попивал. Схватил Ванюша пустёхонький сей кувшинище да и запустил что было сил им в страшилищу.

И попал аж точнёхонько в лоб! Кувшинок-то – хлоп! – на мелкие кусочки разлетелся, а нечистый от неожиданности на задницу сел, от ярости завопил, кулачищем Ваньке погрозил, а потом на ноги подхватился и... наутёк пустился. Смутил его, очевидно, непреклонный Яванов взгляд, вот драпаля чёрт оттеля и дал. От злости лишь стал бурой масти. К дверям только шастъ – да насилу-то пропихался. Выскочил кое-как – и ходу!

Даже мешок позабыл с народом.

Ох и радости было, когда люди запуганные в себя, наконец, пришли и всех пленённых целыми и невредимыми в мешчище нашли! Кто завизжал, кто засмеялся, кто по зале скакать принялся, а кто заплакал да зарыдал, когда аposable тьмы мешка свет увидал.

Ну а величественный Самар на ноги неспешно восстал, до самого пола Явану поклонился и тоном торжественным к нему обратился:

– Спаси Ра тебя, сияр Яван Говяда! Ты и в самом деле герой величайший, удали редчайшей и воли крепчайшей! Честь и хвала тебе от нас великие!

– Да ладно, чего там, – смутился витязь. – всего-то делов, что посудину расколошматил, а вы меня за то хвалите... Лучше расскажите, что это была за морда, перед которой вы все заколодели? Неужто в ужас такой пришли, что сил для борьбы не нашли? Откровенно говоря, не верится...

Самар тогда вздохнул тяжело да разбито на ковёр опустился, взглядом резко посуровев.

Опечалился он явно, да Явану и отвечает:

– Эх-хе-хе-хе-хе! Да как же нам бесов сих не ужасаться, друг мой милейший, когда они противу нас куда как сильнейшие?! Это же чисто погибель наша, дорогой мой Яваша! В старину-то люди в этом краю жили неплохо: большого горя они не знали и пагубу эту в глаза не видали. Только однажды появилась в городе нечистая сила, и замок князя тогдашнего она захватила. И с тех пор как свили бесы в замке гнездо, не стало нам от них ни сна, ни покою. Шляются черти по ночам где хотят, страх великий в сердцах наводят и даже, как видишь, в покоях моих бродят...

Приумолк старик ненадолго, пугливо вокруг озирнулся и, понизив голос, заговорщицки продолжал:

– А несколько раз в году и того жутче, проклятые, поступают: людей они отбирают и в замок к себе уволакивают. Потом всю-то ночь длинную страшные оттуда несутся вопли да крики, и музыки громкой шум, и топот гулкий, и хохот дикий на всю округу раздаются. А наутро лишь кости обугленные слуги во рву находят. Вот такая-то чертопляска у нас выходит...

Помолчал, помолчал Яван, лоб нахмурил, желваками поиграл, а потом – бац! – по коленке себя вдарил, на ноги с решительным видом подскочил да и отрезал непреклонно:

– Я тотчас в этот ваш замок направляюсь! С чертями пообщаюсь малость, да на месте и разберусь, что к чему!

Все только сдавленно ахнули. От веселья бесшабашного и следа даже не осталось.

А князь Самар за голову седую схватился и голосом надрывным к Яванушке обратился:

– Ой, не ходи, Яване, не ходи! Ты-то один, а их ведь чёртова туча! Побереги себя лучше!

Только Яваха его нимало не слушает. Палицу он хватает да к двери споро направляется. На пороге же оборачивается, весело всем улыбается и убеждённо заявляет:

– Ничего-ничего! Чертей бояться, то и в ад не соваться! Да не печалуйся, народ – дам я чертям укорот!

Вышел наружу Яван, огляделся по сторонам и видит – замок этот чертячий на холме поодаль стоит, над другими строениями возвышаясь. Вот он стопы свои к замку сему и направил, а подойдя, голову вверх закинул и чёрные стены и башни взором любопытным окинул. И показалось Ванюхе даже, что глазницы бойниц на башнях мрачно этак на него плятятся, будто входить ему не велят. А кругом-то тишина зловещая разлилась, да вдруг сыч недобро заухал где-то, и крысиный с подвала послышался вереск. Ох гиблое, гиблое место!

Только Явана нашего этакой чепухой не ошарашить. Смело шагает он по выщербленному мосту к воротам громадным, решительно со скрипом великим их открывает и внутрь ныряет. Затем через двор к массивному дому идёт, там опять широкие двери растворяет и входит бодро в тёмный проём. Осмотрелся на входе чуток, а там темно, неприветливо, только стены мрачные и пол мраморный своим светом угрюмо освещивают, да не столько чего-то разглядеть помогают, как больше страху нагоняют. А в углах-то паутина лохмотьями висит, а на полу пылица, грязь да всякая рухлядь валяется. Сразу было видать, что нежилое это место, людьми давно покинутое, причём впопыхах явно кинутое.

– Эй, кто тут есть – выходи! – громким голосом Яваха крикнул.

Да только никто ему не откликается, лишь эхо пугающее назад возвращается.

Что ж, нет так нет, думает Ваня, не беда это: походим, полазим, поразведем – авось чего и проведаем... И стал он по залам пустынным да по коридорам длинным ходить-бродить и во все углы заглядывать, не забывая притом и кругом поглядывать. С полчаса примерно там шарился, всё кажись поизлазил, а никого не нашёл. По второму кругу пошёл... Наконец, где-то в глубине замка приходит он в весьма просторную залу. Оглядывается... Кругом колонны мраморные стоят, в высокий потолок упираясь, а посередке стол громадный находится, поверх-

ностью чистой сверкая, да стулья резные видятся, к столу приставленные. И опять, значит, никого.

Прислушался Ванёк – ни звука тебе, ни шороха. Как повымерло всё, ей-богу...

«Да что же это они, проклятые, – взгорячился душой Ваняга, – в прятки со мною что ли играют?!»

– Эй, начальник! – вновь вскричал он. – Хорош хорониться – время уже и появиться! А ну вылазь, кому говорю! Дай хоть на тебя посмотрю!

Голову назад поворачивает – и аж прочь отшатывается в замешательстве. Натурально возле его лица, аккуратно за его спиною преогромная харя в воздухе висит сама собою. Не меньше серванта величиною. Висит, значит, и жадно на Ваню таращится. И такая-то собою отвратная – ну описать невозможно!

Жутью могильной повеяло на Явана.

А Харя ротище губастый распахнула, смрадом на богатыря дохнула, вислым носищем обнюхала его всего и просипела доволью:

– Уй, какой чудненький людяшок к нам пожаловал! Хы-гы-гы! С виду, правда, гаденький, а по запаху сладенький! Да ещё и живой вдобавок! Славно, славно!..

И в ту же минуту осветилась вся зала непонятным образом, и такой резкий визг по ушам Явана полоснул, будто тыщу свиной кто-то зарезать надумал. И отовсюду, точно из пустоты, целая оравица мерзкой нечисти там явилась: только хлоп-хлоп-хлоп – и сделалось их полно!

Были они все как один голые, худые, хвостатые, морды тёмные у них были, страшные, рогатые – ну в точности, как Ванёк их себе и представлял. Как стали они вокруг скакать да вихрем носиться, – по-своему, значит, ликовать да веселиться, что у него даже в глазах зарябило, да в придачу от их хрюканья, лая и бляения уши заложило.

Набрал Яван в грудь побольше воздуха да как гаркнет на эту кодлу громовым голосом:

– А ну-ка, гады, молчать да у меня над ухом не кричать!!!

И палицей для пушного эффекта по полу бахнул.

Всё и затихло сразу по его приказу. Только штукатурки куски с потолка посыпались, а нигде и писку более не слышалось.

Яван же продолжал уже потише, благо в тишине наступившей его прекрасно было слышно:

– Я с вами, нечисть поганая, не шутки пришёл шутковать, а желаю шайку вашу, лейку, вон отсюда повымести да дух ваш вонючий повывести! Ужо я справлюсь, не сумлевайтесь!

Все в ответ ни звука – должно быть оторопели.

Одна лишь Харя хрюкнула и спрашивает недоверчиво:

– А это, интересно, как ты сделать-то намереваешься? Доселева ведь ни один человешишко нас так-то не пугивал да эдак не ругивал.

– А вот как! – вскричал Яваха да палицей своей скоробыстрой – тюк! – бесу одному ближнему по маклыге и стукнул. Тот аж в сторону метнулся да об колонну шибанулся. Завопил он истошней истошного, пузырями красными весь покрылся, а потом только лоп – и исчез без остатка, лишь облачко от него образовалось, воняя гадко.

– А-а-а-а! – выдохнула вся орава одним ахом.

А Харя зубы оскалила, как бы улыбку на рожу себе напялила... да какая там к лешему улыбка – пародия одна уродливая – и говорит сквозь зубы Явану:

– Ладно. Вижу, не простой ты человек, особенный. Оттого и смелый больно. Да и палица у тебя знатная, не иначе как заклятьем заклятая. Ну-ну... А давай по-честному! В картишки с тобой перекинемся! В подкидного дурака? Ага?..

Яваха балду малость почесал, чуток подумал и рукою махнул.

– Согласен! – он сказал. – Коль охота тебе в дураках побывать перед расплатой, то отчего же не сыграть... А на что играть-то будем?

– Ха! – обрадовался чертяка. – А вот, значит, на что! Сыграем давай три раза кряду, и коли хоть одну партию у меня возьмёшь, то тогда ещё поживёшь и вдобавок о чём хочешь, о том меня и спросишь. Ну а коли ты в дураках останешься, то тогда – це! – с палицей своей расстанешься... Ну что – идёт?

– Вот ещё выдумал, обормот! – несогласно воскликнул Ванёк. – Нет, мордочёрт, так не пойдёт... А предложение у меня другое – во какое! Ежели ты три раза своё возьмёшь, то я уймуся и отсель уберусь, ну а ежели я в дурака тебя разок посажу, то вот чего вам скажу: из сего града навсегда выметайтесь и никогда здесь более не появляйтесь! Лады?..

– Ну уж нет! – Харя от возмущения аж в воздухе закачалась. – Что же это? Как-то неинтересно получается: ты значит туда, мы – туда... Тьфу! Ерунда!.. А давай-ка во как: кто из нас победит, тот с проигравшим чего хочет, то и творит! Тебе, само собою, для победы и одного выигрыша хватит, ибо куда тебе со мною тягаться...

Подумал чуток Яваха да по столу ладонью и вдарил.

– А-а! – заявляет решительно. – Валяй! Согласен!

В карты ведь он мастак был играть – мало кто удосуживался его обыграть. Уселся Яван за стол, а Харя напротив него повисла и, откуда ни возьмись, ручищи корявые у неё появились. Странно на это диво было смотреть, – офонареть даже было можно – ну словно из воздуха торчат такие оглобли.

А тут несут и колоду.

– Чур, я буду сдавать! – рявкнула Харя. – Я ведь всё же хозяин, а ты гость, вот и сдашь после...

– Э-э! – Яваха на то возражает. – Какой ты ещё хозяин?! Ты же насильник, захватчик и вор, и вот тебе мой приговор: раскидывай до пикового туза, чтобы минула нас буза! Кому тузьяра выпадает, тот картишки и швыряет. Ага?

Ладно. Харя не против. Напротив – ухмыльнулась себе загадочно, карты быстренько ставовала и преловко на две стопки их разбросала. Ей же туз и выпал, конечно. А иначе-то как! С чертями ведь играть – добра не видать: те ещё плуты!

Ну да и Ванька ведь крут. Раскинула Харя картишки и, вишь ты – попался Ваньше карта лучше некуда: сплошные картинки да козыря. Вот и стал он козырять почём зря. Харя ему шестёрку, а Ваня козырь сверху ложит, Харя семёрку, а Ваня туза или короля... Опа-ля! В короткий срок вся сильная карта у него и вышла, а пришла такая дрянь, что дальше некуда. И как Яван ни крутился, а пришлось ему Харин верх признать – удосужился он первую партию проиграть.

Всё чертячье отродье от такого оборота в ликование пришло. Такое веселье у них там пошло, что стены, кажись, ходуном заходили. И противник Ванькин довольным стал, сидит, улыбается, гад.

Один лишь Яван не рад.

Что ж, по второму разу они раскинули. Теперь-то Яваха, как игрок проигравший, раздавал, да такую лядащую карту себе надавал, что прямо завал. Опять, значит, он проиграл – да быстро так! И, конечное дело, сызнова разгорелись тут чертячьи восторги. Всю желчь Ванюхе взбаламутила эта оргия... Призадумался он тогда, губу закусил, глазами окрест покосил, – никак в толк не возьмёт, отчего Харе карта сильная так и прёт... Да, здесь дело наверняка нечистое, наконец он смекает и без помощи светлой силы не обойтись ему будет никак...

Взял он колоду да как бы невзначай и приложил её к палице, помощи у Ра мысленно прося. А потом хватъ – и раскидал картёшки опять. Смотрит, попалась ему карта обыкновенная: не сильная, но и не говенная. А Харя карты свои взяла да отчего-то и взволновалась. Уж и незнамо чего ей там показалось. Как стали играть по новой, так Ване фарт и попёр: всё лучшую да лучшую карту он с колоды берёт, и все Харины картишки играючи бьёт.

И тут замечает он, как чёрт из под стола туза быстро достал и Ванькиного короля кроет им, как ни в чём не бывало.

– Ах ты, подлая мухлевала! – взорвался тогда Яван, и по носяре Харя своими картами как хряснет.

Та в угол и отлетела, а руки ейные, странное дело, возле стола висеть остались и по-прежнему в картах копались. Завопила Харя голосом дурным, заголосила, больше не бить её попросила, а то, мол, у Явана рука тяжёлая больно и ей, видите ли, больно.

Ну, Яван на то усмехается. И далее играть намеревается. Недолгое времечко прошло – выиграл он вчистую у этой бестии и ещё шестёрка на ряху ей навесил.

Нахмурилась Харя, озлела, посуровела, а рожа красная у неё стала и вспотелая.

– Твоя взяла, человеке! – она просипела. – Ну, спрашивай о чём хошь. Так и быть, отвечу...

– Хм, ладно, – говорит Яван, – спрошу, отчего ж не спросить-то... А скажи мне, беззаконная Харя, по какой такой причине вы сей город терроризируете и отчего на обитателях его паразитируете, а?

– Ха! – ощерилась весело Харя. – Чего ж тут не знать... Всё потому, въедливый богатырь, что каждый тутошний житель за себя одного стоит, и другому пособлять не спешит. За шкуру свою они опасаются и убытку личного пуще всего боятся. Хе-хе! Вот мы страхом этим и пользуемся – за их счёт живём да вольно себя ведём. И-эх, хорошо!

– Ну, раз так, – говорит тогда Яваха, – то, поскольку я в карты маху не дал и партию последнюю у тебя взял, то я и выиграл. Получается – вы в моей власти. А ну-ка, черти мерзопакостные, выметайтесь отсюда навсегда и не появляйтесь тут более никогда! Вон убирайтесь! Вон!!!

Да с места решительно встаёт.

А черти как зароптали, и эта Харя громче всех глотку дерёт:

– Это как же, – верещит, – ты выиграл, когда я тебя два раза в дураках оставил, а ты меня лишь один? Э, не-ет, человечишко, шали-и-шь – не то говоришь! Так мы тебя, окорочка-дурачка, отсюда и выпустили! Ты нам здесь нужон... гы-гы!.. ну прям до зарезу нужон!

И опять, значит, как загогочет. Пасть широко раззявила, а там зубища торчат, как колья, и красный язычище тяжело ворочается.

Рассердился тут Ваня преявно.

– Это ты брось, мурло поганое! – громким голосом он вскричал. – Предупреждаю один только раз: я вам не кусок мяса – я Яван Говяда, и мухлевать со мною не надо!

А Харя в это время как присвистнет. Вся свора оголтелая на Явана и налетела. Насели на него черти, точно собаки на медведя, со всех сторон его облепили, с ног даже сбили, а сами рычат, визжат, за что ни попадя богатыря хватают, и на части прямо его разрывают да зубами и в тело его впиваются: кто в шею, кто в руку, а кто в ногу... Казалось, ещё немного, и ничего от парня не останется – с этих тварей-то станется. И ещё верещат яро: «Дай мне кус урвать! И мне дай! И мне!..»

Да только не по зубам оказался Яван этой коdle! Бронь небесная сызнова его выручила и от нападков чертячьих оборонила. Собрался Ваня с силами да на резвы ножки и привскочил. Как потрянул он молодецкими плечами, так вся нечисть с него и попадала – точно брызги с Бобика после купания. Ванька тогда к палице – хватать! Вокруг себя её – верть! Только пок-пок-пок! – будто шарики в воздухе лопнули.

И пошла там расправа крутая! Не успел Яваха даже запыхаться, как всех уже пожёг ока-янных, всех вроде до единого их полопал. А напоследок и главаря Ванюша достал и палицей его приласкал. Скочевряжилась Харя от Ваниного полосования, буркалы у неё наружу повыскакивали, щёки парусами раздулись, огневые пузыри на роже повыпучивались, а потом только – чпос! – с концами исчез и этот прохвост, только вонь шибанула Ване в нос.

Сделал дело доброе Яван – да поскорее наружу ходу! Убежал он от этой вони, выскочил из треклятого замка и насилу-то отдышался.

Глядь, а уж утро занимается. Осветилось всё вокруг, и самый воздух кажись. Море спокойное такое лежит; красноватые волны на бережок пологий леновато нахлынивают и назад отливают, а деревья пышноволосялиственные и кусты густые, по берегам растущие в изобилии, царственным пурпуром, фиолетом и ещё невесть каким цветом посверкивают да переливаются.

Красота!.. Хотя и не та, что под солнцем ясным: тута хорошо, а у нас ведь прекрасно.

Постоял маленько Яван, чистым воздухом подышал, на виды окрестные полюбовался и к Самару в палаты подался. Через время недолгое туда приходит, пред княжеские очи является, а тот ему обрадовался ну не передать прямо как, да немало Яванову виду удивляется. А как же! Наш-то Ваня даже не ранен: ни царапинки на нём, ни капельки крови. Вот тебе и сын коровы!

Самар-правитель немедленно на покой героя определил, ни о чём даже его не расспрашивая, а после отдыха пир в его честь закатил: с песнями да плясками, с акробатами да шутами... Давненько такого разгула не было у них там. Все, почитай, местные обыватели оказались Явану зело признательны и, веселяся от души, показались ему противу прежнего хороши.

Ну и Яваха попеть-поплясать, себя показать, байку сплести али с три короба наплести совсем не дурак ведь был, уж выказал свой пыл. А чуток поугомонившись и яствами подкрепившись, порешил он о своих ночных приключениях поведать. Пребольшую толпу удосужился вокруг себя собрать и не преминул народу здешнему о том, что случилось с ним, разболтать. Ничего вроде не утаил, в артистической манере похождения свои изложил и о причине того, почему бесы тут окопалися, как есть доложил.

С великим вниманием, правда, хохотом громким перемежаемым, выслушал люд тутошний Ванино повествование; а как закончил он речь толкать, возликовал народишко громкогласно и долгонько не желал умолкать. Славу великую пели люди Явану да просили его, умоляли у них в городу остаться и со званием странника распрощаться. Самар даже венец свой княжий на голову ему водрузить пытался, орал: сыном мне будешь, князем – даже царём! – только чтоб тот тут остался и далее в путь не пускался.

Ванюха же на то – ни в какую.

Со спокойствием завидным всех он выслушал, выговориться им дал и таково народу звинченному отвечал:

– За доверие, конечно, спасибо! Предложение ваше лестное, но... не по мне оно. Я ж ведь не для того пришёл, чтобы у вас воцаряться – мне, други, в пекло надо пробраться. Так что извиняйте, а недосуг мне здесь торчать: пойду я вперёд – путь-дорога меня ждёт.

– Ах-ах-ах, ну как же это жаль! – все немало так сокрушаются.

А Самар Явану практически замечает:

– Ну куда ты пойдешь, Ваня? Она гляди – море впереди! И уж если ты настроен уйти, то мы тебе пособим. Великого богатыря мы права задерживать не имеем, зато... кораблики, Вань, имеем. Её-ей! Ты чуток погоди, и мы кораблик тебе снарядим.

Да, не мешкая, к отправке и приступили. А Явану всего и сборов: палицу под мышку, в сумку харчишки, да её на бок – он и готов.

Вот и прощаться приходит пора. Сердечно Ваня Самара обнимает, народу рукой махает и к берегу отбывает, а там без промедления на палубу ступает и велит команде на вёсла налегать. На бережку же огромная толпа провожающих собралась: и стар и млад на проводы героя пришёл.

– Ни в жисть завета твоего, Яван, не забудем! – кричат ему. – Насмерть друг за дружку стоять будем!

А Ванюша стоит себе на палубе, улыбается и мановениями руки с самарцами прощается. Тем временем команда паруса поставила, дунул ветер попутный, паруса округлил, и по волнам бегучим кораблик вдаль заскользил.

Соберу я тушки,
А в тех тушках – душки.
Тушки отварю-ю-ю!
Душки уморю-ю-ю!
Ух-ху-ху-ху!

Глава 7. И царя-то Далевлада взялся выручить Говяда

Вот плывут они себе, плывут... Море бескрайнее вокруг, пурпурное и не особо бурное. Свежий ветер в самую пору поддувает, и летит себе кораблик на всех парусах. Быстро по морю идут, ходчей и не надо. А Яван с капитаном разговор ведёт, интересно вишь ему стало – что за страна впереди находится, где небо с водою сходится?

– О-о! – отвечает ему хрипато суровый бородач. – Тама лежит великое царство, всех приморских мест государство. В трёх днях оно пути, так что недолго туда идти...

И далее Ване поведал, что князь Самар сему царству вено платит исправно, как то и положено вассалу, ибо сильнее царства этого нету, и оно непокорных не жалует и призывает к ответу.

– Интересно, – Яван удивляется, – вы что же, вено данью что ли полагаете?

– А как же иначе, Ваня? – воззрился на богатыря капитан. – Вено ведь и есть дань, вина то есть наша. Долг платы это за слабость сильнейшему, ибо сильный да бравый перед слабым правый. Что, скажешь, не так? Хэ!

Вздыхнул мореход тяжело и огорчённо и добавил голосом обречённым:

– Лучше уж насилью покориться да выкуп дать, чем с сильным биться да пропадать.

– Так-так, – посуровел тут и Ваня. – Вон, значит, какие у вас порядки... Хм! А разве вы не ведаете, грешники адовы, что не в силе Бог-то, а в правде? Не сила в человеке главная, не она...

– Это как? – не понял капитан. – Против силы-то не попрёшь! Маху дашь, ядрёная вошь!

– Да пойми ты, дурья твоя башка, – продолжал Яван его убеждать, – сила ведь механистична: слепа она и безнравственна, груба да примитивна. Любая скотина обладает силою. Ага! И не царица она, а неверная служанка. Бывает, что и правде она помогает, а бывает – кривде каштаны из огня таскает. Поэтому различать нужно, добро или зло за силой стоит, и не злу, а добру помогать надо, потому что созданы мы Богом Ра для борьбы за мир праведный.

Не нашёлся чего ответить ему капитан, помолчал он с минуту, на горизонт задумчиво глядя, а тут Яваха с вопросом к нему опять:

– А ты разве не помнишь, капитане, что на белом свете по-иному, чем в аду, люди жить пытаются: слабого они не гнут, да над хилым не издеваются?

– Эх! – покачал седой головой моряк боевой. – Нет, Ванюша, не помню... Не, конечно, иногда что-то припоминается, да эдак-то смутно – во сне будто. А может, это и был сон мой больной, а настоящая жизнь, единственная, только здесь-то и есть? Бог весть, бог весть...

О том же, как силою богатырскую надобно распорядиться, случай убедиться у него вскоре представился. Время хождения корабельного уже подходило к завершению. Три почти дня пролетело, как они по волнам морским летели. Кораблик быстропроворный пуше прежнего спешил-поспешал, а капитан в трубу подзорную всё чаще и чаще на горизонт поглядал.

И тут вдруг зорич с верхотуры громким голосом закричал, да не вперёд, а назад рукой указал. Оглянулись моряки – что за диво? – море позади сделалось бурливо, и нечто огромное за ними в глубине плыло.

– Что это там? – Яван у капитана спрашивает, чем ещё больше того ошарашивает.

– Беда! Ой, беда, Ваня! – тот в ответ кричит, а сам ни жив ни мёртв стоит.

И как ни прытко бежал их корабль, а настиг их вскорости подводный гад. Настиг и щупальцем мощным за корму ухватил, тем самым ход корабельный напрочь остановил. Да вдобавок ещё и остатними щупальцами почитай всю палубу обвил, и судно вдруг как тряханёт! Аж с ног попадал народ, а зорич наверху не удержался, греманулся он с мачты кверху тормашками и прямо гадищу в пасть попал, где и пропал.

Тут и голосище с воды послышался, и до того он был страшный да грозный, что у морячков по спинам аж мороз прошёл:

– Ну что – попалися, которые бежать пытались?! Ш-ш-али-ш-шь – от меня не убежиш-шь!

Посмотрел за борт Яван, а чудище башчищу исполинскую на поверхность высунуло, и кажись на него одного глазом красным взирало. А глазок-то с колодезный сруб величиною, не менее.

– Эй ты, головастик хренов! – вскричал тогда Ваня голосом молодецким. – Что это ещё за представление?! Сей же миг отпусти палубу, а то я таких шуточек не люблю – враз хваталы поотрублю!

А в ответ ему лишь смех ужасающий, весь кораблик как есть потрясающий.

Ну а потом спрутище сей невероятный проскрипел внятно:

– Слы-ш-шь, на посудине! Коли пожить ещё желаете, то человечка живого мне кидайте! Отдайте скорей мою долю! Долю желаю! Долю!!!

И из моря на борт полез немедленно, корабль накренив и опасно его перевесив. Раззявил затем пастищу, а в ней клювья преострые быстро-быстро ходили да скрежетали притом зловеще.

Не иначе как Яваном закусить захотело чудовище!

Вот метнуло оно щупальце своё толстое, чтобы его объять, да Яваха не стал ждать: размахнулся он палицей и по нему – хватъ! Та и свалилася, как обрубленная бревнища. Как хлынула тут из обрубка чёрная кровяща! Как задёргался от боли уязвлённый спрутище! Едва корабль на поверхности удержался, до того неистово гад закачался... Ну, тут уж Ваня мешкать не стал. Метнулся он туда да сюда и ещё с пяток щупалец поотрубал. А напоследок ещё и над бортом наклонился да по башке гадищу приложился. Лопнула головища огромная от удара палицы благородной, и чудовищный спрут на воду-то шлёп, погрузился в неё и утоп.

– Вот тебе твоя доля – получи сполна! – крикнул ему вслед Яван. – Справедливая доля, по заслугам да по делам!

Команда же корабельная вышла тут из оцепенения и ну Ваньку хвалить да всяку лесть ему говорить. Вовсю принялись они ликовать, даже хотели героя качать, но он им не дался: я, говорит, и так уже укачался!

Спрашивает Ваня у капитана: что, мол, за чудище это было жадное, а тот ему отвечает: «То ж демон был адский, ужас древний океанский! Спокон веку в морях он пошаливал, то исчезал, то вдруг появлялся, а хищником был он безжалостным – корабли топил и людьми питался!»

– Ну что, убедился? – Яван к капитану тогда обратился, – Может, скажешь, что я сего монстрыя был сильнее? Таки нет! Просто за мною правда стояла нерушимая, вот моя палица паразита и порешила. А коль ты прав, то и дух твой крепок. Тогда и слабак силачу надаёт на орехи!

Морячки же своё продолжают: обступили они Явана, говорят, что, мол, вернёмся во град Самаров – всё как есть про тебя расскажем! Пообещали про его подвиги песни сложить, памятник ему посулили поставить, а Яваха им: ша! – устал я от вашего галдежа! Дайте, просит, отдохнуть, а то от лести не продохнуть...

А в скором времени и земля на горизонте показалась – берег чужой. И видит Яван, что город на том берегу раскинулся, большой-пребольшой. Издали он белыми своими стенами сиял и после морского однообразия глаз радовал. Подплыли они поближе, а там гавань оказалась удобная, порт, и кораблей разных полным в нём было полно.

Сказал Яван мореходам прощальное слово, с капитаном обнялся, а затем на берег сошёл и с толпою смешался. Прошествовал он шагом гренадёрским сквозь широкие ворота, золотой мытарникам за проход отдал и по городу погуливать айда.

Глядит Ваня окрест, озирается и люду местному поражается. Народищу вокруг было немало – целые толпы кишели тама кишмя. Да все-то были наряжены, расфранчены, разодеты, – кто во что горазд одеты. Один, глядишь, как петух вырядился, фу ты ну ты пальцы гнуты; другой на павлина смахивал, третья на кошку роскошную, четвёртая – на чучелу невозможную, а кое-кто так и вовсе почти голый расхаживал: донельзя расхристан, побрякушками весь поунизан да узорами и красками расписан...

Да уж, богатым на выдумки население местное было – фантазия из них прямо фонтанировала.

Явану такая их манера довольно-таки импонировала, хотя, приглядевшись, он немало плохого зорким оком своим углядел. Народ в общем тут жил как и народ, нашей по облику породы. Лица, правда, не особо были у них красивые, да фигуры не столь ладные, как на родине, а так-то от его земляков сих оболтусов отличить было нелегко. Вот веселья истого в глазах у них не наблюдалось, это точно; много лиц попадалось сурьёзных, скукою отмеченных да злобою удручённых. Нет, оно конечно, то тут, то там людишки и смеялись, да как-то вишь без задора, да вроде придушенно, да резко, да зло...

Вот гуляет там Ваня, к местным особенностям приглядывается, с девушками переглядывается, да в придачу архитектуру наблюдает. Дома в этом городе ладно были сработаны: многоставные такие, высотные, из мрамора гладкого сложенные. И площади оказались просторными, формою квадратными да круглыми, каменюками выложенными фигурными. Идёт Ваня по камням упруго, а под ногами то дракон высечен, то лев, то змеюка, а то ещё какая зверюга... Ну а вокруг – скульптуры классные: всё цари, богатыри, да женщины прекрасные... Всё опрятно, чисто да аккуратно. Сразу видать – следили здесь за порядком... А всё ж зелени не хватало. Так, какие-то кусточки кое-где топорщились – и всё. Ни одного дерева было не видать. Да и не зелень была это вовсе, других цветов листва: бордовая, бежевая, рыжая да огненно-красная.

Долгонько по городу хаживал Яван, даже подустал и проголодался.

А через времечко изрядное оказался он на городском базаре. Ох и огромным был тот базар! Целое море людское на площади просторной колыхалось и в поисках нужного товару там болталось. Толкотня там была да и только. Везде лавки, ларьки, палатки были понаставлены, и громадные шатры кое-где поставлены, а в них товару всякого – глаза разбегаются! Всё как есть там, видно, имеется, да невозможно то счесть: и припасы тута съестные, и мебели резные, и одёжа прекрасная, и оружие разное, и меха, и кожи, и посуда тоже... Продавцы – те ещё молодцы: кричат, вопят, галдят, прохожих за полы хватают, к себе их тащат и зазывают, а товарец свой великою хвалой представляют-нахваливают...

Видит Яваха – купчина солидный продаёт жеребца в яблоках и орёт на всю округу гортанно:

– Конь замор-рский! Лучших кр-ровей! Цена – бр-росовая! Покупай, не р-робей!

А далее некий пузан рабыню рыжую продаёт, стоящую на бочке, и словно кочет он квохчет:

– А вот рабыня во цвете лет – во всём городе лучше нет!

Яван лишь головою покачал осуждающе, и его толпа понесла дальше. И какой-то расторопный малый, увешанный баклагами и с ковшами в руках уже свою паству окормлял, оря громогласно:

– А вот бражка из баклажки! Кто пригубит – того бог полюбит! Налетай, не зевай – шире рот разевай!

Зато Ваняту никто особо не звал, не прельщал и тряпками яркими пред взором его не махал. Видно, прибыли от него получить никто не чаял. И то ведь верно – по виду бос, небогат человек, что толку торгашам от его фигуры, когда на нём и нет ничего, кроме звериной

шкуры. А Ванюха по рядам ходит да бродит, но ничего нужного для себя не находит. Товаров-то конечно не перечесть, а всё что надо у него вроде есть.

И вдруг откуда-то не сблизит трубы громкие затрубили призывно, и глашатай невидимый голосом зычным клич свой провозгласил:

– Эй вы, люди добрые, нашего царя подданные! Идите на площадь главную, где сам царь Далевлád с царицею Милояною речь пред вами будут держать! Оставьте, люди, дела ваши – послушайте, что владыка вам скажет! На площадь! Вперёд! Торопись, народ!

Ну, народец на площадь ту и потянулся. И Ваня вместе со всеми двинулся, само собою.

Около получаса середь сброда разного он топал и пришёл наконец на громадную квадратную площадь. Глядит – вокруг здания величественные высятся, с балконами вычурными да с колоннами, а в самой середке площади возвышение некое громоздится, красками яркими размалёванное. Явах-то парень высокий, хорошо ему поверх голов прочих видать, и зрит он как на том постаменте два роскошных трона стоят, а на них царь с царицею, видимо, восседают. Народищу на площадь набилось – прямо битком. Шум везде стоял, гам, хохот, ропот – моря человеческого неумолчный рокот.

Тут трубы духовые резко заиграли, ко вниманию таким образом призывая; царь же с трона восстал и руку вверх поднял, требуя тишины. Всё брожение вскоре и стихло, а царь глазами толпу обвёл и громким голосом речь повёл, обращаясь к подданному люду. А слышно его было всюду.

«Невозможно человеку так орать! – недоумённо подумал Ваня. – Это здесь волшебство видать...»

– О, народ мой любезный! – вещал, печалуясь, царь. – Созвал я вас не ради веселия, и не ради добрых вестей, а для горьких и плохих новостей. На помощь вас я призываю и на удаль вашу уповаю!

Царь тут запнулся и примолк. Помолчал он несколько времени, справляясь с давлением нервного бремени, и туда да сюда по помосту прошёлся. Издалека даже было видать, что постигла государя беда, с коею совладать он был не в силах.

Наконец он остепенился, себя в руки взял, в середине остановился и речь свою досказал:

– Получил я наемни от Чёрного Царя послание, в коем заключается мне приказание: завтра, как стемнеет, выставить на жертвенной горе... дочь мою любимую Прияну – мне, отцу, на горе, а грифу пекельному на растерзание!

Тут царь опять приумолк, словно с духом собираясь, а потом руки вперёд простёр и таково рёк, голосом срываясь:

– Кто из вас, милых соотечественников али гостей дорогих, по своей воле, а не по принуждению, желает вступить с грифом в сражение? Кто готов царевну Прияну не дать на поругание? Неволить вас не имею я права, ведь только человек охочий здесь может помочь!

Ропот негромкий по толпе пробежал, а царь руки в кулаки сжал и с отчаяньем в голосе закричал:

– Ну же, други мои, выходите и о мужестве своём заявите!!!

Властитель наконец замолчал и в толпу диким взором вперился. Видимо верил он самозабвенно, что разрешится кошмарное это происшествие для него счастливо, что найдётся воин храбрый в толпе громадной, и обернётся грозная беда ладом...

Тишина после слов царя наступила такая, что слышно было, как мухи жужжат, а затем в толпе понемногу брожение началось – гул по ней прокатился: охотник-то вишь не находился. Не решался ни один малый удалый на оборон дочери царской встать.

Наконец, видимо, и сам царь надежду оставил; еле-еле он ноги свои переставил, до трона добрёл, на сиденье мешком опустился и в горе великом руками закрылся. А царица Милояна и того пуще слабинку показала – прямо навзрыд, сердешная, зарыдала.

И в эту минуту незавидную, для собравшихся весьма неожиданно, голос вдруг молодецкий из глубины толпы послышался:

– Я!.. – взгорланил кто-то решительно и храбро. – Я желаю!..

Расступился народишко в недоумении, и увидели все в изумлении – парень какой-то молодой на площади гордо стоит и орлом сизым на чету царскую зырит. Выглядел он во как: высоченный такой да статный, лицо открытое у него было, приятное, хоть немного и дурковатое, нос курносый, а сам-то нищ да бос, только в шкуру рыжую одет.

Вот так, значит, ответ! Яваха, вестимо, то был – больше ж некому! Не привык богатырь наш расейский на призывы о помощи отнекиваться да отказываться и больным да недужным сказываться. Вызвался и молодец – он же ведь первый был удалец!

Народ призатихший на охотника странного дивится, и сам царь сверху быстро сошёл да к нему подошёл.

– Здравствуй, добрый молодец, охотник вольный! – поприветствовал он Ваню с видом довольным. – Вижу по облику твоему, гость дорогой, что в краях наших человек ты чужой. А ну скажи да поведай – кто ты, и откуда да куда путь держишь?

На вопрос сей Яван не смолчал, конечно, поклонился он царю и отвечал вежливо:

– Поравита и тебе, царское величество! Звать меня Яваном. По прозвищу Говяда. Мне в краях вашенских ничего не надо. Я путешествую, из-за моря шествую и иду, ваше величество, куда глаза глядят: всё прямо и прямо иду себе упрямо.

Царь Далевлад после слов сих Явановых пытливо на него глянул, а затем к нему подошёл, за руку взял, к помосту его повёл, в повозку самоходную усадил и во дворец к себе пригласил.

Видимо, сам Ра Явану помогал, чтобы он в пекло попал!

Поехали-то быстро. Повозочка волшебная резвёхонько по улицам мчится, из-под неё откуда-то едкий дым клубится, чего-то в ней трещит да дордонит, и разных зевак с пути гонит... Вот останавливается она наконец у великого дворца. Бойкая челядь уже ждёт их у крыльца. Все враз оживляются, царю-батюшке поклоняются и в палаты их ведут. Ванюха аж рот раскрыл – после серости каменной улицы на обитель царскую дивуется. А там ведь и действительно роскошь была восхитительная: и потолки, и полы, и стены, и углы, и вся-превся обстановка изукрашена была дюже ловко, оттого и в глаза бросалась, потому как цветами разными переливалась.

Царь Явана в тронную залу провожает, но на трон свою особу не сажает, – к столу резному поспешает и в кресло мягкое Ваню сесть приглашает. А сам напротив его воссел и в ладоши хлопнул. Слуги проворные вмиг тут набежали, питья да яств лакомых нанесли и дивообразные ещё плоды доставили, каковых Ваня в жизни не то что не едал, а и слыхом о таких не слыхивал.

Вот сидят царь с Яваном, друг на друга поглядывают да помалкивают. Далевлад-то из себя представительный, несмотря на вид свой волнительный. Волосы у него длинные, кучерявые, заплетённые хитро, да в незнамо какой цвет выкрашенные; и бородища длиннющая прямо ужасно и тоже каким-то колером красноватым покрашенная. А поверх бороды – пышные золотые усищи у него лежат, в стороны разглаженные. На главе же у царя злат венец сиймя сияет, на пухлых пальцах драгоценные перстни сверкают, а на теле дородном пребогатая одежда внимание привлекает: вся блескучими огонёчками она искрится да незаметным манером переливается. Вот сейчас, к примеру, она вроде синяя, а чуть погода – уже зелёная или другого какого тону. Чудеса да и только!

Царь был с виду суров да печален. Очевидно, находился он в немалом отчаянии, поскольку горе его тяжёлое душу ему опалило и надежду крылатую изрядно в нём подкосило.

Наконец он молчание затянувшееся прервал и к гостю, вздохнув, обратился:

– Не знаю, ох не знаю я, богатырь иноземный Яван, – в раздумьи промолвил он эмоционально, – справишься ли ты с сим трудным заданием... Сей грифина ведь, по слухам, самого

Чёрного Царя сын, в больших чинах в пекле ходит, гад. Ну как с таким противником сладить?! Убить его мы не можем – бессмертный он, чи шо? А какущий страшный да большой! Ой-ёй-ёй!

И он аж руками всплеснул досадливо, страхолюдность чудовища представив. А потом продолжал делово:

– Этого грифа, Яван, редко кто из нас победить-то мог, но таковые всё же бывали, и его они побивали. В старину, бают, был один такой парень – он-то этому грифу здорово наподдал! Звали того яроя Борияром. Необоримой силы, говорят, был малый, волшебным оружием владел, и сердце у него отвагой кипело... А ныне и нас настигла кара – и нету у нас второго Борияра.

А Яваха себе усмехается да плодами вовсю угощается. Рта даже не открывает и за обе щеки угощение уплетает.

– Ну а у тебя, Яван, – Ваню тут царь пытается, – есть ли какое супротив ворогов вооружение? Покажи нам его, сделай такое одолжение!

Ванюша плод сладкий тогда доел-дожевал и таково царскому величеству отвечал:

– А как же, твоё велико – само собою. Куда ж в сих местах без оружия! Места тут у вас диковатые – вот нечисть всякая и пошаливает, чуть зазеваешься – так и насаждают! Меня уже не раз похухерь разная доставать пыталася. Насилу отбилсся...

– А чем отбилсся-то, Ваня? – не отстаёт царь.

– Хм. Да вот этим вот самым, – указывает ему Яван на свою палицу, – палочкой моей боевою. А чё – угостил гадов горячо!

Царь тут заметно разволновался, с места даже своего поднялся.

– Да чего это ты, паря, мелешь?! – аж рожей он покраснел от возмущения. – Как ты простой железякой чудище адское одолеешь?! Ты что – идиот?! Его ведь обычное оружие не берёт!

И он рукой маханул в раздражении, притом брякнув весьма недовольно:

– А-а, иди ты! Пустомеля хренов! Дуроплёт!

Ванюха же и ухом не ведёт, безмятежно лишь улыбается и с царём столковаться пытается.

– А это палица не простая, – хитро величеству он отвечает, – в ней моего папани сила укрыта, вот она нечистых и разит. Ужо получит и твой паразит!

– И кто же есть твой отец, Яван? – опять Далевлад вопросец кидает. – Невже колдун какой али маг?

– Эка – маг! – Яваха усмехается. – Повыше, величество, поднимай, моего папашу таким сравнением не замай!

– А тогда кто?

– Мы, царь-батюшка, на Земле на матушке своим истым отцом пресветлого Ра почитаем! – возвещает Яван улыбаючись. – Поэтому в делах правых помощь от него и получаем.

После слов сих Далевлад ажно угодил в отпад. Он ухнул, в кресло рухнул, потом на ножки привскочил и, в удивлении великом находясь, завопил:

– Ёж твою, Ванёк, в кочерыжку! Да неужто ты с белого свету сюда явился?!

– А то как же, – кивает Ваня, – с него с самого...

– Быть того не могёт! – царёк глотку дерёт. – Экое же чудо чудесное! Мы о таком событии и слыхом не слыхивали, и в мыслях даже не предполагали, что такое диво бывает! Вот же ёж твою передрит!

А Яван твердейшим взглядом прямо в очи царю глянул да и говорит:

– Нету ничего невозможного для земных сынов Божиих!

Да и царь в глаза Явану заглянул пытливо, а потом в кресло сел и произнёс смело:

– Верю я тебе, Яван – теперь верю! Но... испытать тебя придётся всё одно. Без этого, брат, никак – традиция, понимаешь... Обычай... Так что, Вань, не подкачай!

– А что делать-то надо? Я с радостью...

– А вот что, богатырь! Есть у нас одна волшебная животина – адский бык! Так вот, человеку отчаянный, слушай мой царский приказ: поборешь бычару – смело на битву с грифом отправляйся, не поборешь – с жизнью прощайся!

Яваха тогда не спеша губы платочком отёр да с места и подымается живо.

– Согласен! – отвечает он царю предприимчиво. – Чего там зазря канитель разводите... Где бык-то?

Царь обрадовался, дал распоряжение, чтобы быка тотчас будили, как следует его разозлили и к схватке приготовили. А сам с Ваней из дворца вышел, в повозку самоходную сел, гостя рядышком усадил, и они из города прочь покатали. А как очутились ездоки за воротами, так по дорожке ровной поехали и вскорости на место пустое приехали.

Панорама окрест оказалась невзрачною: всё песок да камни, колючки острые да жухлая трава... А зато в пустыне этой убогой круглое сооружение было построено, вроде цирка без крыши, и смотрелось оно со стороны очень крепким и прочным, даже циклопическим. Стены у мощного здания были высокие, из огромных валунов смурованные: боялися, видать, быка адского будь здоров.

Вот у воротец узеньких самоходочка их остановилась, и царь с Яваном по лесенке винтовой вверх устремилися. А наверху ложа оказалась устроена; сидения в ней были каменные, безо всякой роскоши сработанные, но зато удобные, и видно сверху было всё как на ладони. Арена же внизу была мощёная, высоченною стеною опоясанная и шириною сажён в двенадцать. Короче, было где бычку разгуляться...

А тут и железные ворота подняли, и выхватился из внутреннего загона такой огромный бык, что даже Ванька поразился, ибо видеть таких не привык. Ну, думает, и ну – в сажень с гаком высокий зверюга, прямо вай! Рожищи у него были огромные, острующие, глазищи красные, злющие, невыразимой яростью аж полыхали, а бока гладкие медью начищенной отливали. Как шандарахнул бычина копытом по арене каменной – снопище искр высек, а потом ноздрями – чих! – а оттуда пламя жаркое двумя струями полыхнуло. Потом заозирался он в нетерпении вокруг, грозно замычал – видать осерчал – и по арене бегать почал.

– Вот он у нас каков зверь! – воскликнул Далевлад в возбуждении и аж с места вскочил. – Смотри на него, Ваня, смотри!

А Ваня и так на бычину во все глаза глядел.

– Говорят, Борияр его свалить ухитрился, – продолжал трывать Далевлад, – вот бык и сдался. В старину несказанную его нам из пекла доставили, да как видно забыли о нём, вот мы с чёртовым бычарой и маемся, прокормить его тут стараемся. Не поверишь – уйму углей в день пожирает, а голода не понимает!

Посмотрел царь на Явана, а тот с места привстал – и краска румяная по лицу у него пошла.

– Ну как, Вань, не боишься? – спрашивает царь пытливо.

А тот вдруг круто поворачивается, да назад-то – шась.

– Я, – говорит, – счас! До ветру отлучусь. Сей же миг ворочусь!

И по лестнице вниз устремился.

Усмехнулся Далевлад, удивился. «Эх! – думает горестно. – Вот же ещё провор! Чудобогатырь долбанный! Видать, обычный прохвост, быка увидал – и уже понос...»

Но не успел он как следует в душе посетовать, как Ванька уже назад идёт и полную охапищу бурой травы несёт. Нарвал её возле цирка. Поравнялся он с царём опешившим, а потом на арену-то прыг – и к бычаре! А тот на парня страшным взором уставился, голову рогатую наклонил, ещё ярче сноп искр копытищем высек, и вдруг... голову поднял да как замычит! Протяжно этак, не пугающе и даже вроде как жалобно.

Непонятно...

Яван же тем временем к бычине дикому поступью решительной подшагнул и тоже значит ему: му-у да му-у!.. Царь же, в ложе своей сидючи, на это диво вытаращился и ажно икнул. И видит он, как Яван зверюге травки охапку кинул, а потом неожиданно морду его ужасную ладонями обхватил, вверх её задрал и... животину безобразную промеж ноздрей поцеловал! Ну а бык Ване всё лицо язычищем облизал и принялся, как ни в чём не бывало, травку пустынную уплетать, словно был он не чудисцем грозным, а самым обыкновенным быком.

Поворотился Яван к остолбеневшему Далевладу, приосанился молодцевато, этаким хватом на царя посмотрел и руку вверх воздел на артистический манер.

– Опа-ля! – орёт удовлетворённо. – И всего-то делов! А ты, твоё велико, боялся...

Царь же и ответить был не в силах. Глаза он вылупил, рот открыл – ну чисто с виду стал как debil. И не успел он опомниться даже, как Яваха уже был тут как тут: как следует он разбежался, на ограду скаканул барсом, мощными ручищами подтянулся, и тело своё молодецкое в ложу переметнул.

Кинул он на царя взгляд хитроватый и его спрашивает:

– Ну как, твоё величество, доволен ты нашей с бычарой стычкой или непременно надо было ему шею ломать?

Царь же словно оттаял и руками вовсю замахал.

– Какое там доволен! – орёт. – Поражён! Да нет – наповал сражён! Виданное ли дело – с адским бугаём целоваться, да в живых апосля остаться! Ну и чудеса-а!

– Но как, Ваня – как?! – спросил царь Ваню любознательно. – Такое бычье покорство – и без борьбы, без упорства? Может, ты великий колдун али чародей известный?

– Да какой там ещё чародей! – корчит Ваня рожу. – Скажешь тоже... Просто я и сам-то, можно сказать, бык отчасти. Матушка моя ведь не женщиною была, а коровой. Потому-то, наверное, я такой и здоровый...

Ладно. Спустились они к самоходному аппарату да и поехали себе назад. А Далевлад всё никак в норму прийти не может, – любопытство вишь его гложет. Вот он Ваню про быка и пытается, да про укрощение его чудесное выведывает.

– Да чё там, – усмехается Яван, – мировой бык-то! Классный! Только это... жалуется он на вас – тесно ему в загоне, скукогища. Вот он и зол... Да в придачу ещё и кормите его неважнецки: всё огонь да огонь... Осточертело это ему уже до чёртиков! Травки, мычит, очень хочется – вроде каких-то там витаминов ему не хватает или как... Ну, это я уже не совсем догнал...

– Сделаем, Ваня! – бодрым голосом царь отвечает. – Всё как надо устроим, не сомневайся! Сегодня же прикажу траву ему выдавать, да ворота из загона, скажу, чтоб не закрывали. Хэ – адского быка и в нос целовать!...

И о том да о сём болтая и тем самым путь коротая, да трясая на колымаге кости, поехали царь с Яваном к царице в гости.

Глава 8. Как вражина буром пёр, да Ванёк всем нос утёр

Приезжают они через времечко во дворец. Царь-то с виду повеселел заметно, раздухарился – внушил всё ж надежду ему Яван. Незамедлительно царицу с детьми он к себе призывает, с гостем их знакомит да приговаривает: вот, мол, драгоценные мои, сыскался такой удалец, который вызов грифу гадкому бросит наконец, и не токмо в этом деле он голову снесёт, но и царевну спасёт!

А Яван на семейство царское поглядывает да всё примечает. Царица-то Милояна дама, в общем, была без изъяна, высокая такая да статная, и причёска у неё аккуратная. Лишь глаза от слёз красные, хоть конечно прекрасные. Правда, боль свою она умело скрывала, виду особога не подавала, натянуто Ване улыбалась и пыталась кое-как разговор вести, всяку чушь плести. Зато дочка их Приянка девушкой оказалась славною, весёлою и бойкою на удивление. Почти взрослою уже – готовою на выданье. Сама стройная такая да шустрая, быстроглазая да остроумная, сразу видать, что разумная, не какая-нибудь там дура. Ладная у неё была и фигура, и платье яркое и дорогое, а в каштановых её волосах цветочек оказался вплетён, розовенький такой.

Поглядел между делом на Прияну Яван, и жалко ему её стало. Думает – не понимает она, бедная, что её ожидает. А Приянка ко всему вдобавок ещё и общительностью отличалась. Чуть побазарили они о том да о сём, пошутили, посмеялись, как она Ваню за локоточек берёт, в сторонку его уводит и таку речь заводит:

– Ваня, родненький, дорогой – всё-то я прекрасно понимаю. Только виду стараюсь не подавать. Что уж тут подделаешь... Жить-то мне ой как хочется, да видно судьбинушка у меня разнесчастная такая – помереть во цвете лет смертью ужасной. Одно обидно: и сама я жертвою грифа паду, и тебя погублю. Да и матушку жалко до слёз. И отца тоже... Любили они меня, баловали, моралью всякой голову мне не забивали. Ох, страшно, страшно мне, Ваня!

Тут Прияна слезу горькую смахнула, тяжело этак вздохнула, а потом руку Яванову крепко сжала и горячо ему зашептала:

– Вы, Ваня, я вижу, человек весёлый, за словом в карман не лезете. Прошу вас напоследок: родителей моих позабавьте, от мрачных мыслей их поизбавьте, а то я опасаюсь – их удар хватит!

Помолчал чуток Яванушка, серьёзным даже сделался, хоть и непривычно его было таким зреть. А потом за плечики слабые он девушку взял, в очи карие ей посмотрел да и говорит тоном уверенным:

– Я, Приянушка, тебе обещаю, что жизни своей не пожалею, а этого мерзкого выползка одолею! И тебя от гибели спасу непременно! А о родительском настроении не беспокойся – устроим всё в лучшем виде, не будешь ты на меня в обиде.

Повернулся он и в палату вернулся. Особливо царицу Милояну в оборот взял: байки ей травит, шутит вовсю, балагурит... Только видит – не до смеха ей, из приличия лишь улыбается, а душою-то мается; в глазах её страх засел, а в голосе – тоска смертная. Да и вообще – слишком уж она инертная.

Принялся тогда Яваха о своих похождениях рассказывать, чем интерес всеобщий к себе привлёк. Всё царское семейство вокруг него расселось: и царь Далевлад, и царица, и Прияна, и все до единого их детки остатние. Даже старший сын Далевид, юноша ещё молодой, пылкий, тож туда заявился и к прочим присоединился. С неослабным вниманием они Явана слушать стали, по ходу повествования охая, ахая, дыхание затаивая и переживая... А Яванище вскоре в раж вошёл – понесло его прямо вай! Былые свои приключения он публике почтенной изла-

гает, да складно же бает и всё в лицах изображает. И до того в речах он стал цветист – натурально артист нонешний, юморист! Он и про битвы возле моста, и про паука, и про льва, и про прочую нечисть – всё как есть рассказал-поведал. Конечно, малёхи приврал, не без этого – ну да то ж для связки сюжета. Короче, головы всем задурил, от тяжких мыслей поотвратил, и мозги им на свой лад намотал на мотовило.

А ведь это и надобно ему было!

Царь сгоряча тут Явану как врежет по плечу его каменному, а сам ржёт-смеётся, аж борода трясётся.

– Правильно! – орёт он громогласно. – Всё как есть чистейшая правда! Мне недавно о том поведал министр уведомления, так что никакого тут нет сомнения. Говорил, что некий чудобогатырь за морем недавно пошурудил: львищу чудовищного угробил да разбойников извёл, кои чинили там произвол... Так, значит, это ты был! Ванюша дорогой!

И к Ванюхе в слезах и соплях полез целоваться.

Обнял он парня крепко-накрепко и убеждённым тоном сказал:

– Не иначе как тебя сам Ра сюда послал – и как же вовремя! Да ещё с белого света!

И царица повеселела заметно: приосанилась, разругнулась, в глазищах огромных огоньки у неё позажигались. Уже не такая стала, как была-то, квохлая рохла да кроткая. Красивая, подумал Ваня, тётка!

А тут вскорости и ночь наступила, а там и новый день занялся, да быстро этак в хлопотах пробежал. Вот и час назначенный приближается... К полуночи, по велению Чёрного злого Царя, надлежит царевну Прияну к Жертвенной горе отвезти и, привязав её к столбу каменному, на произвол судьбы оставить.

Только Яван рисковать девушкой не стал, а вот чего, озорун, удумал: попросил платье ему женское пошить, да вдобавок парик подобрать покрасивше. Часика за два до полуночи облачается он в девичий наряд, берёт свою верную палицу и на гору жуткую отправляется. Ну, с ним ещё слуг парочка... А как пришли они куда надо, то приказал Яван к столбу себя привязать этак слабенько, а палицу перед тем в расщелине невдалеке он спрятал.

И остался на горище один. Слуги-то поспешно оттуда ушли, лишь бы от греха подальше, а Ваня время стал коротать.

Вот проходит таким образом час, потом ещё с полчаса. Яван у столба стоит, ждёт нетерпеливо. А время-то быстро этак летит. От безделья Ваня окрестности здешние обзрел и, прямо сказать, не дюже ему в местах тутошних нравилось. Как-то всё было пустовато. Море бордово-винное уже приелось весьма, оторопь даже вызывало – ну как кровища венозная чисто! А растительность везде небогатая: деревьев мало, всё больше кусты сухие с колючками да жидкая трава... Скучно всё это было наблюдать, тошно, неинтересно... А главное, солнышка на небе нету! Не повезло со светилом здешнему свету. Ванька ведь без солнца красного совсем измаялся. Ну что это вообще за небо такое – хмарь одна мрачная, и ни одной тебе завалющейся звезды. Тьфу ты!

И тут вдруг слышит он – затрепетал в стороне моря воздух! Видно, летел там кто-то огромный и тяжёлый. Глянул Ваня в ту сторонку – мама родная! – оттуль птица, не птица, а нечто крылатое приближается; несколько раз крыльями махнуло, и вот уже оно тут, подлетело да снизилось. Издалёк, очевидно, жертву свою увидело, потому что заклекотало оно прермерно, а подлетев к горе, фиолетовыми крыльями махнуло, – ажно ветром на Ваньку пахнуло – да на землю-то прыг! Крылья свои нетопырьки за спину сложило и на человека у столба оком зыркнуло.

Посмотрел на юду вблизи Ванюха – вот так чудище, думает! С виду действительно грифина адский красавцем писаным не казался. Гадким он был и ужасным и, без сомнения, страшно опасным. Тулово у него было крупное, не менее чем с бычьё, ну и прочее таково, значит, обличье: сам чернуший, как каменный уголь, а глаза ярким огнём горят, да лапы крас-

ным светом отливают, и вдобавок в хвостовом оперении одно перо белое сверкает. Морда же у чудища чем-то на человечью смахивала, только была его личина отвратная, кривая и очень злая. Встопорщил крылатый зверь железные свои перья, голову приподнял и дико захохотал, а потом оглядел он жертву привязанную взором жадным, и видимо доволен ею остался, потому как огни в его глазницах аж засверкали.

Отверз затем клюв острый незванный гость и воскликнул радостно трескучим голосом:

– Ох и знатно же я здесь потешусь! Хо-хо-хо! Цельный месяц я не ел, всё держался да терпел, а уж эту ноченьку попирую я да попотчуюсь! Слышишь ли ты меня, девонька сладкая?

Тут Ванюха забился, задёргался в своих путах и голосом тонким запричитал да зажался, к хищнику лютому обращающийся:

– Ой, да ты не ешь, не клюй меня, чудо-юдушка! Пожалей, пощади меня ради Боженьки – ведь я же молода ещё, молодёшенька!

А грифина бессовестный от нетерпения бесовского аж задрожал, едва из уст жертвы зов о пощаде услышал. У него с клюва слюна даже алчная закапала, на поверхность скалы утекая – превонючая зело такая.

Подвалил он к жертве своей вразвалку и вновь закрекотал гнусаво:

– А и буду я тебя клевать-поклёвывать, вкусной кровушкой твоей упиваючись! Я ведь, девонька гладкая, как раз молоденьких и люблю, и нежным твоим мясом себе пузейко набью!

Яван тогда ещё тоньшим голосом к злыдню обратился, сколько мог жалобно расхныкался он и развопился:

– Ой, да всё ж не ешь, не клюй меня, чудушка-юдушка! Откуплюся я от тебя великим откупом! Всё что ни есть у нас злата-серебра – всё мой батюшка за меня отдаст, ради жизни моей не жаждится!

А жестокий сей гадище пуще прежнего ухохатывается – даже слёзы крокодилы по гнусной роже у него скатываются.

– Ой, уморила, ну и уморила ты меня, девка! – заверещал он весело. – Да на кой ляд мне твоё злато да серебро, если у меня у самого его куры не клюют! А зато я сейчас, красавица, тебя поклюю-то! Ох-хо-хо! Или ты, девица-лапа, не рада, что ты сама есть моя награда?

Ванька тут едва в истерике не забился и до того отчаянно в путах своих заколотился, что чуть было до времени верви не порвал.

И самым растонюсенским голосочком запричитал, даже «петуха» в запале дал:

– Ой, да сжался надо мною, грифушка пекельный! Не терзай ты тела моего белого! И не пей моей кровушки! Ибо сильно я боли боюсь – визгом-криком я вся изойдуся! А услышат тот крик тата с матушкой, и умрут они от горя-кручинушки! Ты меня пожалей и лучше сразу убей!

Но проклятый стервоорёл и на эту просьбу не снизошёл. Наоборот – ещё большего увеселения придали ему жертвы моления.

– Ишь чего захотела! – закаркал он, посуровев. – Э, нет, девчурочка-дурочка, шалишь – уж я тебя съем не сразу – и не надейся! А ты не стесняйся – кричи себе на здоровье! Сколь есть моченьки можешь визжать-то, ведь я это ужас как уважаю! И знай наперёд – я от тебя маленькими кусочками мясико буду отщипывать: сначала с ручек, потом с ножек, потом глазки твои выклюю, а под конец тебя распотрошу и нутром твоим вкус потешу! Ух-ху-ху!

Тут уж Ваня не стерпел более сего измывания, и покуда тварь эта в очередной раз ухохатывалась, зажмурившись злорадно, он верёвки-то мигом порвал, палицу из ямки выхватил да, подскочивши, так шандарахнул по башке мерзкую пичугу, что у той искры из глаз сыпанули.

– А может подавишься, пугало ты огородное, ни на что не годное?!?! – вскричал Яван громовым голосом. – Не по клюву тебе кус, живодёр толстопузый!

Страшным криком закричал чудовищный гриф. Ну не ожидал он никак, что на месте девицы малосильной богатырь появится агрессивный. И пока упырь наглый, в шоке находясь явном, вопил да в себя приходил, Ванька ему палицей перья все погнул да крылья поперебил.

Только вскоре, на удивление быстро, чернец сей углистый силы для битвы с Ванею всё ж отыскал; расвирипел он и богатыря крылами ударил, с ног его сшибил, и ещё клювищем вослед добавил, норovia убить. Дюже хотел урод смелого воя одним ударом прикончить, только вот получилось это у него не очень. Что особенного Явану-то делается? На нём же броня была небесная, не широкая, не тесная, а такая как надо. Хоть и бит, а не убит был Говяда.

Вот подхватывается он на ноги проворно, и пошла тут у них драка упорная. Грифина ведь тоже бронёю волшебною оказался покрыт, мало ему вреда Ванюха причинил. И того больше: чуть времени минуло, а вражина неведомым образом повреждения починил. На равных с Яваном схватился! И всю-то ноченьку долгую не на жизнь, а на смерть они там бились, из сил изрядно повыбились, а ни один отступить не хочет – сражаются из последней мочи.

И кто бы там знал, чем бы у них эта кутерьма закончилась, только вышло вот как. Ванька, не будь дурак, от очередного крылатого удара уклонился, колобом по земле прокатился, за хвост тварь схватил в пылу схватки да и вырвал белое перо ко всем чертям. И только перо сломанное в Ваниной длани затрещало, как завыл вдруг садюга крылатый, заверещал и... прямо на глазах уменьшаться стал... Будто шар он там сдулся да съёжился и в комочек малый скукожился, а затем на месте закружился – вжик! – и в ворону растрёпанную превратился.

Яваха сию метаморфозу раскрыв рот лицезреет и очам своим не верит, а ворона – фур-р! – на воздух встрепенулась, закаркав придушенно, в темень ночи метнулась – да и сгнула.

Так бесславно нечистая сила поле боя покинула.

А перо белое в руках Ваниных вдруг засияло, волнами света радужного заиграло да ярким лучом в небесную даль и ушло – туда, куда ему было надо, изошло.

«Вот оно что! – подумал Яван поражённо. – Не иначе как это частичка света белого была, чёртом украденная. Выходит без света ворованного они этакими драными воронами оказываются. Ну и дела...»

И хоть жалко было Ване, что чёрт крылатый от него удрал, но всё же вернулся он домой победителем, младой царевны избавителем. А как иначе? Иначе нельзя!

Ну, тут триумф в государстве в честь грифоборца Явана, само собой, был объявлен. Недельку в городе пир прям горой, а на том пиру наш витязь, вестимо, герой. Опять, как и в Самаровом городке, его все чествуют: слава бояру, кричат – ура, виват!.. Ванька уж и сам-то не рад – изрядно это хмельное дело ему надоело. Порывается он оттуда далее идти, – а куда идти-то? Во-о! Как в то пекло попасть, никто и не знает. Вот Ванёк себе и гуляет...

А когда всё ж окончился этот радостный пир, то царь Далевлад тогда опохмелился и лучших своих ясновидящих к себе пригласил. Те и так и эдак попытались чего-нибудь на сей счёт разведать, но точного ответа никто не дал – ни один колдун про вход в пекло не ведал ни шиша. Обмишурилась вся эта компания, облажалась, сошлись лишь они во мнении, что пекло – это, значит, внизу где-то место...

Да-а, думает Яваха – лихо черти свою цитадель охраняют, их нахрапом-то не возьмёшь, затаились, ядрёна вошь!

Вот месяц, другой протекает. Далевлад по-всякому Яваху развлекает. Уже, кажись, все свои чудеса ему показал, а тому не шибко и радостно. Заскучал даже парень, говорит: солнце увидеть ему дюже хочется, и чёрного хлеба с настоящим молоком страсть как охота. Да только где ж всё это взять – тут ведь не родимые места, и царская сокровищница насчёт сих богатств пуста.

И вот однажды сидят они всем семейством вечером во дворце, время за картишками коротают да от дневных дел отдыхают.

Царь между делом и спрашивает Явана:

– А хочешь, Ваня, чудесный прибор-дальновизор поглядеть? Во штука-то! Ей-ей! С его помощью я провинциями управляю и сведения от наместников получаю. Изволь, покажу...

Отчего ж не хотеть-то? Яван с радостью... Встали они да пошли сразу. Приходят вскоре в особую комнату, а там-то пусто эдак, никакой мебели нету. Далевлад тут в сторону отвернулся и тайное слово шепнул, кое не усёк и чуткий Яванов слух: только шу-шу-шу, и всё... Ваня едва моргнуть-то сподобился, смотрит – ё-моё! – половина комнаты точно пропала, а на её месте появилась комната другая. И видит Яван, что в той комнате некий сановник за столом сидит и в книгу глядит. Как заметил он царя, так тотчас на ножки подскочил и доклад бойким голосом застрочил.

Царь недолго его послушал и головою кивнул – мол, хорош болтать! – да Явана пытается опять:

– Ну что, удивлён?

Тот конечно царю не отказывает, – неподдельный интерес к этому диву выказывает, а царь довольным таким сделался, рад стал, что гостя потешил.

– А-а! – рукою он машет. – Это, Ванюша, видимость одна! Ненастоящее изображение... Да вот смотри!

Подходит он к сановнику, столбом застывшему, ехидно улыбается и... руку сквозь него, словно сквозь место пустое, протыкает. А сановник, как ни в чём не бывало, стоит и на царское величество всюю глядит.

– Да как же это, царь-батюшка?! – не удержавшись, Яван восклицает.

– Всего лишь образ такой, Яванушка, – отвечает царь важно, – иллюзия, чудесная навь. Ну, это долго будет объяснять... Сам-то оригинал за тридевять земель отсель находится, у чёрта на куличках, а ощущение такое, что он здесь присутствует лично.

Яван тут и призадумался.

А как стали они назад возвратиться, он Далевлада вопросом и ошарашил:

– Слушай, – говорит, – царь-государь, а не можешь ли ты и с Чёрным Царём эдак связаться?

А тот вдруг как перепугался, как руками на Ваню размахался...

– Что ты, что ты! – завопил истерично. – Лишь он сам вызывать меня может – лично! – а мне сиё невозможно, и думать об этом не можно!

Видит Ванька – темнит чего-то царёк, не договаривает. Попытался он тогда вывести у величества кой-чего, да только тот упёрся и на расспросы не повёлся. Рот, короче, на замок, а ключ – в огород. Вот же урод!

Ладно. Проходит времечко ещё какое-то. Прижился в городе Яван, перезнакомился с массой народа. Парень-то не гордый, открытый, бравый; вот он везде и шляется, о том да о сём с людьми калякает, балагурит, игры молодецкие и веселухи устраивает, да девкам молодым головы дурит. Баклуши, короче, бьёт... Все прям влюбились в него. А Приянка, та уж точно – по уши!

Да только Ваня при ней дышит ровно. Царь Далевлад напрямую ему жениться предлагал: бери, говорит, мою Прияну, я тебе не то что дочь – царство всё передам! А Яван поблагодарил, конечно, царя за оказанную ему честь, но – нет, отказывается. «Я, – смеётся, – не царского звания человек: я только коров могу пасти, а не людей».

А тут вскоре и пир дают, уж и не важно по какой причине. Пир и пир... У этих царей видать поздоровее развлечений и нету, прямо перебор с пирами да гулянками – тешат вишь себя пьянками... А наш богатырь кой-чего и позамыслил. Как веселье разгорелось не на шутку, так он к Далевладу подступил да его и подпоил. Рассказывает царяке-гуляке хохмы всякие да байки, а сам медку ему в бокал подливает. Яваха-то хмельного не пьёт – он и так веселиться могёт, а зато величество назюзюкался сверх всякой меры да и пошёл себе куролесить. Дуже

вишь стало повелителю весело: понёс он всякую околесицу, кубков да бокалов с дюжину поразбил, пёрышки пораспустил, ту даму за зад ущипнул, эту – ну удержу гуляке нету!

А Яван возьми и сказани ему в этом азарте:

– А слабо тебе, великий царь, с Чёрняком по душам покалякть и на место его поставить, а то он совсем уже оборзел: нахрапом наезжает да грифов наглых к нам подсылает! Больно много себе позволяет...»

– Это кому – мне слабо?! – вскричал Далевад раскураженно и с места тут же подхватывается. – Да я ему! У-у-у!.. А ну, Ванюха, пошли. Давай-ка меня держи. Ух, у меня не заржавеет! Я ему, упырю чёрному, покажу – всё как есть ему выложу!

И обняв за шею Явана, на ухо ему горячо зашептал:

– Есть у меня слово тайное для связи с энтим гадом – хоть с постели его, ирода, подыму! Хе! У-у!

А сам Ванька за шкуру куда-то тянет.

Скоро пришли они, обнявшись, в тот самый залец, в котором царь давеча дальновизор Ване показывал. Царь-то с виду чисто ярый: корона скособочена, бородища всклокочена, глазёнки полыхают, а ручонки туда-сюда махают... От Явана он ладошкой отгородился, пьяным взором вперёд воззрился и чего-то неразборчиво пробормотал. И только он шепелявить перестал, как вдруг – дум-м-м! – вибрация мощная в воздухе пошла, а потом откуда-то музыка на низких тонах заиграла, – зловещая зело такая.

И появилась у них перед глазами под аккомпанемент музыки этой грозной зала огромная – не иначе как палата тронная! Явах с превеликим вниманием на открывшуюся панораму глядит, удивляется и ничего не упустить старается, а сам пьяного царя за шкварник поддерживает, ибо тот на ногах уже едва стоит и упасть норовит.

А зрелище впереди открылось – действительно глаз не отвести! Всё в той зале было какое-то завораживающее да страх навевающее: цвета и краски мрачные, на Ванин взгляд неудачные; кругом колонны огромные громоздятся, и изнутри они рубиновым светом струятся, а на потолках и стенах – барельефы выпуклые и переливы картин, с виду живых, а на тех картинах драконы крылатые да змеи зубатые мастерски изображены, и в придачу к ним неких людей намалёваны лики, испускавшие из очей багровые блики... А пол сплошь плитами самоцветящимися оказался покрыт, точно из камней драгоценных был он выложен, – так весь он и сверкал да лучиками блестящими поигрывал... Обстановочка, в общем, была ещё та – мрачная и смачная красота! В глубине же палаты сей огромной впечатляющих размеров стоял трон, словно из углей потухающих сложенный. Пока Яван его созерцал, он светом пламенеющим весь мерцал. Пуст-пустёхонек. И ни единой души кругом не наблюдалось.

«Куда они все там пропали? – подумал, недоумевая, Яван. – Может, напутал спьяну Далевад, и мы не туда попали?»

И вдруг, не сказать что неожиданно, но способом весьма странным, – появляется на троне том громадном ужасающий великан!

Он не сразу весь, а как-то постепенно там проявился, будто из воздуха уплотнился. Натурально собою гигант, сажени в две высоту без малого. Лицо у него было длинное, чуть ли не лошадиное, властное дико, словно из камня вырубленное – ну ни одна чёрточка не ворохнулась на нём даже. Как у памятника... А на лице ни усов не было, ни бороды – видно, бритый. И выражение такое угрюмое застыло, даже чванливое; гордее рожи и представить было невозможно. Власа же у него были прямые, чёрные, как вороново крыло отливающие и до самых плеч ниспадающие. А глаза закрыты. Точно спит...

Одёжа на великане, правда, смешная была немножко, и впрямь на ночную рубашку чем-то похожая: белоснежный балахон, контрастирующий со смуглой кожей; в придачу и колпак белый на голове у чёрта этого был надет, так что никаких рогов во лбу заметно не было, зато

перстни драгоценные на перстах его так и сияли, а руки, сильные, холёные такие, на подлокотниках спокойно лежали.

Замер Яван непроизвольно, на Чёрного Царя глядит, а Далевлад чего-то под нос себе бубнит, ногами переступает, качается и за Яванову шкуру хватается...

И тут вдруг веки у владыки ада начали подниматься, – медленно так, плавно, а Яваха как замороженный за этим наблюдал. Всё шире и шире очи, темнее ночи, раскрывались, и вот – раскрыл Чёрный Царь глаза и на стоящих перед ним людей глянул. Яван чуть назад даже не отпрянул, потому что немигающий страшный взгляд ощутимо весьма обжигал.

Сама власть, непреклонная и беспощадная, из глаз подземного владыки излучалась и искрами неземного гнева наполнялась.

– Как смел ты вызвать меня, жалкий царёк?! – низким, грозным и страшным в своём спокойствии голосом спросил Чёрный Царь.

Бедного Далевлада от сих слов чуть не хватил кондратий. Вмиг-то он протрезвел, потом холодным облился, с головы до ног заколотился и наверное упал бы, если бы Яваха за шкуру его не поддержал. А язык у него уж точно отнялся, потому что кроме мычания, ни на какие звуки он способен не оказался.

– Я могу тебя в порошок стереть, а душонку твою ничтожную в великое мучилище ввергнуть! – повысил голос адский царь, да так, что стёкла в окнах задребезжали. Помолчал он недолго, ещё пущим гневом наливаясь, а потом как рывкнет: – Отвечать!!!

Не привык наш богатырь к такому крику. Порешил он в свару эту встрять, чтобы инициативу в руки свои взять. И пока Далевладка икал да ртом воздух хватал, Ваня не смутился и к пекельному царю обратился.

– Поравита тебе, твоё величество! – гаркнул он голосом молодецким. – Уж ты меня извини и сурово не кори, а это я настоял, чтобы наш царь твою милость вызвал. Страсть какая охота с тобою повидаться была. А посему позволь представиться: Яван я, Говяда! Иду в пекло с белого света, несу тебе от тамошнего люда привет!

Тут Яваха рассмеялся и картинно царю адовому поклонился, добавив затем с оптимизмом:

– Я ещё немного тут побуду и непременно к тебе в гости прибуду. Наяву тебя и повидаю. Уж извини, твоё державие, коль опоздаю!

Быстро восстал владыка ада с трона громадного, во весь свой величественный рост он выпрямился и, сверкнув чёрными очами, загремел громогласно:

– Да кто ты такой, чтобы шутить здесь со мною, ничтожный червяк?! Ты даже понять не в силах умишком своим ограниченным, что тебя за дерзость твою ждёт! Жалкая и глупая мошка!

А Яван в ответ усмехается. Не пугается он и не теряется. Даже стал от хамства царского более радым.

– Звать меня, – говорит, – Яваном Говядой, и грозить, величество, мне не надо. Я может и мошка, как ты баешь, да такая, что больно кусает, и ничего от неё не спасает! Сынки твои Грубовор с Хитроволом мне вон тоже грозили, да голов своих не сносили. И посланец твой, грифок, получил от меня урок. Может статься, я и в пекло в скором времени проберусь и до тебя, владыка ты охрененный, доберусь! Ага!

Тишина вокруг повисла чисто гробовая. А потом вдруг – грох! – Далевладка перепуганный в обморок греманулся: выпустил его Ваня невзначай.

Медленно-медленно сел на место Чёрный Царь, подлокотники ручищами сжал, так что костяшки пальцев аж побелели, и в Явана страшный взгляд впери.

– Так это ты, жалкий человечиска, в моих владениях воду мутишь и порядки свои в них городишь? – совершенно внешне спокойно, ледяным и суровым тоном процедил он. – Добро...

После чего добавил гордо, усмехнувшись криво узкогубым ртом:

– Ну да недолго ты, дерзкий наглец, из бунтарских щелей выползец, торжествовать будешь! Уж я об этом позабочусь...

И Чёрный Царь взгляд свой стеклянный отвёл от Явана.

– А теперь – слушать мой приказ! – грознее некуда он прорывал. – Встать, ничтожный царёк!!!

Лежавший мешком Далевлад, словно лунатик, на ноги поднялся и, качаясь, на владыку ада уставился. Волосы с бородищею у него дыбом встали, а глаза, казалось, распахнулись шире некуда, и не мигали.

– Завтра в полночь, – чеканным голосом изрёк главный чёрт, – выставишь на Жертвенной горе сына своего старшего Далевидку! Кровью и муками сына вину свою искупишь – часть лишь вины! Исполнишь – быть тебе тут царём! Пока... А коли нет – пеняй на себя!

И закончил презрительно:

– До свидания!.. хм!.. царь!

Всё видение после этого начало меркнуть, растворяться и блекнуть: потушились огни рубиновые трона и громадных колонн, и сами они стали прозрачными, словно призракными. Вскоре всё это наваждение полностью исчезло, лишь какой-то миг ещё горели в дымке иллюзии пылающие очи ужасного великана, но вот и они пропали без следа, и пред глазами Явана появилась прежняя убогая комната. И едва потрясённый донельзя Далевлад пришёл немного в себя, как в изнеможении на пол он опустился и, всхлипывая и трясясь, к Явахе оборотился.

– Что ты наделал, лихая твоя голова! – накинулся он на витязя не шутя. – Да знаешь ли ты, что... что... эх, пропали мы все теперь! Сынок мой Далевидушка пропал! И душенька моя грешная в придачу!

А сам руками себя за лохмы ухватил и по-бабьи заголосил.

Только Ванюха присутствия духа не терял и как мог сокрушённого царя утешал.

– Не бойсь, царь-батюшка, не пужайся! – обнадеживал он его с жаром. – Раньше смерти не помирай, а барахтаться продолжай... Всё как надо у нас получилось, и ничего страшного пока не случилось!

– Эх, Яван-Яван! – с упреком воскликнул царь. – Ещё как случилось-то! Ещё как!.. Мы же с тобою гнев Чёрного Царя вызвали! Это что, по твоему – пустяк? Э-э-э! Ветренный ты дураплёт. А ну как он отряд карательный сюда пошлёт, и своих чудищ на нас наслёт – что тогда, а?!

– Ну и что тогда?

– А то, что нельзя нам от их рук погибать-то! Вот в чём дело-то, Ваня... Случись такая беда, то души наши на долгий срок в пекельное мучилище попадают и силой своей аккумулятивной упырей этих питают. Так-то вот!

Но Яван царя особо не слушает – знай своё гнёт...

– Ты, царь-государь, малость охоломи и непорабылёмы сии в голову не бери! – ему он говорит. – С чертями тягаться, чтобы за нас поквитаться – это дело моё. Я ведь того и хотел, чтобы хоть одного чёрта сюда заманить получилось – так оно и случилось. Всё, батя, идёт путём – мы им нос-то ещё утрём!

Да живо царька в охапку берёт и к гостям его обратно ведёт. И словечка даже сказать ему не даёт. Приведя же правителя в залу, царице Милояне его особу препоручает, дабы она царя от мыслей зудящих отвлекла и в веселье общее увлекла.

Только какое ныне веселье! Видя, что государь явно не в себе, в угрюмости пребывает и ликовать более не желает, гости понемногу дай бог ноги по дороге – все до единого и ушли. Рассказал Далевлад супружнице своей и старшему наследнику о нависшей над ними беде невозможной, после чего царица, как водится, чуть в обморок не грохнулась, за сердце рукою хватать, и ну орать да стонать. А зато Далевид, парень хоть и молодой, а пылкий да горячий, нисколько вроде не убоился; сильно он взволновался, щёки с ушами у него запылали, а в глазах

чёртики заиграли. «Никого я не боюсь! – твёрдо он заявляет. – Хочу с силою нечистою биться да сражаться!»

Яван же Далевидку отважного слушает да улыбается, потому как царевичев настрой боевой ему нравится.

– Рад слышать от тебя, Далька, – восклицает он, – таковые речи хоробрые! И отговаривать тебя от борьбы я нынче не стану, ибо нужен ты мне будешь для одного плану. Дело это трудное и, врать не буду, опасное, ну да и мы ведь не лыком чай связаны – такое покажем чертячьим посланникам, что соваться им сюда будет не повадно!

Далевид от оказанного ему доверия довольным стал, молодой пострел, а папаня его, то услышавши, лицом аж посерел.

Ну а Ванька языком чесать продолжал и вслух вот о чём рассуждал:

– Я так полагаю, что сам Черняк сюда не сунется, побоится. Готов об заклад о том биться. Так что, смекаю я, пришлёт сюда грозный царь кого-то из холуёв своих верных, а тот, про меня проведав, поостережётся наобум-то переть и пока не убедится, что на горе и в самом деле царевич стоит привязанный, точно не покажется. Нам его, Далюша, обмануть как-то нужно, поэтому действовать будем дружно и адские требования соблюдём... наружно.

Ещё некоторое время поугovarивал Ваня царя, и как тот ни упирался, пришлось ему всё ж пойти на попятный – уломал-таки его Яван. Да и как величеству слабосильному было с Ванькою не согласиться, когда эта вот наглая рожа – единственная, можно сказать, была его надежда. Без него-то дело труба – прямо хоть сейчас в пекло сигай!

Ага, ладно. Договорились герои в урочном часу Дальку на горе Жертвенной к столбу привязать и там его оставить, а Яваха неподалёку в кустах должен был сховаться, и ухо остро надобно было ему держать. Дело ведь это рискованное, филигранное: чуть что не так, обмишуришься, не устрожишь – Далькину жизнь и положишь.

Ну, вот и время назначенное на подходе. Идут они вдвоём к горе той. Яванка царевича верёвкой к столбу привязал, а сам чуть пониже спустился и в зарослях укрылся. Ждут себе, пождут... Далевид у столба замшелого привязанный стоит, а Ванюха в кусточках замаскированный на стрёме сидит, бдит.

Тут и полночь уже близится. Тишина вокруг прямо зловещая стоит, лишь море едва слышно волнами сонными плещет, да вдруг сыч вдалеке заухал жутко.

И в этот самый миг – плюкш! – с воды звук какой-то посторонний послышался. Смотрит Яван – появляется из морской пучины глаз. Да что там глаз – глазище, буркалище, как бы посаженный на длинной тонкой палке. А вслед за первым буркалом и второй такой же... Притих Яваха, замер, насколько было возможно, даже дыхание затаил, а Далька слегонца испугался и у столба своего весь сжался. Ну а глазищи странные поозирались с минуту где-то и туда-сюда поповорачивались: очевидно, убеждались, нет ли где подвоха или обмана, в виде само собою Явана. А потом только – ш-ш-ш! – с шумом немалым на бережок пологий чудище подводное выползло, да какое же невиданное!

Пригляделся получше Яван; хм, думает – на краба невероятного сильно гад смахивает. А какой страшенющий же! Великоною с большую копну: о шести ногах членистых да двух клешанинах увесистых. На концах ножиц у него крючья были загнутые, а клешни были словно серпы громадные. Сам-то краб чёрен оказался, точно мокрый камень, а одна клешанина белая у него была и в полумраке светящаяся. «Ага! – обрадовался Яван, в засаде своей сидючи. – То, что клешня белая, это к лучшему – уж я тебя, дорогуша, прищучу!»

А чудовище постояло-постояло, покуда с него вода стекала, да к горе, вращая глазами, потопало. Заковыляло по песку да по гальке, ногами – шур-шур-шур – шуршит и на жертву привязанную жадно глядит. И вроде как похохатывать начало.

Вот оно к горе той приблизилось, по склону быстро вскарабкалось, возле жертвы уселось и противным голосом заскрипело:

– Ух, какой молоденький, какой соченький человечек! Хо-хо! А душоночка какая созревшая! Ха-ха! А тельце какое нежное! Хе-хе! Я два месяца не ел, всё постился да терпел – знатно же я сейчас попотчуюсь! Ох-хо-хо!

Далевид, хоть и был он парнем непугливым, а и то от страха весь застыл, монстры́ этого вблизи видя; побледнел он, словно мел, и ни словечка вымолвить стал не в силах. Ещё бы – эдакое страшило к нему подступило! Далька перед этим уродом, словно цыплёночек перед коршуном!

Ну а чудище ещё ближе к нему придвинулось, воздух с шумом в себя потянуло и далее загнусавило:

– Ой, как пахнет-то! Ты, людяшок, должно быть вкуснющий – ну объядение прямо! Хо-хо-хо!.. Только ты, козьячешка, не радуйся – я тута снестать тобой не стану. Мало ли чё! Я тебя с собою возьму, ага. Яд в твоё тело впрысну, и ты околодеешь, дабы сподручнее было тушку твою волоочь. Ох-хо-хо-хо!

И опять, значит, от наглого хохота аж заходил весь ходуном. А потом на лапах приподнялся и клешанину белую к своей жертве начал протягивать.

«Ну, теперя самая пора!» – решил мгновенно Яван. И на горку-то скок-поскок – и он уже тама, возле этого хама! Да, не долго смекая, ка-ак долбанёт палицей по протянутой клешне! Так и переломил её на хрен!.. Видать, от души Ванюша приложился, достал уже чёртов краб его своей наглостью – насилу Ваня до дела дотерпел, пока в засаде сидел. А потом за другую клешню Ванюха чудовище ухватил и ну держать его что было сил.

Что тут началось! О-о! Крабище схваченный с перепугу заверещал отчаянно, лапищами засучил по камню... Судорогой дикой потом его скорёжило... Видать, крепенько Яваново явление его огорошило. Ну а Ванька держит гада крепко, не отпускает... Подёргался тот в богатырских руках, побился и вдруг... слабеть начал заметно и в размерах уменьшаться принялся: эдак весь сморщился, съёжился, скукожился, а затем только чуфф – в ма-а-ленького такого крабика превратился. А из отломленной белой клешни ослепительно огненный шарик медленно выплыл. Яваха ладошку лодочкой сделал, под шарик её подвёл, а тот в ладонь-то и опустился, словно приглашение его принимая.

– погоди, кусочек белого света, не улетай! – попросил его Яванушка, улыбаясь. – Ты, брат, мне ещё пригодишься...

А сам быстро наклонился, краба, удрать было намеревавшегося, за панцирь поймал, как следует его потрянул, потом размахнулся, да как шмякнет паразита мелкого об скалу!

И ногою сверху его придавил.

– А ну, клещ проклятый, говори: где вход в твоё упырьё царство лежит? Ну-у!!! – вскричал Яван, серчая.

И ступнёю на поганца как надавит – только хруст зловещий пошёл.

– погоди, богатырь, не убивай! – заверещал пискляво крабик. – Я всё скажу! Столкнемся – только не убивай!

– Разболтался ещё здесь! – негодует ещё пуще Яван. – Говори живо, гад!

И ещё сильнее его давит.

– Вход в пекло на острове находится, – затараторил, торопясь, краб. – Чёрным у вас он зовётся. Там есть гора, а на горе – вход в пещеру имеется. Через эту-то пещеру и можно в преисподнюю попасть... Я всё сказал! Пощади меня, Коровий сын, отпусти – я больше не буду-ду!

– А это не я решать буду! – отвечает твёрдым голосом Яван. – Пускай белый свет твою участь решает, коего частицу ты украл и в плену держал!

Поднимает он краба копошащегося за клешню его оставшуюся да и подносит гадика к шарик у сверкающему. И едва только краб до белого огня дотронулся, как моментально и вспыхнул весь, точно факел. И принялся чёрт гадский гореть да пылать жарким пламенем –

только чад от него пошёл. Тут он и конец свой нашёл – сгорел подчистую. Даже пепла от него-дья не осталось. А шарик сверкнул преярко и стремительно вверх вознёсся, где и исчез – стало быть воскрес-возогнился и из этих мест испарился.

Яван тогда царевича бледного от столба отвязывает, поздравляет его искренне с окончанием испытания, а тот рад был невероятно, что хоть испугался, а врагу не поддался, да ещё и в живых остался.

Кинулся он Ванюхе на шею и что было силы его стиснул.

– Ну, – вопит, – Яван, ты и богатырь – этакое раскаряку шутя победил!

А как маленько спасённая жертва угомонилась, то Явахе Далевид и говорит:

– Я, Вань, островок этот Чёрный знаю. Его все моряки стороною обходить стараются, потому как несчастливым он середь них почитается. Уж почему, и не ведаю. Гиблое дюже место. Недалече находится отсель, так что быстро туда доплывём.

И возвращаются они с победой домой!

Ну, тут конечно радость всеобщая, сумасшедшее ликование, всё такое... На Явана, как на полубога какого все уже глядят и в его обществе непременно побывать хотят. Торжества грандиозные готовят – что-то вроде триумфа обалденного.

А Ваня царю говорит: нет! Хватит, мол, бражничать да пировать, пора мне и честь знать. Кораблишко вот только мне б какой-никакой – до Чёрного острова сбегать на нём. Дюже, мол, хочется!

Царь же Далевлад, хоть и было у него попить желание пребольшое, а всё ж к герою отнёсся со всею душою. «Что только ни пожелаешь, – орёт, – всё для тебя сделаем!» Тут же вскорости по царскому приказу и кораблик был готовый – стоит-поджидает уже у пристани. Ванюха и заторопился – поднадоело ему здесь уже до чёртиков, ага.

Быстро собрался Яван. Припасов в дорогу ему надавали – целую торбу. Весь почитай город его провожать высыпал, и семейство царское тоже пришло само собою. Царь Далевлад во главе провожающих невесёлый бредёт, царица Милояна губу кусает, глаза на мокрому месте, а Приянка Явану на шею кинулась без всякой лести и разрыдалась навзрыд. Трудно она расставалась со своим спасителем, потому что влюбилась в него крепко.

Один лишь царевич Далевид бодр шёл да весел. «Тебя до острова, – говорит, – Вань, провожу и до конца тебе послужу».

Приобнял царь напоследок Явана, почеломкался с ним трижды по обычаю православному да и тоже всплакнул-то малость.

– Я, – всхлипывает, – в жизни своей окаянной такого человека яркого, как ты, Яван Говяда, нигде вообще не встречал! Признаюсь – смутил ты меня очень: выходит, иначе, чем мы, люди жить-то могут. Э-эх, да ладно! Чего там... Ну, герой ты наш дорогой, сияр-бояр мой благородный – прощай, и царство наше непутёвое – не забывай! Да покажи этим чертям кузькину мать – пусть знают, что есть кому у нас за правду постоять!.. Э-эх, мой свет – увидимся мы ещё с тобою али нет – один лишь бог ведает!

– Ничего, царь Далевлад, – старика утешая, Яван восклицает, – не унывай! Коли живы с тобой будем, то ещё свидимся!

И на кораблик – прыг. В пояс людям собравшимся поклонился, рукою всем помахал и что-то ещё прокричал, да только в рёве толпы бурливой никто его уже не расслышал. Вот от пристани они отчалили, и по волнам морским багряным корабль вдаль себе побежал.

Глава 9. Как хранитель тайных врат был Явану страшно рад

И эдак плыли они по морю тому, плыли и через день до цели доплыли: показался впереди остров не шибко большой. Сам островок гористый такой да лесистый, посередке крутая гора над прочими высится, вокруг неё скалы вздымаются, а у края берега кайма из красноватого песка расстилается. Из большей же горы дымок чёрный курится, над лесом туман сизый клубится, и всё там расцвечено живописно: скалы – то голубые, то золотые, то розовые, и ещё – фиолетовый лес-то. Красивое, короче, место!

Что ж, подплывают наши, на бережок сходят. Яван с Далевидом первыми идут, а тут смотрят – из рощицы им навстречу старичок некий выходит, вроде как пастух, потому что вдали козье стадо пасётся, да тройка волкодавов, лая, на них несётся. Старичок на собак прыцкнул, от мореходов их отвратил, а сам к компании лицо поворотил и улыбнулся им радостно. Видом-то старичишка невзрачный, сухонький такой да низенький, бородища у него длинная, и весь он как лунь белый. А в руке – посох деревянный, суковатый весьма, неровный, до блеска ладонями отполированный.

Ну, мореплаватели бравые к старичку подходят, кланяются ему в пояс, здороваются вежливо и разговор сходу заводят: так, мол, и так, говорят, мы такие-то и такие, ищем то-то и то-то – вход в пекло, одним словом. «Не знаешь ли, дедушка?..» – спрашивают. А старичишка ещё шире им улыбается и головою кивает. Как не знать, отвечает: тут-де невдалеке, на средней горе пещера имеется – да во-о-н она виднеется! – вот там-то этот самый вход и есть. «Я, – добавляет, – и дорожку туда покажу, и до самой пещеры вас провожу, не беспокойтесь».

– А как тебя звать-величать, отец? – кидает Яван деду вопросец. – И почему ты один на сём острове обитаешь, ведь место это, по отзывам, худое и поганое?

Старичок тут как рассмеётся залиvisto.

Долго смеялся, аж прослезился, а отсмеявшись, заметил весело:

– Может для кого-то худое да лядащее, а для меня подходящее! Место ведь тихое, спокойное, от суеты далёкое, поскольку ваши шумные города мне не нужны и даром. А зовут меня дедом Ловеяром.

Ваня сразу хотел было в пещеру податься, да ушлый старик его отговорил. «Чего зря торопиться-то? – бает. – Она вечер уже наступает: куда ты впотьмах по кручам пойдёшь? Того и гляди шею себе свернёшь... Не-не, – махает руками, – с места не сойду, а завтра поутру и проведу».

– Ну добро, ладно, – согласился с дедом Яван, – так, значит, тому и быть.

И к спутникам своим оборотился:

– Спасибо вам за всё, ребята! Дальше я уж сам... Плывите себе с миром назад.

Далевид-то не хотел уходить. С Яваном желал он остаться и в пекло мечтал пробраться, да только Яваха на эту авантюру не согласился.

– Нет, дорогой! – отрезал он твёрдо. – Парень ты что надо, храбрый да отважный, но Далька, не это ведь важно. Путешествие моё опасным будет до крайности и случись чего, как я твоему батюшке посмотрю в глаза? Что он мне скажет? Сынок, мол, без отеческого благословения из родных мест сбежал, а ты его в сём безобразии поддержал? Я на это не пойду, так что извини, Даля, а далее я один иду...

Ну, делать нечего. Обнялись они крепко-накрепко на прощание, и Далевид на корабль поплёлся опечаленный. Гребцы дюжие на вёсла налегли дружно, потом паруса белоснежные кораблик распустил и, пенный след за кормой оставляя, по волнам вольным в даль устремился.

А старичок хлебосольный гостя в хижину свою пригласил. «Пойдём, – говорит, – отдохнёшь с дороги, а перед тем покушаем кой-чего, чайку попьём да в беседе времечко проведём».

И ведёт Явана в рощицу недалече от моря.

Там и впрямь на краю леса жидкого лачуга его стояла незавидная, а рядом с нею очаг был разбит, и каша на огне варилась, аж, булькая, пузырилась. Погнал Ловеяр коз своих куда-то за кусты – да скорёшенько и возвратился, кашу с огня снял, другой котелок, с водою ключевою, надевает на железный штырь, водицу в нём кипятит и травку ароматную в котёл сыплет.

– У меня, – хвастает, – чаёк наилучший; не было ещё случая, чтобы его хулили, а я, милочек, многих поил, и все были рады – пили аж до упаду.

А сам смеётся, ухохатывается и чуть ли даже не падает. Да миску каши с маслом Ванюше наваливает. «Ешь, – говорит, – богатырь, угощайся, молодецких силушек набирайся!»

Попробовал Яван угощения дедова – а и впрямь каша-то знатная и на вкус приятная! Вдоволь кашицей угостился... А тут и чай дедушкин уварился. Ловеяр Ване кружицу полную наливает, протягивает, а тот её берёт, чаёк пьёт да нахваливает. Мигом кружку и осушил, – и добавок ещё попросил. Отвар-то и впрямь душист очень – утерпеть его не пить нету мочи!

Ваня ещё чаю черпает, да вдруг ощущает... что за чушь ещё такая? Сила некая его вдруг закачала... В очах его ясных затуманело, смешалось всё да поплыло, вихрем стремительным закрутило. Всё быстрее и быстрее круговерть несусветная в глазах у него мчалась, но и этого было мало – вот и тело его слушаться перестало, и совсем Ване муторно стало. А тут ещё огненный змей жгучим видением в угасающем его сознании закружился и... как вдруг отрезало: вчистую Яван вырубился.

Много ли, мало времени проходит – бог весть! – а только очухался Яванушка наконец и начал понемногу опаматоваться. С трудом немалым он в окружающую явь включился, поскольку находился в некотором забытии, а затем туман у него в голове разошёлся чуток, и дошло вдруг до него, что он не свободен лежит тут, а прочными путами весь опутан.

– Эй, дед, ты там где? – позвал Яван грозно. – Что это ещё за шутки?! А ну развяжи меня живо, кому говорю!

Только вместо окрика громкого выдал Ваня из себя сипение какое-то невнятное, для слуха малопонятное. А где-то через минуту шаги неподалёку послышались, и сам Ловеяр пред взором Ваниным предстал. Пригляделся богатырь пленённый к наклонённому над ним мурлу – ну и ну! – старичишка-то, оказывается, в лице переменялся: злым да ехидным Явановым очам ныне привиделся.

Наклонился он ещё ниже над связанным витязем и издевательски захихикал, а потом добавил радостно:

– Вот ты и попался, нахал! Телок малый, что с дубом бодался! Меня, брат, не проведёшь – и не таких бравых я лавливал! Покруче тебя вои были. Плыли,плыли да и приплыли. Тьфу! Мусор!

И до того злая гримаса харю дедку тут искорёжила, что гнусней не найти было рожи-то.

Попытался тогда Яван пути свои порвать, однако ничего у него не вышло – не слушались его мышцы-то. А старик развеселился тут не на шутку да и говорит:

– Не рвись, не рвись, богатырь – ты нынче хилее любого хилого. Силёнка твоя вона теперь где!

И он постучал рукою по посоху, продолжая гнать свою пургу:

– Я вот, по-твоему, кто – пастух?... Точно – пастух. Пастырь я хитроумный! Я таких, как ты, здесь лавливаю да на острове сём пасу – вроде как вахту нес. Так что, бычок-дурачок Яваха Говяха, твоё дело ныне аховое – ты, брат, теперь в моих руках! Ха-ха-ха!

– Слушай, дед, – пробормотал Яван косноязычно, потому что язык у него заплетался, и голос был не зычным, – сей же час развяжи меня. Тогда ничего плохого тебе не сделаю – обещаю. А ежели не развяжешь...

– Цыц! – грубо оборвал его Ловеяр. – Заткни пасть-то! Ишь, грозит ещё, буйвол! Слышь-ка, милос – здесь один я и царь и бог. Что захочу, то и сделаю с тобою!

Захихикал опять чёрт старый, а сам довольным-предовольным стал и рассказы свои продолжал:

– Я тебе, касатик, скажу без утайки, что в пекле клятом худовато нашему брату обитать... Не, конечно там: сила, знание, балда и власть... и прочая подобная сласть, и всё такое... Спервоначально может померещиться, что выше блага и быть не может – ан нет! Не по мне вся эта дребедень...

Яван молчал, тяжело дыша, и ничего пока чёрту не отвечал.

А этот паразит между тем своё продолжал:

– Черняк-то болван. Обалдуй явный... Он же радости истой в жизни не видал. А всё потому, что заговоры ему всюду мнятся да разные смуты: опасается он, как бы кто ловкий его с трона-то не торнул. И торнет обязательно, дай срок! Хе-хе-хе!

И он злорадно расхихикался, падение Черняка, видимо, представляя.

– А вот меня, своего старшего брата, он ещё и побаивается. И есть, замечу, отчего: я и хитрее его, и мудрее, и прозорливее... Поэтому и не боюсь никого. Совсем никого! О-го-го-го!

Ловеяр вытянул руки к небу и потряс ими, словно грозя кому-то на небесах своим посохом.

– Может, и Бога ты не боишься? – спросил охальника Яван.

– Ха-ха-ха! Ух-ха-ха! – расхохотался Ловеярка аж до слёз. – Не, ну это что-то!.. Какой-то дурак неудатый богом ещё будет меня пугать! Ой, не могу!.. Кого мне, говоришь, надо бояться – Ра что ли?! Да ведь больше меня никто во всём мире его не постиг – он же везде и во всём, и во мне, между прочим, тоже!

– Ты, дедок, я гляжу, слишком уж гордый, – говорит тогда Яван чёрту неуёмному. – Ра-то действительно в тебе, но ты-то ведь – не в нём!

– Да мне плевать! – взбеленившись внезапно, принялся дед орать. – Ра никого не карает – он всем волю дал! Как хошь, так и можь! Главное – к обстоятельствам не ленись примеряться, да о шкуре своей пекись, вот и будет всё зашибись!

Поднял Яван голову свою тяжёлую и осуждающим взглядом колдуна аж прожёт.

– Чё волком-то глядишь? – тот зло возопил. – Придушить меня хочешь? И-и, милай – и не мечтай! Меня, соколик, какой-либо человек али демон, возможно, кокнуть бы и сумел, да только это зряшное дело – я ведь всех сильнее!

– Слышь ты, хвастун, – пробормотал тогда уже явственнее Яван, – если я до тебя доберусь, то считай, это сам Ра до тебя добрался. А я зря не вещаю, и это тебе обещаю.

А старичище мерзкий на Явановы слова вдруг как разгневается, да вверх как подскочит. Подхватил он с земли кнутище крученный и так-то лежащего витязя им перетянул, что Ванька от неожиданности даже вскрикнул. Боль была ну прямо адская! Ну а чёрт этот и не думал униматься: как почал он свою жертву почём зря хлестать, так только свист пошёл. Ваньку, гад, ногами пинает да по небитым местам его кнутищем охаживает: хлесь да хлесь, хлесь да хлесь!.. До того, бестия, разошёлся, что аж взмок.

У Явана от этой порки живого места на теле не осталось – даже шкура львиная от колдовского кнута не спасла.

И покуда побитый богатырь от боли извивался да очухмянивался, этот подлый мухомор над ним уже нарисовался и в своей манере издевательской закривлялся:

– Ну чё, телёночек вредный, отведал Ловеярова угощения? Хе-хе! Знатно упарился али не? Ишь кожа у тебя какая броневая – не мочалится и от мово кнута! А больку-то ведь всё одно чуял, а?

Яван молчал.

– Я тебя, мил-человек, на огоньке, по старинушке, поджарю да собачкам своим и скормлю. Не возражаешь?

И опять Яван отвечать подлецу не стал..

– Ну а сам печёночкой твоей полакомлюсь, – усмехаясь, чёрт продолжал. – Жареная-то она уй какая!.. А душку твою пленю: ёмкая она у тебя, необычной комплекции – пригодится для моей коллекции.

Недолго думая, подхватил дедок полоумный пленника за шкуру, словно куклу тряпичную богатыря на плечо себе кинул и вприпрыжку куда-то двинул. Невдалеке от своей хижины коряжину огромную он нашёл и цепью железной Ваню к коряге притянул. А тот не то что сопротивляться, а даже и пикнуть не мог – во, значит, какво было стариково над ним превосходство!

После этого чёрт в лес отлучился ненадолго и большущую вязанку хвороста оттуда приволок; Явана этим хворостом обложил он со всех сторон, а потом вдруг как дунет на кучу; изо рта у него столб огненный – шарах! – на хворост сухой жажнул, и пошло это кострище гореть. Жарко стало – прямо одуреть! Несколько мгновений лишь минуло, и вскинулся вокруг Явана огненный вихрь; обхватили языки пламени его тело и начали немилосердно его жечь.

Совсем тут Ване стало кисло: аж рассудок у него помутился от муки сей езуитской. Боль он ощутил – ну нестерпимую! «Да неужто смертушка моя пришла безвременная?!» – мысль отчаянная сознание Ванино пронзила.

Рванулся он изо всех своих сил – да не тут-то было! – только цепь раскалённая крепче тело его обвила. И тут вдруг так ему захотелось жить, такая воля к существованию его обужала! «Не гоже, чтобы сыны Ра нечисти покорялись! – круче всякого огня дума сильная его обожгла. – Держаться надо – иль ты не Яван Говяда?!»

И как будто силёнок эта решимость ему прибавила. Всю свою волю твёрдую Яван в кулак сжал: глаза зажмурил, дыхание задержал, и застыл изваянием каменным, рваться и метаться зря перестав. А в уме его и белый свет, и дедушка Правед, и матушка-коровушка, и красавица-богатырша – молнией яркой пронеслись. «Нельзя умирать! – решил твёрдо Яван. – Жить надо! Жить!!!»

Минуты протянулись как годы. Половина хвороста уже сгорела, а цепь железная добела накалилась и ослабела. Собрался тогда Яван с духом и всем своим телом измученным из цепей рванулся. Порвал он путы на фиг, хворост горящий расшвырял и из полымя, точно Фениксптица, вышел. И вот же удивительное дело: не только волосы на нём не сгорели, а даже и шкура льва, спасибо корове-матери за защитный дар.

Открыл Яван слипшиеся глаза, мир окружающий вновь увидел да – дышать! Дышать!!! А старикашка на него вытаращился и аж онемел, но в себя пришёл на удивление резво.

– Ах та-а-к! – протянул он с досадою. – Тебя, значит, и кнут не секёт, и огонь не берёт! Ладно, несгораемый ты мой – уж я тебя пристрою!

Да подскочивши к Явану, как треснет ему посохом по шарабану! Тот с ног долой бряк, а в головушке сделался мрак: ничегошеньки от удара не соображает... Покуда чуток очухался, глядь – а старичище уже верхом на нём сидит и руки ему выкручивает. Ванька дёрг-дёрг – ни шиша! Страшная просто силища у заморыша! А зато у нашего атлета прежней мощи и нету – ну как пропала. И не успел он опомниться даже, как Ловеярка его сызнова повязал.

Присел чёрт, отдыхая, на камешек и, усмехаясь, сказал:

– Да-а! Впервой мне, признаюсь, такой тип попался, коий в огне-пламени невредимым остался. Ну, да ничё – для другого, в виде исключения, я расстараясь...

Привскочил старичина на ножки, Яваху, словно полено, под мышку загрёб и куда-то его поволок. Идёт-бредёт да вроде как сам с собою разговоры ведёт или, может быть, пленнику своему в ухо орёт. Чёрт его там разберёт: дедок-то, видать, от одиночества свихнулся совсем – чисто маньяк стал и параноик. Нет бы молчал, так он ещё и разглагольствует:

– Есть тут у меня одна животи́на безродная, никуда не годная. Ни чёрту он раб, ни богу друг... Я его по доброте душевной держу-держу, а зачем – ума не приложу. А прозорливый – уй! Давненько я его, правда, не кормил-то – уж годков сорок, наверное... А и не заслуживает, бездельник!

Старичишка тут, по своему обыкновению, посмеялся чуток, похихикал и дале ногами задвигал.

– Вот я тебя, пельмешек, энтому проглоту и скормлю! – радостно он загнул. – Побалую скотинку. Наших он всё ж кровей, ей-ей! Ну как своей кровинушке не порадеть-то!

И приходят они вскоре к пещере угрюмой. Старик шмыгнул в неё тут же и засеменял по проходу в глубину. Через пару-тройку минут приходит он в большущий грот, мрачными красками лениво переливавшийся... Запрокинул Яван голову и видит: в углу, на толстенной цепи страшный дракон в заточении сидит, и такой-то весь худой да измождённый, что и описать невозможно. Хмурый он был, понурый, члены его были скорчены, кожа сморщена, рёбра стропилами наружу торчали, и лишь глазища рубиновым цветом горели... Узрел драконище деда, морду вытянул да как заревёт трубно. Едва свод в гроте не рухнул, до чего громкозвучно!

А дедок ему строгим тоном:

– Ну, будя, будя реветь-то! Ишь, шелупень неверная, расшумелся! Я ж не так пришёл – гостинец вишь притаранил. Эвона – человек какой упитанный! Вкуснющий – це-це-це!

Поглядел чудовищный зверь на Явана, и огонь из его глаз от жадности жажнул. Раскрыл он пастищу громадную, а там клыки – чуть не в локоть длиною! А Ловеярка возьми тут и кинь в пасть разверстую своего пленника – как словно в печку полено. Дракон пасть моментально захлопнул и принялся Ваньку лопать. Чав-чав! – зубами его кусает и язычищем во рту бросает. Как словно котлету жуёт атлета...

Затем стиснуло Ваню со всех сторон и потянуло вниз, словно в воронку... А это он по драконьей глотке пошёл, да вскоре – буль! – место в его желудке нашёл. Тут же незамедлительно соки пищеварительные полились на него потоком, и вышло бы Ване это купание боком, если бы не его броня, – до того едкими соки те оказались. А воняли-то они как!

Пришлось Явахе сызнова в руки себя взять. Зажмурился он, дыхание задержал и всю свою волю в кулаке зажал.

Посидел он там трошки, подождал немножко... Ему-то вроде ничего, привык, видимо, уже терпеть, – зато верёвки от кислоты жгучей начали тлеть... Собрался Ванюша тогда с силами, дёрнулся мощно да и освободился от пут. Только что дальше-то делать – не оставаться же тут... Да и через задний проход лезти – мало будет чести... Упёрся он тогда руками и ногами в стенки утробы ящеровой и давай там брыкаться да наружу рваться. Чуть в клочья желудок чудищев не разнёс.

И тут чует он – у-уть! – попёрло его по глотке назад, да так-то быстро... Вот уже в пасть он проскочил, а драконище пасть раскрыл, и Ваня по языку, как по маслу, проехался, да на полу пещеры и очутился. Отрыгнул, короче, богатыря дракоша – видать, тело его для закуси оказалось не гоже.

Вот Яванка на полу каменном в слизи барахтается, над ним ящер обескураженный пыхмя пыхтит, а перед ним Ловеярка стоит да волчарой на него глядит.

– Это что же такое получается, – заорал он, зараспинался, – ты у нас не токмо в огне не палишься, но и в утробе не варишься! Ну отпетый же негодяй – противно даже ящеру твоё мясо жрать!

И повернувшись к дракону, как крикнет ему:

– А ну-ка жри его снова, топтыга ты допотопная! Кому говорю, ангелюлюб!

Да посохом своим на чудовище замахнулся.

А тот от ужаса зажмурился, назад шатнулся, в стену вжался, но исполнять приказание не стал – даже пасть захлопнул и челюсти сжал.

– Ах вона ты как! – взвизгнул истерически Ловеярка. – Ну, погоди, отступник ты жалкий!
И подскочивши к дракону, как огреет его посохом по морде!

Заревел, завыл драконище не своим голосищем, по бурой его шкуре огненные сполохи возогнились, а потом кожа у него лопаться стала, и из трещин языки пламени запыхали. Грохнулся он оземь тушей своей великой и аж заколдобился от муки мучительной.

Не стал Яваха ждать далее. Барсом стремительным он на обидчика своего кинулся и ловким ударом посох у него из рук вышиб. И уж хотел с чёртом этим расправиться, да только старик ловкачом оказался: проворен, подлый хам, был не по годам. Как начал он нашего Явасю по чём попало дубасить, что тому мало не показалось. Раз двенадцать злой Ловеяр его с ног-то сбивал, дух бунтарский из него выбивая...

Видит Ванька – никак старичка не унять ему: не по силушке противник попался, да не по уму; и через времечко недолгое опять Ванюха побитый лежит, а старый чёрт этаким коршуном над ним высится и посохом своим поигрывает.

Да рассуждает, как водится, вслух:

– Я тебя, лядов забияка, навсегда драться-то отучу! Я счас, касатик, тебя тем сделаю, кем ты и должен был стать – та, что надо, будет у тебя стать!

Опять дедку стало весело. Рассмеялся он мелким бесом, в пляс пустился и юрким волчком по полу закрутился. А потом как вкопанный пред Яваном остановился, посуровел, нахмурился, на жертву свою зло сощурился, и... посохом колдовским до Ваниной груди коснулся.

И начал Яванушка на глазах меняться: шерстью стал обрастать, хвостом да мордой обзаводиться, и в рога да копыта рядиться... Минуты даже не минуло, а на месте человека с ладной фигурой телёночек стоял бурый. Стоял, дрожал, шатался и с испугом вокруг озирался.

Засмеялся тогда злобный маг, шлёпнул посохом телка по заднице и из пещеры его наружу погнал.

– Я тебя Черняку продам! – заявил он вновь радостно. – Как есть всего стоварю, со всеми потрохами, живучий ты мой! Ха! Это я ладно придумал, мне ведь лишняя с тобой морока не нужна – мне спокойная жизнь важна.

Схватил Ловеяр Явана-телка в охапку и к лесу бегом припустил. А в чаще лесной огромный загон оказался, деревянным тыном окружённый. Стены были сажени в две высоту, никак не менее. И для чего, подумал Ваня, такое сооружение? А злодей уж ворота прочные открывает, вовнутрь заваливает, а там скот всякий у него был заперт: коровы, овцы и козы. Пнул колдун Явана под зад ногою. Отлетел тот споро в дальний угол и на земельке сырой растянулся.

– Завтра же с Черняком свяжуся! – крикнул ему вдогонку дедок. – Переговоры с ним поведу по твоему поводу... Ужо, думаю, мы сторгуемся!

Высочил он вон, ворота задвинул на засов да и был таков.

Хреново... Ох, и хреново на душе у Явана стало! Вот же полоса неудалая у него настала! Попал он к коварному чёрту в лапы, как вошь во щепоть. Самое было время, когда перстень деда Праведа ему сгодился бы, хотя... может быть, и нет. Где ж это было видано, чтобы перстни на копыта надевались! И оставалось ему лишь одно – ждать, а там... пропадать, али спастись, но на Ра притом уповать стараться.

«Постой! – схватил он себя за холку мысленно. – Ежели одна надёжа на Ра у меня осталась, то тетёхой мне быть не пристало. Надо и самому пошевелиться, ведь Ра и вовне и внутри гнездится!»

Пришёл в себя Яваха, вокруг поозирался, да и стал по загону похаживать. Вот походил он, побродил по скотьей тюрьме – ну нигде выхода нету! Ограда везде была высоченная – не перескочишь, да толстенная – не пробьёшь. Прямо тупик какой-то...

И вдруг – бац! «Да как же это я раньше не догадался! – мысль неожиданная в телячью его голову шарахнула. – Экая же я бычара тупая!...»

Подбегает Яванушка к одной коровушке чёрной, – а та толстая такая, вымя у неё полное – да и принялся её за дойки сосать. А она – ничего: смиреннько этак стоит, к Ване голову повернула и вроде как приветила его своим «му». Присосался Ванёк как следует к вымени, да всё-то молочко коровкино без остатка и выдул. Кругленьким он сделался, как бочонок, и вдруг чует – о-о! – побежала силушка молодецкая по жилушкам по телецким, ей-ей побежала!

Уж как стал наш телёночек тут попрыгивать, как принялся ногами он подрыгивать! И чует заколдованный усилочек: слушаются его сызнава резвые ноженьки, быстро бегут они по загончику... Не на шутку Ванюша-бычок разыгрался, во всю прыть свою телячью он разогнался, подскочил быстрее молнии ко ограде той – да и сиганул себе на ту сторонку! Словно палисадник низёхонький ограду высокую и пересёк, да на обратной стороне и приземлился.

А как оказался Яванка на воле, то не стал он бегать там боле; как вкопанный он у забора остановился и покопался как следует в своих мыслях.

И осенила его мгновенно догадка одна – палица!.. Вспомнил он про оружие своё испытанное, Ра силой напитаемое. «Надо её найти, – решил он, – во что бы то ни стало, и попросить Отца нашего, чтобы сила Его в тело моё вошла, чары злые рассеяла и прежним меня содеяла...»

Что ж, в уме сказано – въяве сделано! Яван-то, хоть и бычьего ныне племени, но себе на уме: идёт сторожко, украдкой, словно с кем играет он в прятки... А и то сказать, верно – прятки ведь и есть – чего на рожон-то лезть? Не ровён час, чёрт старый его заметит – уж он-то Ваню приветит! Поди сладь тогда с этим гадом, с колдуном клятым, при помощи рожек телячьих да ножек копылячьих – считай, одни рожки да ножки от тебя и останутся! С этого злыдня станется...

Пробрался Ванюша-бычок на морской бережок, глядь – эвона палица его у костра валяется, да ещё котомка. Не успел ещё старикашка вещи-то прибрать, поустал, видать, пошёл спать... Ну а Ваня к палице-то бегом. Облизал её от избытка чувств со всех сторон, да сверху на неё и лёг, как на порог. Лежит, всем телом дрожит и мысленно Бога о помощи молит. Да в придачу что было сил фантазии себя в прежнем виде представляет...

Вот лежал он так, лежал, верую безмерно наполнялся, и вдруг чует – уй! – жар от палицы пошёл, да такой-то явный! С каждой минутой палица жаром горячим накалялася, покуда не сделалось Ване невтерпёж.

«Что ж, – решил он твёрдо, – лучше от палицы своей я погибну, чем в загоне стариковом копыта откину! Буду терпеть до последней мочи!»

И вдруг – лоп! – треснула шкура на пузе телячьем и медленно начала с него сползать. Слезла шкура с него, как с руки перчатки, и рядом шмякнулась, а потом вспыхнула ярким пламенем и сгорела без остатка.

Как и не было того теляти малого! Стоит на месте телка былого богатырь молодой, стоит, потягивается, телом могучим вытягивается, косточки застоялые разминает и не совсем благозвучными словами колдуна поминает.

И почуял тут Ваня, что силушка его прежняя сызнава к нему вернулась. Не медля зря да сопли не жуя, Яван палицей боевой тогда вооружается и направляется к Ловеяровой хатке, где колдун почивал с устатку.

Глава 10. Как коварство за зло своё расплатилось

Вот идёт Ваня, неслышно к лачуге подходит и слышит, что старик-то на всю округу храпит: нехило его, видать, разморило.

«Сладко тебе, подлому, – думает мстительно Ваня, – спится да почивается, никого-то твоя особа не боится да не опасается – а зря! – идёт к тебе расплата твоя!»

Решительно Яван дверь в хату распахивает, внутрь пригнувшись заходит и Ловеярку подлого там находит. А чего его не найти-то, когда в хибаре из всей обстановки только стул стоит, стол да деревянная кровать, на коей тёмный пастырь и изволил почивать. Спал он на овчине, в неё зарывшись, да попоною грязной с головой укрывшись, – отдыхал, стал быть, гад, от трудов неправедных... Да, видно, чутко он спал-то. Не успел Ваня и шагу там ступить, как дедок с постели скок, – и на ножках уже стоит. И посошину из угла – хват! Уставился он на Явана недоумённо: глаза прямо из орбит у него исторглись, бешеными стали до невозможности, а из зрачков натурально лучики стрельнули огненные.

– Ах вот, значит, каков ты удалец! – вскричал он голосом рассерженным. – В человека обратно превратился – это ж надо! Да-а, недооценил я тебя, Яван Говяда...

И как начал гнуться в членах да ломаться, юрким змеем весь заизгибался, и ещё посохом закрутил, что аж свист пошёл.

– Ну да это ведь дело поправимое! – грозно дедок Ваньке орёт. – Я те, бычья башка, покажу, кто здесь всех круче! Я ить поражений не знавал, и не таких как ты побивал. А ну-ка наружу давай марш, говяжий ты фарш!

Старичонка, очевидно, в себя пришёл, усмехаться да посмеиваться вновь принялся, а Яваха из хаты назад попятился, палицу поудобнее в руках перехватил да и говорит своему супротивнику:

– Слышь ты, пастух чёртов – ныне конец твоим вывертам пришёл! Сколь верёвочке не виться, а пора и концу появиться! Да возьми напоследок в толк: я тебе не телок, а сын Ра Яван Говяда, и дурить меня, нежить – не надо!

А старичонка без лишних слов как вдруг вертанётся и – свись! – Ване посохом своим по лбу!

Едва-едва успел Ваня палицей отбиться, да так, что по округе гром прокатился, и целый снопище искр из палицы выбился. Уклонился витязь в сторонку и сам по шарабану чертяке ударил – да не попал. Яро тогда Яваха оружием своим замахал, да и дедок был не промах – всюю принялся охаживать Яваху.

И пошла тут у них потеха – любо-дорого со стороны посмотреть! – да не дай бог самому-то биться: уж не миновать головы лишиться! Никогда ещё не доводилось Явану с таким умелым противником сражаться. Видать в чём-чём, а в искусстве воинском был Ловеярище искушён до крайности – мастаком драться он оказался.

Долго они там билися: всю-то ноченьку напропалую. Да к тому ещё и утро. И полдня вдобавок ещё... Окрест траву сплошь повытоптали, пылищу подняли и сами до чёртиков устали. Потом жарким обливаются, а бьются, не унимаются...

Уже разов с пять пропускал Яван посошинные удары. Добро, что вскользь они приходились, а то бы завал – боль-то была адская от дубины гадской... Зато старик для Ванькиной палицы неуязвимым оставался – ну никак тому достать стервеца не удавалось. Больно прыток был чёртов уж – даже Ваня тут был не дуж!

Не на шутку от этих обломов Ванёк разъярился и с удвоенной живостью на чёрта навалился: и так, и эдак его лупит да бьёт, а всё коту под хвост. Ваня и бегал, и прыгал, и ногами дрыгал, – чуть было даже не летал, – и по земельке споро катался... Всё мимо, всё рядом – ну не унять никак подлого гада!

А в это время старик поотбился и сам в атаку пошёл буро, посошиной своей: швись, хрясь, хлесь, бум!.. И ой как худо Ванюхе пришлось бы, ежели бы он наконец не нашёлся. Всю-то свою остатнюю мощь собрал Яваха в одну точку, и с такой скоростью молниеносно махнул чудо-палицей, что переломил-таки посох гадский на две палочки... Да только чёрт Ловеяр и тут присутствия духа не потерял. Швырнул он посошинные обломочки Ваньке в рожу, а пока тот уклонялся, за руку ярого воина ухватил, через себя его перекинул, на песочек низринул, и палицу из длани его вышибил. Сцепились они тогда драться-бороться без оружия и принялись недруг недруга бить не жалеючи. И руки и ноги в ход-то пошли; сшибились супротивнички грудь в грудь – прямо на части друг дружку рвут!

Удивляется Ваня – глянь-поглянь: старик-то не слабее его ну ни капельки, а то и посильнее будет! Даром что с виду хилый да тощий, зато внутри – ну неодолимой мощи! «Вот же чёртов хрыщ, колдун треклятый! – негодует в замешательстве некоем Ванька. – Насобачился драться-то, змей вертлявый – ну не ухватить!..»

И такая тут обида богатыря нашего взяла, такая горечь печальная на душу ему легла! Вспомнил он муки свои непомерные, принятые им от хохотливого изувера, вспомнил задание своё труднейшее, и белый свет, вспомнил красавицу-богатыршу, и погубленную подлю мать, не утерпел, да за бороду Ловеяркину в сердцах – хват! И цельный клочище с неё и выдрал.

И чуёт тут Ваня – что за дела! – упырёва-то хватка враз ослабла, куда как некрепче супротив прежнего стала. Ага! Навалился воодушевлённый богатырь на давшего слабину вражину, да на взрыхлённый песок его, поднатужившись, и свалил.

«Так вот, значит, в чём твоя сила! – Ванюху тут осенило. – Как же я раньше не догадался: власа седые и борода не просто ведь у него снега белее – то ж белый свет, вором заключённый и в волос им облечённый! А я бился с этим мошенником и пластался! Экий же я дурак!»

Уселся бычара Яван на своего врага поудобнее, телом своим тяжким его как следует подмял да почитай все волосищи с дедовой бородачи и головищи и повырвал. А и в самом-то деле – не за ножнями ж ему там бегать! Кто он в конце-то концов, – паликмахер что ли али брадобрей!

А Ловеярка, пока Ванька его драл да скубил, что было моченьки там вопил. Аж даже зашёлся весь, несердешный... Потом руку он высвободил, за головёнку общипанную схватился – а шевелюры-то и нету – дал Яван волю пленному свету. Вот он, освобождённый, сиянием взыграл, расцветился и в небеса устремился. А старикашка сразу слабым, немощным стал, под Явановой тяжестью и ворохнуть не может: пыхтит себе да кряхтит.

– Ну что, клещ плешивый?! – воскликнул грозно победитель и кулачину свою бронебойную над врагом вскинул. – Допрыгался, довоевался, гад?! Счас как дам!!!

– Яван, Яванушка! – затараторил скороговоркой Ловеяшка. – Заклинаю тебя, что хочешь у меня проси – только не бей, Ваня, не убивай! Помилосердствуй, богатырь, пощади-и!

Колдун тут перевёл дух, повыпучил выцветшие глазёнки и продолжал торжественным тоном:

– Да, великий ты, наивеличайший богатырь! Наимогучий! Неодолимый! Боравый! Слава Явану! Ур-ра!

– Что-о?! – вскинулся ничуть не польщённый Яван.

– Ой, прошу тебя, Яван – ты же не чёрт! – завопил Ловеярка, дёрнувшись. – Человек же ты! Ты, Ванюша – че-ло-ве-к!!!

Тут он аж всхлипнул и добавил жалостливо:

– Нельзя ведь нам, Вань, погибать-то! Лютое у нас посмертие – ох и лютое! О-у-у-у-у!

– Раньше думать было надо! – замахнулся опять Говяда. – А сейчас – получай!

– Ай-яй-яй! – взвился чёрт и угрём под Яваном заелозил. – Постой, не спеши – черепушку мне не кроши! Откуп тебе я дам – оружие против Чёрного Царя. Ага! Только им и можно Черняка одолеть, а силою – не-е! Силой нельзя! Ты думаешь, почему я под пятку его

не подогнулся – так само, думаешь? Э, не-ет! Всё из-за оружия волшебного. Я его выменял у инопланетных чертей. Ей-ей! Дюже его братец опасается – у-у-у!

Яван тогда кулачище разжал, башку почесал, подумал малёхи и усмехнулся.

– Давай, – говорит, – своё оружие!

– Э, какой хитрый! – обрадованно захихикал старик. – Так не пойдёт, так дела не делаются – давай-ка договор с тобой заключим! Ты, я вижу, парень честный, и я тебе на слово поверю запросто. Короче, поклянись памятью своей матери, небесной коровы, что не убьёшь меня, а отпустишь подобру-поздорову, как говорится, ко всем чертям. И тогда – клянусь тоже! – передам я тебе оружие грозное, и делай с ним что хошь, а меня после того не трожь!

Подумал Яван, подумал да и решился.

– Согласен! – бодро он заявил. – Клянусь матери своей памятью, что не убью я подлого Ловеярку! На произвол судьбы его отпустить обязуюсь, коли отдаст он мне оружие чудодейственное, супротив адского царя действенное!

Тут Яваха на резвые ножки подскакивает, а за ним и Ловеярище, кряхтя, подымается да от песочка налипшего отряхается. Ударили они по рукам, сделку закрепляя, после чего старик заспешил к себе в хату походочкой семенящей, а следом за ним и Яван гренадёрским шагом зашагал. Приходят скорёшенько. Чертяка под кровать шмыг, чуток там покопался, башкой об кроватку шандарахнулся, заругался, да и вытаскивает оттуда не меч-кладенец, и не булаву гулкую, а... ма-а-ленькую такую шкатулку.

– Вот! – хихикает ехидно. – То самое и есть... В цельности, как говорится, и в сохранности, – и он подул на ларец, пыль с него сдувая. – Принимай вещь, Яван! Бери и владай, а мне волю дай!

У Ванюхи от вида его лисьего аж челюсть вниз отвисла.

– Да ты чё, старче! – он возмутился. – За дурака меня держишь что ли?! Думаешь, я тебе лох?! Какое это, к чертям сучьим, оружие?!

А старичок знай своё гнёт:

– Не сумлевайся, Яван – оружие! Да не простое, а самое что ни есть сильное, против братца мово пересильное. Только кнопочку пусковую зря не нажимай да до срока шкатулочку не открывай – не приведёт сиё ни к чему. Оружие ведь это выборочное: на меня не подействует, на тебя тоже, а на главного земного злодея – ещё как! Да-да – факт! Хе-хе!

– Ну, коли так, то ладно, – согласился с чёртом Яван. – Давай сюда шкатулку и вали отседа к бабушке своей чёртовой, покуда я добрый, да не дюже спешу – вход в пекло мне покажи!

– Хе-хе! – сызнова расчихикался старикан. – А чё его показывать-то – я ж показывал уже! Во-он, на горе той чернеется... Только я, Ваня, это... ноне туда не ходок: силёнок, благодарение тебе, по кручам бегать не имею. Старость не радость. Так что ты уж, милоч, сам, сам...

И снова, подлец, захихикал и глазёнками на витязя зыркнул.

Ну, Яван тогда повернулся да и тронулся себе в путь; шкатулку в котомку кинул, палицу на плечи положил и решил сразу на гору подняться, чтобы зря не телепаться. С добрый уже кусок отмахал, а тут мысль одна ему в башку и вдарила, и повернул он решительно к пещере огромной, где обитал дракон прикованный. Приходит вскорости в грот, глядь – а драконище уже оклемался, стоит у стены, пыхтит и на Ваню жёлтыми буркалами глядит. А сам-то понурый такой, смурной, – видать, после пытанья Ловеярова больной.

Поступью уверенной Яван к зверю волшебному подошёл, посмотрел на него сочувственно и такую речь повёл:

– Поравита тебе, гордый дракон! Пришёл я отблагодарить тебя за то, что жрать меня вдругорядь отказался, за что и поплатился жестоко от Ловеярки. Воле его ныне конец настал: я его победил и силы лишил. Правда, кончать мерзавца не стал – слово ему дал. Отпустил гада восвоеси – он теперь возле хаты ошивается, ноги делать собирается... Ныне и тебя я отпущу: ступай, брат, куда пожелаешь – моё дело вызволить тебя из неволи, а над твоей волею я неволен.

Как услышал огромный дракон слова Явановы, так взревел он громоподобно и лапами по полу заскрёб, а глазищи у него уже не жёлтым, а красным пламенем загорелись. Яван же поближе подступил, да как саданёт палицей по цепям толстенным! С превеликим лязгом грянулись цепи оземь, и стал наконец чудовищный узник свободен. Постоял он ещё чуток, потоптался, словно в нерешительности пребывая, а потом вздрогнул, дёрнулся – топ-топ-топ! – и вразвалку наружу попёр.

А Яванка за ним неспешно идёт.

Выбрался дракон из тёмного прохода и, оказавшись снаружи, от света отвычного аж зажмурился. Видать, долгонько он во тьме обитал, раз небелого этого света не видал. Через минуту примерно приоткрыл он одно око нешироко и начал головищу туда-сюда повёртывать, словно выискивая кого-то. А тут глядь – чертяшка Ловеяшка из хибары своей вылазит, узел с манатками волокёт, старый обормот. Дракоша его и узрел с верхотуры. Рост-то у него огого какой – метров семь, наверное!

От такого зрелища долгожданного глазище у ящера – чпок! – вовсю и растарашился. А за ним и другой тоже. И даже кожа на роже у зверюги обтянулася. Приосанился дракон горделиво, огромный, величественный такой стал, а потом как фыркнет свистяще да шелестящее!

Старикашка голову в ту сторону и повернул, откуда фырк ему послышался.

Ой, чё тут было! Ну невозможно описать! Старикашечка-то спервоначалу навроде как присел с перепугу, словно бы в земельку хотел телом ужаться. Да куды там уймётся-то – чай не гвоздик он был и не прут – напрасный же труд... А дракоша тогда с места рванул и по направлению к хате потопал. Да быстро же так: идёт, бредёт, вихляется, только хвост вовсю телепается... Это и понятно – отсидел, бедняга, невесть сколько веков в тюрьге – откуда ж ему терпения-то взять, ёж его рать!

Прохиндей же старый сначала будто ополоумевши сидел, но по истечении недолгого времени просчитал он направление драконова движения, да как с места подскочит. Взвизгнул он по-поросячьи, воздух громко испортил – да и бегом оттуда опрометью. Откуда и силы вдруг взялись! Прямо не разбирая дороги чёрт прочь понёсся, словно петух, который снёсся!

А драконка за ним устремилась: дыц-дыц-дыц! – ножищами криволапыми по бездорожью выписывает... Экий же право громила! Пыль столбом стоит, лес дрожит, земля трясётся – во всю прыть дракон за колдуном несётся!

Бегали они так, бегали... То туда, понимаешь, то сюда – с острова же не денешься никуда. Ну натурально как кошка за мышкой... Драконище от злобищи ажно огнём пышет. А дедок-то бегать молодец: вёрткий, прыткий, стервец; чудищу в зубы не даётся – вот-вот от него оторвётся...

Наконец, притомился Ловеярка али чё, только ошибся он, дурачок: дал, значит, маху и греманулся оземь с размаху. Что у него там произошло – уж не узнаем: видать, всё же устал, али может ножку не туда поставил. Короче, всем чертям назло дико пастырю тёмному не повезло.

Тут противничек его и настиг! К поверженному вражине он трус-трус, да зубищами его аршинными – кусь! Вроде как слегонца эдак, словно опробывая...

Диким голосом завопил подлый Ловеяр... Да не слишком-то долго он кричал. У дракона ведь аппетит будь здоров был – нагулянный! Сорок же годов во рту ни маковой росинки не было, ни кролика, ни барана, ежели не считать Явана... Покромсал ящер чёрта зубами, подвигал страшными челюстями да и проглотил гада с жадностью. Только – у-у-уть! – видимый такой комок у него по глотке пошёл и место в желудке вскорости нашёл.

И едва зверина злыдня проглотил, как что-то в окружной природе вдруг изменилось. Невообразимый гром с небес прогремел, полоснул ветра шквал ужасный, а море вздыбилось волною пенной. И тут же всё стихло мгновенно. А потом откуда-то сверху музыка зазвучала дивная, торжественная такая, мелодичная, человеческому уху непривычная.

Смотрит Яван – и глазам своим не верит: на месте дракона огромного существо стоит необыкновенное – человечище с огненными крылами, упруго над ним вздымающимися и разноцветно переливающимися. Был он страшный, мощный, высокий – сажени в две ростом. А лицом тёмно, как ночь, и суров до невозможности. Только глаза его глубоко посаженные багровым пламенем грозно рдели.

Демон!!!

Яваха столбом на месте застыл, от удивления слова вымолвить стал не в силах, а демон поклонился ему до самой земли и пророкотал низким голосищем:

– Спасибо тебе, сын Коровы Небесной, что избавил ты меня от плена! Уж и не надеялся я более, что выйду на волю. Тыщи и тыщи лет я в пещере ютился и духом своим томился. А когда-то, давным-давно, был я демоном вольным, собою довольным, и самым убеждённым являлся чёртом. Звали меня тогда Дивьявором... Послушай, друже Яван, не откажи в просьбе моей нижайшей: разреши исповедь мою тебе поведать, позволь тяжесть с души снять последнюю!

Почесал Ванька свою башку да рукою и махнул:

– Что ж, – отвечает он бывшему дракону, – коли тебе душу облегчить неймётся, то на это время у меня найдётся. Садись вон на камень да валяй излагай!

И сам на другой камень уселся поудобнее, а Дивьявор, сложив крылья свои за спиною, опустился на валун огромный, вздохнул тяжело и начал повесть свою голосом протяжным:

Исповедь Дивьявора

Замолк Дивьявор, потом встал, вздохнул грудью полной, распрямился гордо и взгремел громовым голосом:

– Ур-р-а-а! Ур-р-а-а! Ур-р-а-а! Слава Ра мироправящему! Кончилось для меня иго черт-ячьё!

Опустил он руки свои медленно, ввысь дотолё вздетые, улыбнулся улыбкою белоснежною и добавил тихо и безмятежно:

– Видно, искупил я зло совершённое... Душа моя отныне свободна.

А Яван его слушает да дивится, и вдруг видит: демон посерел весь, очи его потухли постепенно, а тело могучее словно окаменело, потом трещинками мелкими всё покрылось, и тут – трах! – рассыпалось оно во прах. Толечко пыли белесое облачко повисло на чуточку в воздухе да на землю быстро пало. Ничегошеньки не осталось в том месте, где стоял могучий великан.

– Чудные дела... – покачал головою Яван. – Как Ловеяр и предсказывал давеча, так оно и случилось теперь: человек и демон остановили его чёрное дело... Вот тебе и суд Божий!.. А и поделом ему, пастырю тёмному!

Оглянулся он назад – а хатки Ловеяровой как не бывало: ничего от неё не осталось. И загон со скотом тоже пропал – не видать его в глуби леса стало.

И сказал тогда себе Ваня, что далее он на сём острове проклятом и минутки лишней не останется, а тут же напрямиком в пекло подается. Взял он свою палицу, котомку на шею закинул и – к горе двинул.

Приходит он наконец на горку, смотрит, а там пещера была неглубокая. Ваньша в неё сунулся, тук-тук – ёж твою в кочерыгу! – тупик; впереди одна лишь стена: ни прохода тебе, ни провала. «Экий же я, право, дурак! – вскинулся на себя Яваха. – Обманул меня напоследок Ловеярка! Как телка несмышленного облапошил!»

Полазил он по окрестностям с полчаса, хоть какую-то лазеечку искал – а фига там! – стеночка ровнёхонька была, монолитна и никакого лаза было не видно. Хоть море назад переплывай али кукуй на этом острове до самого сдоха.

– Чёрт бы меня, болвана, побрал! – в сердцах воскликнул Яван. – Вот же безмозглый я олух!

И вдруг – ч-с-к-рр-ры-сс! – скрипнуло что-то впереди, будто ворота на петлях ржавых там открывались. И действительно – в стенке отверстие круглое появилось, большущая такая

дыра, а в той дыре хоть свет и сиял, а не видать было вглубь ни рожна – застилал там глаза туман. Бесстрашно Ванюша в дырищу ту сунулся, да вдруг поскользнулся на полу склизком, ничком вперёд свалился и... вниз устремился! Будто по ледяному желобу на пузе он помчался, а скорость движения была невероятная – аж всё вокруг сверкало!..

Сколько Яван в спираль ту падал – трудно сказать: время как бы пропало. Наконец чует он, что спусковая кривизна стала уменьшаться, и движение вскоре сделалось горизонтальным. Как словно пробка из бутылки, вылетел из пещеры удивлённый Ваня, по ровному месту ещё чуток проехал, с размаху рожей в песок ткнулся, да там и тормознулся.

Ты лицезреешь пред собою существо,
Чьё было зло и бездуховно естество,
Чей ум был изошрённым до предела,
Чья сущность обладания хотела.
Живя веков на свете сорок сороков,
Облёгчил дух я наконец от всех оков;
Печали, скорби, горести лихие —
Мне стали чужды,
Новости плохие
До чувств моих не долетали никогда:
В избытке сладости текли мои года.

Могучей силою с лихвою преисполнен,
Я крут был, властен, дерзок, непреклонен...
Преграды падали пред волею моей.
Я брал не всё себе,
Лишь – что было милей,
Что лило в душу наслаждения елей;
И цели вожделённой достигая,
Я полагал, что жизнь моя – благая.

Давным-давно избрал я путь удачи,
Я тех ничтожил, кто судил иначе;
Ведь что такое в мирозданье ЭГО?
Се благо вечное без потолка и берега!
Оно единственно, таинственно, нетленно,
Маняще, греюще, слепяще, совершенно!..
Я идолу сему всепреданно служил,
И на алтарь его – я душу положил.

О, беден, беден человеческий язык!
В трёхмерном мире куцы представленья,
Я не смогу тебе понятно изложить,
Что значит жизнь шестого измерения;
Да и не буду – это бесполезно,
Но ведь и здешним мудрецам вполне известно,
Что наше верхнее – отражено внизу;
Я вашим слогом мою повесть донесу...

Меня всегда... тянуло самолюбье,
А сзади страх толкал, бичуя не шутя;
Я делал, что хотел – мне было это любо,
Я привыкал к действительности грубой,
Но трудных дел я ловко избегал:
Униженно служил и лицемерно лгал,
И всё святое, не смущаясь, продавал...

Всю горечь мерзости и подлости коварной,
Что я испил в низжайшем состоянье,
Я не сумею адекватно передать;
С тех пор в душе моей предательства печать...
Но я угодничал, величью поклоняясь,
Под Власти сапогом прежалко извиваясь,
И ядом мести постепенно наполняясь.

Хоть путь не схож был мой с парением орла,
Но и стезя змеи к вершинам привела:
Я был правителем, чиновником, слугою,
Я был воителем, разбойником, изгоем...
И много кем ещё, влекомый мощным ЭГО,
Как верный пёс его, посаженный на цепь;
Ну а в конце...
Я был Царя Галактики вельможей.
Я был ужасно горд!
Я был совсем безбожен!

Мировоззренье демонов несложно;
Нам верным видится оно,
Всё прочее же – ложным.
На уровне своём мы бога отрицаем,
Вселенную – безличной полагаем,
Существовавшую всегда
И будущую вечно,
Нам во владенье данную, конечно.

Мы признаём, что рождены в природе,
Как сорняки, а не как редька в огороде;
Безличным миром нам даны права:
Кто сильный – жить,
Кто слабый – умирать...
И тот, кто совести химеру презирает,
Лишь он всего на свете достигает!

Да-да, у нас кристально ясное понятие:
Себя любить,
Лишь с ЭГО быть в объятьях,
И ради этой связи несравненной —
Отринуть всё,

Вплоть до самой вселенной!
Холодной и пустой, жестокой и надменной...
А всё то мелкое, что в ней, вертясь, ютится,
Лишь средством к хватке благ для нас годится.

Я не был плотным существом,
Как в этом состоянье;
Я полем был великим в мирозданье,
Благой энергией исполнен до краёв;
Прекрасно было ощущение моё!
Я далее желал вести удачный блага лов,
Того не ведая, что близится расплата:
Её не видела ума моя палата.

В конце карьеры стал я мудрецом,
Прискучили мне пышные утехы;
И вместо шумной, рьяной той потехи
Надумал вечности я разомкнуть кольцо.
Я вроде всё имел, но мне было всё мало,
Во мне подспудно беспокойство созревало...
Морщины мыслей мне изрезали лицо:
Не поддавалось проклятое кольцо!

Наука наша смела утверждать,
Что Благо вечное смогла она нам дать;
Не всем, конечно —
Избранное племя,
Отринуло с себя вселенной бремя,
И навсегда освободилось от проблем;
Отныне демонам не нужно жить в заботах,
Их дело – наслажденье и охота!

Наимудрейшие из мудрых толковали,
Что благо потерять
нам суждено едва ли;
Был скрупулёзно точен их прогноз:
На миллионы лет он мысль вперёд пронёс;
И верный дал ответ, очищенный от грёз:
То будущее нам не угрожало —
Там не таилось разрушенья жало.

Но мне вопросы всё ж покою не давали:
И демоны ведь тоже погибали,
И деградировали тихо иногда...
Но мы ж в раю живём – что за дела?!
Мне даль веков уже не виделась бела;
Неужто есть погрешности в расчётах,
И нам когда-нибудь представят кайфа счёт?

Светила знания превысшего разряда
Мне отвечали:
Беспокоиться не надо!
Погибшие – те просто дураки,
А умному – погибнуть не с руки.
Мы победим вселенной вопреки,
Ну а тогда – всё будет просто класс!
Никто и никогда не сможет скинуть нас!

Второй вопрос о настоящем был:
Он тоже ум мой преназойливо мутил;
Коль мы мудры и пребываем в благе,
То отчего нуждаемся мы в браге:
Хмельной, забористой и веселящей влаге?
Роптанье духа лечим мы разгулом жгучим,
И способ сей мы почитаем наилучшим.

Мне отвечали так:
Любезный брат!
Мы принимаем счастья концентрат!
Ведь демоны – поклонники искусства;
Исканья способ то,
Чтоб тешить наши чувства,
И чтобы вместо «пусто» было «густо»!
Мы пили, пьём...
И будем пить и впредь!
Лишь идиот откажется балдеть!

Мы были в мире сём всеильны и могучи,
Считали мы себя умнее всех и лучше;
Мы всех дурили, гнобили, пасли...
Они для нас в загонах солнц росли...
Но всё же были те,
Кто нам не подчинялись,
Которые везде без наших пут слонялись.
То племя ангелов, мерзейшее для нас!
Сильнейшее средь прочих разных рас.

У тварей этих – всё наоборот!
У них начальство даже
Тяготы несёт;
Богатства у них... нету никакого,
Они невзрачны, часто – до дурного,
И якшаются постоянно с разным сбродом;
Полны идей ещё, бредовых и пустых,
И корчат из себя совсем простых.

Спокон веков мы с ними враждовали,
Мы за вселенную ведь с ними воевали,

И пленных демоны не удосуживались брать;
Лишь иногда,
Чтоб тайны разгадать...
Я б не хотел у нас в застенках побывать!
Как раз тогда одну мы захватили,
Её надсмотрщики чрез муки пропустили.

Да только не добились ни шиша!
Она молчала и терпела, чуть дыша.
Хоть мастера заплечных дел у нас умелы
В науке грозной пыток душ и тел,
Они не совладали с этим делом;
Теперь ангелу ожидала смерть,
Ужасная и лютая для ведьм...

Тогда мне в голову пришла одна идея:
Под шкурой агнца спрятав дух злодея
С кремницей лично
Переговорить,
И в душу её дверь... искусно отворить!
Я верил – чудо я сумею сотворить,
Ведь я учёный был безмерно одарённый,
Мой ум острее был иголки раскалённой.

Итак, я снизошёл в узилище глухое,
Из света блага я низринулся в плохое;
Меня начальник стражи сам провёл с почётом —
Я ж был известным мудрецом и звездочётом,
И цели достигал не кровью и не потом;
Но к ней войдя, я весь встопорщился спесиво:
Она была... ужасно некрасива!

Мы с ангелами внешне, в общем, схожи,
Но ненавистны нам отвратные их рожи;
Мы лучезарны и пленительны на вид,
Об их же виде только ругань говорит:
Ну, будто облик их помоями облит!
Воистину, они – пародия на нас...
Но почему они сильны
И так опасны?!

Я сразу ей открыто заявил,
Что тайн выведывать отнюдь я не желаю:
Я, мол, научным интересом к ней пылаю...
Как друг себя я узице явил,
И – странно – но молчальница немая
Прислушалась, речам моим внимая...

Я долго красноречием сверкал:

Я льстил, я врал, я хвастал, намекал...
И обещал ей без зазрения того,
Чего уж не было во мне давным-давно...
Она ж в конце концов сказала мне одно:
«Ты, демон, верно полагаешь,
Что ты богат без меры и без края?
О, Дивьявор, ты ведь того не знаешь,
Что без любви твоя душа – нагая!»

Когда я в свой чертог от мымры возвращался,
Сперва я дико хохотал,
А после очень возмущался.
Мне, мудрецу, какая-то там падаль
Собралась ещё мораль свою читать!
Как будто я могу чего-то там не знать!
Любовь, любовь! – бессовестный обман!
Сгущённой страсти то дурманящий туман!

Я ночь провёл без сна —
Болела голова.
Меня задели ведьмины слова,
Да даже не слова, а тон
И отношеньё...
Я смутно чуял приближенье поражения;
В горячке мыслей я искал опроверженья —
И находил...
В том не было труда!
Но яд сомненья для мыслителя – беда.

Лишь утро на дворе – а я опять в тюрьме.
Врагиню сокрушить так не терпелось мне!
Я к ней вошёл – и удивился несказанно:
Такой уродиною она уж не казалась!
Я то увидел, что я ранее презрел:
В ней дивного огня я лучики узрел!
И весь мой пыл, накопленный от бденья,
Я растерял пред ней в одно мгновенье.

Нет, словоблудие меня не подвело:
Оно словес сугробы намело...
Я растекался белкою по древу,
Она ж молчала, слушала, смотрела,
И лишь под вечер мне по-ангельски пропела:
«О Дивьявор – ты грозен и велик!
Но духом ты... почувствовал тупик;
Лишь два пути имеешь ты отныне:
Покаяться —
Иль сгнуть в своей гордыне!»

О, как был зол я, то услышав от ангелы!
Освирепел я и как бешеный взревел я!
Её возненавидел я безумно —
Ведь мыслить я не мог ещё разумно;
И я сказал:
«Ты будешь казнена!
Отсрочка казни – мной отменена!»

Мрачнее тучи я оттуда уходил,
Покинуть я узилище спешил,
И чувствовал себя разбитым в пух и прах;
Мне захотелось выпить нашей браги...
Я проиграл,
Позорно проиграл!
Ведь правоту её... я где-то признавал...

Напился вдрызг я
И забылся,
Одурел...
Через дым иллюзии
На мир теперь глядел...
Я развлекался,
Куролесил,
Пел,
Вопил...
И вроде всё плохое
Позабыл...

Но вот, когда я в том угаре отрывался,
Со мною главный стражник вдруг связался,
И спросил:
Как с пленницей быть?
Она нужна мне —
Или можно уж казнить?

Как будто меня в прорубь окунули!
Слова тюремщика в реал меня вернули;
Я удивился:
Как – она жива?!
Приказ казнить её я ж вроде отдавал...
Я неожиданно в пиру том заскучал.
«Казнить не надо! —
Строго я сказал —
Она нужна мне.
Она очень мне нужна!»

Туда помчался я тотчас,
Хоть был поддатый,
Моя башка набита была ватой;

Я в камеру ввалился горделиво,
И что я вижу!
Ангел!
Что за диво!
Она была прекрасна, как заря!
Как словно молния сразила вдруг меня!

«О, здравствуй, здравствуй,
Нежное создание! —
Убитый наповал, я узнице сказал —
Я в яви нахожусь
Иль в навьем чарованьи?
Быть может, спяну подвели меня глаза?
Иль это призрак твой рассеянный сияет,
Души погибшей отблеск колдовской?
Иль я с ума сошёл, и бред меня смущает?
Прошу тебя —
Ты правду мне открой!»

И светом дивным мрак противный озаряя,
Мне так ответила ангела дорогая:
«О, Дивьявор, несчастный мой повеса,
С очей твоих упала то завеса.
Ты словно вышел на простор из чащи леса...
Так внемли, демон, мне:
На краткий миг ты удостоен пробужденья —
То брызжет свет седьмого измерения!..»

Как передать, что я испытывал тогда?
В одно мгновение вместились года!
В пустыню холода ворвалась сказка лета!
В подвалах душных возгорелся факел света!
Оскал судьбы предстал улыбкою привета!
И я вдруг понял, чётко осознал:
Что мир мой узок,
Что в провале я летал...

Так, для акулы – бесконечен океан,
Для чайки вольной – небо голубое,
Но ведь ошибочно понятие такое:
У неба – есть земля,
У моря – берега.
Мне вдруг открылось потрясающее знание:
Мы не орлы —
Мы жалкие кроты,
И наши души —
Полны темноты.

Увы, недолго восхищенье продолжалось:

Всё вдруг померкло,
Сузилось,
И сжалось...
Узрел я снова мрачность плотных шор,
Лишь в памяти ещё едва сиял простор...
И осознание созрело:
Я лишь вор!
Свою карьеру я отныне погубил,
Её же страстно,
Безоглядно полюбил.

Я словно парусник, приткнулся у причала;
Для всех – я вражью душу изучал,
Но в самом деле – я с ангелюю общался;
Я в её поле притягательном купался,
И наконец —
Признался ей в любви!
Я ей сказал: «Душа моя —
Я влип!»

О, сколь великая любовь во мне бурлила!
Она была чиста!
Мне всё в ней было мило!
Любая чёрточка,
Привычка,
Мелочь,
Блажь...
И ангельская непокорность её даже...
А к прочим всем —
Душой я охладел,
Внушать брезгливость
Был отныне их удел;
И наши жадные и ветреные крали
Меня прельщать вдруг совершенно перестали.

Я ей открылся весь,
Она ж лишь улыбалась;
Мне эта вежливость любовью показалась;
Готовился я счастье обрести
Вдали от всех,
За тридевять галактик...
Я бросил клич:
«О, милая моя!
Мы убежим в далёкие края! Там будем только мы:
Лишь ты и я!
Мы сотворим с тобою совершенство,
И вкусим вечное, отдельное блаженство!»

Я ждал ответа, нетерпением горя,

Я был как будто пламенем объят,
Да и внутри душа моя горела,
Столь страстно ждал ответа я ангелы...
Она вдруг как-то странно посмотрела,
И молвила:
«Я не люблю тебя...
И мысли о свободе не лелею...
О, Дивьявор – я лишь тебя жалею!»

Сильней удара я не знал вовек!
Весь мира свет вокруг меня померк;
Я прочь ушёл...
Я даже не ответил...
Кричали что-то мне —
Я криков не заметил;
Мой ум был помрачён,
Он тёмн стал, не светел...
Я между нами пропасть вдруг узрел,
И в пропасть ту – я ныне полетел...

Но тем не кончились мои ужасные печали:
Как видно, на меня владыке настучали;
Я вызван был,
Облаян,
Проучён,
И от ангелы царской волей отлучён.

Но это только часть,
Ещё не всё...
Мне Величайший непреклонно сообщил,
Чтоб казнь любимой... сам я совершил!

Что пережил я в ночь ту роковую,
Не пожелал бы испытать я и врагу!
Судьба велела мне на что-нибудь решиться,
Я отступить не мог,
Не мог и уклониться...
Мои метанья длились до зари:
Я сделал выбор, дух мой вдруг окреп,
С него сорвал я паутину скреп!

Под утро самое в темницу я пробрался,
Я чарами со стражей разобрался,
И в камеру к ангеле я вступил;
Я ослабел, мне не хватало сил...
«Ты мой палач?» – она меня спросила,
И я ответил: «Нет!!!
Пусть я подлец, мерзавец и урод,
Но я пришёл,

Чтоб дать тебе свободу!»

Я сделал это!!!
Я создал проход!!!
Из мира демонов на ангельское поле...
Она расплакалась, звала меня с собою;
Я отказался... и сказал:
«Я не достоин...
О, моя милая! – добавил горько я —
Твой мир божественный
Отвергнет прочь меня.

Ведь я преступник,
Демон,
Чёрт
И лгун;
Мне надо искупить свою вину...»
Я взял её, рыдая и дрожа,
И обнял крепко,
И решительно отправил,
И часть души я вместе с ней оставил...

Ты хочешь знать, вестимо,
Что было потом?
Быть может, думаешь —
Я в камере остался,
И горделиво завернувшись в тогу,
Я благородно стражников дождался?
О, нет, мой друг – я ж демон, хитрый вор;
Я скрытно прочь ушёл,
Был схвачен,
Отпирался,
И после пыток
В преступлении сознался.

Ну а затем, лишённый всех чинов,
Я сброшен был в болото мироздания;
Сей способ власти ведь отнюдь не нов:
Унизить высшего —
О, что за наказание!
Я должен был протухнуть в прозябанье.
Представь себе – великий воевода
Стал вдруг ничтожным командиром взвода.

Нельзя сказать,
Что я в капкан попался,
В карьерном деле
Был я искущён;
Быть может, вновь

Наверх бы я забрался,
Я б предал всех,
По головам пошёл...
Ужели ум мой щель бы не нашёл?!
Так может было бы,
Да только вот не стало:
Прельщать меня сия дорога перестала,
Ведь мне ангела дивным образом сияла...

И я решил
Уйти на белый свет!
Стан демонов покинуть я надумал;
На разум поменять я вздумал ум;
Я разлюбил своё большое ЭГО.
Но, друг, увы —
Я глупо просчитался,
И в лапы к чёрту этому попался,
И если бы не ты,
Я здесь бы и погиб...
Ты спас меня!
Спасибо, дивный витязь!

Глава 11. Как балда Ваня в навьем обмане гулеванил

«Опа! Кажись приехали...» – отплёвываясь от песка, Ванюха скумекал. Открывает он глаза, смотрит – а он на краю гигантского склона находится; сплошной впереди был песок, а внизу то ли пропасть чернела глубокая, то ли в узком ущелье река. А за пропастью той, в немалом отдалении, похоже, лес зелёный виднелся.

Но не это главным тутошним удивлением было – эка невидаль: пропасти да леса! А то было странным, что над головою у Явана светило оказалось нежданно-негаданно, багрово-красное да пышущее жаром. И почувствовал себя Ваня словно на полке в бане – упарился он враз. «Эх, счас бы квасу! – он размечтался. – А я даже воды с собой не захватил».

Ну да ладно. Ванька не дюже и досадует. Надо будет, смекает он, к реке спуститься – авось да удастся там напиться...

И потопапал он по сыпучему склону к той пропасти. А песок у него под ногами жёлтый-прежёлтый. И горячий же какой! Сначала ему трудно пришлось, покуда босые ноги к жару не привыкли, а потом ничё, малёхи пообвык. Правда, семь потов с него сошло, пока он к пропасти шёл.

Наконец Ваня до цели добрался, вниз поглядел – э-э! – какая там ещё река! Бездна там оказалась глубокая, дна прямо не видать, одна чернота. Не сказать, правда, чтоб очень широкая была эта пропасть, но и не узкая, – через не перескочишь.

А тут поглядел Ваня налево – что за наваждение! – никак натянута над бездною вервь? А на той стороне избушка стоит на курьих ножках, за канатом тем аккурат. Яваха бегом туда... Прибегает и удостоверяется: вервица натянута струною, и избуха стоит за пропастью. Да так-то стоит неудачно: к лесу далёкому передом, а к близкому Явану задом.

«Н-да... – почесал репу Ваня. – Как ни крути, а надобно идти... По канату по этому... Другого пути, видно, нету...» Палицу на плечи он положил и на канатище сторожко ступил. Канат-то крепкий был собою и натянутый хорошо. Вот по нему Ванёк и пошёл. Идёт, значит, босыми ногами вперёд елозит и всякие мысли в башке морозит. И то верно – в голове слабину дашь, не так ступишь – да в тартарары и ухнешь...

Приноровился Ваня канатоходцем быть, уже вполне уверенно вперёд он скользил, а тут вдруг возьми и посмотри вниз-то. И аж перед глазами у него всё закружилось! В ужас витязь пришёл от вида страшной бездны, под ним разверзтой. И чуть было туда он не упал, да всё ж извернулся каким-то чудом, а ежели бы ещё чуть-чуть – комар, к примеру, на плечо ему сел бы, – то уж непременно в ничто это он полетел бы...

Устоял всё же витязь! Потом ледяным лишь облился. И далее без промедления двинулся. Дошёл кое-как до того берега, а ходу-то дальше нету – избуха собой загродила. Хоть бери её и спихивай...

Вскричал тогда Ванька голосом молодецким:

– Эй, избушка-избушка, встань-ка ты к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка со скрипом корзиным и повернулась. Глядит Ваня – двери в стене отворяются, и лесенка деревянная до самого каната спускается. Яваха иных приглашений ждать не стал и быстренько по лесенке той взобрался. Низко затем он наклоняется, внутрь ступает, спину разгибает, – и кого же в избухе зрит? Старуха там страшная возле печки сидит. Ваньша даже опешил малость, ведь старуха была той самой, которая вином у Смородины его угощала.

«Ох, – думает он, – от сей кикиморы добра не жди. Надо ухо держать остро, а то неровён час, отравую ещё напоит...»

А сам вслух ей и говорит:

– Здорово, бабуся! Поравита! Как, чёртова кочерыжка, живёшь-можешь? Кого пасёшь тут да сторбжишь? Случаем, не меня ли?

Та же хитро усмехается да ему отвечает:

– Здравствуй и ты, Яван-богатырь! Не чаяла я здесь тебя увидеть, сюда расейского духу и ворон не заносил, а вот подишь ты – этот самый дух сюды явился, не запылится.

– Не шибко вежливо ты гостей привечаешь, – тоже усмехаясь, замечает Ваня. – Как это я не запылится, не видишь разве – я ж весь жёлтый от песку вашего! Ты бы лучше, чем дивиться, баньку мне истопила бы, апосля чего и перекусить не грех было бы... Да сначала водицы испить мне дай, а то сильно я жажду!

Ведьма старая после слов сих Явановых приветно заулыбалася, а потом с места своего она подхватывается, кружку воды с бадьи черпает и Ване её подаёт.

– На, пей, – говорит, – милочек!

Тот кружищу берёт безбоязненно, её опорожняет, крикает, вторую просит, и её выпивает да и от третьей не отказывается и осушает её до капли.

– Спаси Бог! – старуху Ванёк благодарит и губы кулаком вытирает.

А та богатыря на лавочку присесть приглашает.

Яван что ж, сел, ногу на ногу положил, а старушка пальцы в рот заложила да как свистнет пронзительно. И откуда ни возмись, – из самого воздуха, кажись, – а появились пред ними трое карликов проворных, для разных служб сотворённых.

– Что, – вопрошают, – хозяйка, надобно?

И карга им даёт наказ: баню истопить враз, да пирогов и молока с белого света сюда доставить! И не успел Ванюха и дух перевести, а уж всё-то было исполнено: банька вытоплена, пироги на столе выложены, да молока кувшин там же выставлен.

Обслуживание, прямо сказать, оказалось недюжинное.

Ух и на славу Ваня в баньке попарился! Чудесные карлики в банях толк знали: хорошо вытопили её, заразы – жарче, чем в пекле, в ней было в два раза! Ваня не спеша поры себе прочистил, тело мочалкой оттер, бока пропарил, мышцы распарил, а после пот с себя смыл, водою окатился, – и как заново народился. Вытирается он, одевается и в избушку возвращается. А тама хозяйка гостенька дожидается – столик-то накрыт.

– Э-э, не-ет! – Яван головою качает. – Я ваше адское гостеприимство зна-а-ю. Чего выпьешь сдуру, али съешь, потом сам не рад будешь. Спробуй-ка сама, бабуся, а уж после и я присоединюсь!

Та лишь плечами пожала, а потом хватъ пирожок, да живёхонько его и счавкала. А затем и молока кружищу шибанула, и глазом-то не моргнула.

– Лады, – говорит Ваня, – ужо и я поснедаю, твоего угощения поотведаю.

И как почал он пирожки за обе щеки уплетать, так в скором времени все их и съел, а молоко выпил. Поблагодарил он старуху, сидит, икает, а она поднимается и постель ему стелит-взбивает. «Спать-почивать, – говорит, – пора».

– Да ведь ярило ваше вроде высоко ещё? – удивляется Яван. – Куда ж спать-то?!

– А ты не смотри, что светило в зените, – карга ему говорит, – оно у нас всегда там. Устроено так. Говорю тебе – вечер уже. Сейчас стемнеет...

Вышел Ваня наружу, глядь – и впрямь не жарко. Постоял он, постоял, воздухом свежим подышал, а за то время светило адское тёмным стало и светить перестало. «Во здесь как!» – дивится Ванька. И в избуху возвращается, где его хозяйка ждала.

– Послушай, бабуся, – спрашивает её Ваньша, – а как тебя звать-величать? А то неудобно к старому человеку без имени обращаться.

Ощерилась карга, зыркнула на гостя бездонными своими глазами и так Ване отвечала:

– Зовут меня, милочек, по-разному, где как... В данном же образе можешь меня бабкой Навихой называть.

– Так ты, бабка Навиха, выходит, обманной нави служительница, ага?

– Ха, служительница! А может, я сама навь-то и есть? Её ипостась...

– Тогда мы с тобой не поладим! Может, и я ипостасью яви являюсь, коль Яваном называюсь. Так что мы с тобой противники – уж извини!

Старуха же опять улыбается – весело так – и тож заявляет:

– Ты, Вань, меня плохо знаешь. Вовсе я не противница твоей яви. Если хочешь знать, то мне без неё нету и жизни, потому что я связана с нею неразрывно.

– Ну да, связана, – восклицает на то Ваня, – как клещ с собакой! Только не забывай, что собака без клеща проживёт, а вот клещ без собаки... вряд ли!

– Ошибаешься, Яван, ох как ошибаешься! – сузила глаза Навиха. – По прави твоей скоро никто не будет жить – я к тому руку уже приложила. Хватит людям на уши лапшу вешать. Дай им добро, кое в руку можно ухватить да лад от него получить. Ежели в брюхе бурлит кусок – то это и хорошо. А то повывдумывали брехню сладкую: правь, правь... Тьфу! Дрянь! Пакость!

Яван тогда с ответом помедлил, посуровел весь, только зенки у него чуток расширились, а потом и говорит:

– Правь, Навиха, только к лучшему из злого ведёт – к полной истинной цельности, к вечному благу покою, да к единству множества, спаянному любовью! Лишь она существ из коловращения времени выводит и рождает в душах надежду. По прави учению, в мире и пылинки лишней нету, и рано или поздно, но и тебе это признать придётся, уж будь покойна...

– Да, кстати, Навиха, – он добавил, – ты себя сутью мнишь мировой, а на самом деле ты обыкновенное существо – невольница навья, и от долгого с ней общения у тебя все изъяны обозначены на лице. Глянь-ка на себя в зеркало – сама всё увидишь!

Ох и озлилась тут карга старая – аж зелёною на харю она стала!

– Что, красавец – не нравлюсь?! – взвизгнула она. – А как же твой постулат, что всё в мире любить надо?! Любо-о-овь, любо-о-овь... Сам-то вон всё борешься да бьёшься – скольких уже, милоч, угробил! Где любовь-то твоя, а?!

– Эх, куда тебя занесло-то... Я, бабка, не святоша, чай, любовидно гундявящий, а на зло глаза закрывающий. Я – яви защитник, богатырь! А явь, между прочим, есть арена борьбы – с навью твоей обожаемой, да с отступниками от веды Ра. Так что не могу я чертей заблудших любить. Ведь бешеной собаке дубиной по башке надо дать, а не в нос её целовать! Так-то!

– Ладно, ладно, усилок праведный, – проскрипела загадочно Навиха. – Поглядим, каков ты силач супротив прелести навьей... Значит, внешность моя тебе не по нраву? – добавила она. – А знаешь ли ты, что я любое обличье могу принять, даже и раскрасавицы?

– А-а! – отмахнулся Яван. – Меня этим не обманешь... Да и вообще, – добавил он, зевая, – я хочу спать. Утро вечера мудренее, ага...

Заснул Яваха на постели пуховой без задних ног и продрых там всю-то ночку. И до того ему спать было сладко – ну как младенцу в коляске.

Наконец просыпается он, глаза открывает, глядит – а уж адское светило всё вокруг осветило. И кашей гречневой пахнет невыразимо. Поворачивает Ваня голову в сторону стола и – вот те на! – на стульчике возле окна женщина молодая восседает, даже девушка – красоты прямо несказанной. Попервогляду всё в ней было на загляденье и очень ладное: рост не большой и не малый, фигура статная и гибкая, а по плечам – волос золотых распущена грива. Повернула красавица к богатырю личико своё улыбочное, любезно на него глянула, и у того от взгляда её ласкового аж жар внутри занялся. Глазищи у крали были большущие, зелёные – точно нарисованные, носик аккуратный – точно выточенный, а губки алые пухлыми оказались и по форме совершенными, будто лучшим ваятелем лепленные.

– Кто ты, краса ненаглядная? – спрашивает Ваня её, с духом собравшись.

– Я – Навьяна! – ответила дева голосом распевным. – Хозяйка здешних мест. Ну а ты – Яван Говяда, великий человек. Здравствуй, Яванушка! Милости прошу к моему шалашу!

– Отвернись-ка, красав, оденусь я, – пробормотал, краснея, Яван.

Девушка премило улыбнулась и к окошку отвернулась, а Ванька с постели-то прыг, шкуру львиную – хват! – мигом оделся и на лавке уселся.

– Врёшь, ведьма окаянная! – вскричал он яро и пальцем на девушку указал. – Ты – Навиха, вредная старуха, в красу неземную обернувшись! Сама же вчера говорила, что такое сделать можешь. Э, нет, – меня не проведёшь!

И тут – скрип! – дверца в избуху открывается, и с охапкою дров Навиха там появляется.

– Доброго тебе, Яван, утречка! – ему она желает. – Гляжу, ты уже познакомился с моей внучкой.

Дрова возле печки она на пол свалила и говорит ему укоризненно:

– Э-эх, богатырь, голова, два глаза! Сам ведь намеренно сказывал, что не обманешь, мол, тебя, а то, что Навьяна – это не я, не распознал... Ну да ладно, – ухмыляясь, добавила она, – вы тут воркуйте, а мне недосуг: ждут меня дела, кои как сажа бела. Хе-хе! Прощевай давай, яви витязь... хм! авось, может, и свидимся...

И только – чпок! – исчезла с виду, как будто в воздухе растворилась.

– Пошли, Ванюша, умоешься, – молвила Навьяна голосом бархатным. – С утра-то умыться – на весь день взбодриться!

И полотенце расшитое берёт да во дворик Явана ведёт. А там криница была с чистой водой. Вот красавица, улыбаясь, Ване на руки и на шею воды полила, и он торс да лицо себе умыл. Вытерся затем полотенцем цветастым, а деваха его в избушку уже приглашает и завтраком угощает. Покушал Яван и чувствует – наполнился он прежней силой: ничего-то у него не болит, не ноет, не саднит да не ломит... Как новенький он вдруг стал, а в голове сделалась ясность.

– Слушай, Навьяна, – поблагодарив за завтрак, обратился Яван к молодой хозяйке, – ты, видно, как и бабка твоя, ловка на всякие обманки. Ты и меня, конечно, желаешь к нави приваждать, да только не выйдет у тебя эта хрень. Ей-ей – пустая затея.

А Навьяна в ответ как рассмеётся: носик задрала, зубками засверкала, и вибрациями своего веселья опьянила Ваню почище любого зелья. Ничего не скажешь – чертовски привлекательная она была девка. И то – ведьма ведь.

– Да, Яван, – перестав смеяться, но не внутренне ликовать, сказала она. – Буду с тобой откровенна: желаю я непременно прелести великой любви тебе показать. Я ведь в чертогах навных за любовь да за благо отвечаю и много чего доброго слугам нави даю. И тебе, Яванушка, хорошо будет – очень, очень хорошо, ручаюсь!

Ванька же носюру себе ногтём почесал, губу пожевал, посмотрел, прищурившись, на жизнерадостную хозяйку, да её и спрашивает:

– Там видно будет... Время покажет... А вот скажи, Навьяна – кто та девушка чернявая, которая под видом рыцаря со мною сражалась? У реки у Смороды, где наехали на нас те уроды?

Внимательно Навьяна на собеседника своего посмотрела, словно изучая его, а затем молвила:

– Борьяна то была, Ваня, Чёрного Царя дочка.

Яваха после сего известия на ногах даже не усидел. Вскочил он с места, и глаза его от волнения аж загорелись.

– Точно! – вскричал он голосом мощным. – Всё сходится! Сама судьба нас свела! Ох и славно получилось, что я её не прибил! Удрала, значит, краля – выходит, живая она?

– Эх! – заявила ревниво Навьяна. – Вижу, втюрился ты в неё, парень. Да только зря – не по тебе она, Ваня, Борьяна-то. Чокнутая она зазнайка. Во как она в пекле уже всех достала!

И она себе повыше головы ребром ладошки провела.

А потом заметила презрительно:

– К власти она привыкла безграничной, ага.

Яван молчал.

– Папаша ейный с другими крут донельзя, а её балует, – голос Навьянин точно любовь-то не выражал. – За нею весь цвет пекельной знати увивается и руки её добивается, но Борьянка всем отказывает. Любви, Вань, она не знает.

А Яван и слушать её не желает и решительно собираться начинает: котомку свою ищет да палицу приглядывает.

То наблюдая, аж растерялась сначала Навьяна; вскочила она с лавочки, руки холёные к груди прижала и чуть ли даже не запричитала:

– Куда ты, Ванечка, погоди! До Пекельного города путь ведь неблизкий. А ежели хочешь знать, я тебя туда в один миг могу доставить, и глазом не успеешь моргнуть... Ну, не спеши, пожалуйста, Ваня! Денёк-другой у меня побудь – гостем желанным для меня будешь. Прошу!

Подумал-подумал Яван: а и в самом деле, куда бежать-то, голову сломя?

– Ладно, – Навьяне он отвечает. – Остаюсь, так и быть... Уговорила... Только знай – не более чем на три дня!

Обрадовалась Навьяна непередаваемо – аж засияла вся; золотыми власами она тряхнула, очами изумрудными сверкнула и объявляет весело:

– Правильно, Яванушка, не пожалеешь! Ты заботами себя не грузи – думай о позитивном, а я такие условия тебе создам – ну, обалдеешь прямо!

Ещё шире чаровница преумная глазищи свои прекрасные распахнула, брови тонкие изогнула гибкими луками и зашептала что-то ротиком фигурным. Да так-то посмотрела Явану в очи, что он оторваться от них не сыскал мочи... Видно было, что Навьяна заклинания какие-то творит, но Яван ничего не слышал, будто заложило ему уши: смотрел он на неё, словно не слушая...

И тут вдруг такая музыка расчудесная заиграла, такая музыка! Ангельские прямо звуки, дух завораживающие и душу будоражащие. Гармония живая да и только... И ахнуть наш Ваня не успел даже, как в один миг всё вокруг преобразилось сказочно. Не стало вдруг тесной избушки, а появился на её месте величественный дворец, изумительный и прелестный. Стены в чудесном том тереме камнями светились самоцветными, да не абы как они там были прилеплены, а виды дивные изображали, кои восхищали собою и поражали. Потолок вверху был вроде неба ночного со звёзд частых весёлыми хороводами, а посередке его месяц светлый покоился гордо... Пол же под ногами совершенно сделался прозрачным, словно из чистейшего сотворён был стекла, и внизу рыбищи удивительные плавали, и великолепные растения плавно качались. И всё это убранство красками сочными играло-переливалось да изнутри маняще мерцало. И вдобавок ко всему ветерок подул вдруг ласковый, струясь по коже Явановой воздухом ароматным. И до того спокойно и безмятежно сделалось у Вани на душе, что ни в сказке сказать, ни пером описать: точно сгущённая радость на душу его легла.

Огляделся вокруг богатырь очумелый, глянул на потолок сказочный, на пол волшебный да на чудо-стены, и восхитился он явно зрелищем чародейным. А потом на хозяйшку ласковую Ваня взор перевёл, – и в ещё большем замер восхищении непритворном. И ранее Навьяна красавицей редкостной ему казалась, а тут похорошела она прямо стократ. Златые власа её живым огнём заиграли да в причёску причудливую собрались, премилое личико украсилось красками роскошными да усыпалось блёстками всевозможными, в маленьких ушках появились алмазные серёжки, а во лбу диадема точно солнце засияла, да ожерелье вычурное на шее ворохом бликов взорвалось... А платье-то, платье! Из тончайшей материи сотворённое, огнём зелёным искрясь и переливаясь, оно словно бы облегало совершенный Навьянин стан, едва заметно полоскаясь от лёгкого дыхания нежного ветерка.

Смотрит младая чаровница на огорошенного витязя взором лучистым и улыбается ему премило. А он в свой черёд на неё пялится и в улыбке дурацкой скалится. Во все глаза Яван на кралю глядит – а наглядеться не может. Хороша!.. Чертовски хороша, прелестница этакая – ну чисто само совершенство, ни убавить тебе чего, ни прибавить. Волшебная прямо красота!

Звонко в ладоши Навьяна тут хлопнула, и появилась там стайка девушек молодых, служанок, очевидно. Тоже все собою красавицы писанные да девахи клёвые, хотя до хозяйки, конечно, им было далеко. В ту же минуту и музыка переменялась на другую, не такая завораживающая и загадочная она стала, а дурманящую сделала и полною сладкой неги. Девушки те лепые к Явану подходят, точно белы лебеди к нему подплывают, за белы рученьки удалца берут и в соседнее помещение его ведут. А там всё плитами светящимися было выложено, а посредине бассейн находился просторный, светло-зелёной жидкостью наполненный, на масло похожей, а у стены стояло гладкое большое ложе.

От всего этого видопреставления Ванюха как бы в одурении пребывал, или, может быть, музыка на него так повлияла, а скорее всего, это его волшебница Навьяна околдовала. Без всякого сопротивления позволил он служительницам себя раздеть, после чего они его к бассейну подвели и в него окунули со смехом. Погрузился Яваха в эту ванну, а жидкость в ней была точно живая: начала она сама собой мешаться, крутиться да пузырями воздушными булькочиться... Непередаваемо то было для Ваниной кожи, ибо жидкость действительно на масло тёплое оказалась похожа.

А аромат-то какой от неё распространился!

Заторчал там Ваня по полной программе. Ощущений его было не передать – сплошное благоухание! Словно огонь у парня по жилушкам побежал, а по телу заструились некие токи, – да такие бодрые, что силушка его молодецкая в момент удвоилась, если не утроилась.

Вот лежит он в маслице волшебном, полёживается, слегонца эдак бултыхается, – балдеет натурально, а девицы, чтоб он не скучал, завели разговор с ним умело: смеются, шутят, болтают о всякой лабуде, а кто-то из них песенку забавную вдруг запел, а остальные ей подпели:

Те ещё затейницы оказались. А потом ещё и плясать они стали перед Ванькиными очами: и поодиночке, и парами, и все вместе завертелись плясовицы ладные под музыку зажигательную. Ну а мастерство они показали просто невероятное.

Клёвые, короче, были крали.

Полежал Ваньша в ванне ещё с полчаса, до полной кондиции поумаслился, а тут и звончек милозвучно вдруг зазвучал. Жидкость масляная в отверстие образовавшееся медленно утекла, и чует Ваня, как сила неведомая на воздух его вознесла, а потом бережно понесла к ложу гладкому и плавненько на него опустила. И что, он думает, за странная такая сила?..

А девицы-прислужницы в ту же минуту со смехом к нему подступают и всё тело его молодецкое нежными ручками гладят да растирают. А сами-то ржут, прямо ухохатываются, весёлыми такими, довольными стали. Ваньке на душеньку будто полили бальзамом – до того ему отраднo сделалось, что и не передать. Дивная чудесная истома овладела им полностью, такая комбинация невероятная из ощущений приятных.

Что случилось потом, Яван слабо запомнил: словно в омут страсти неземной он ухнул, а когда наконец очухался, то видит, – посиживает он в беседке уютной, в креслице удобнейшем развалиясь, а у него над головой роза прекрасная густо переплелась, соцветия которой чарующий запах вокруг источали; а в ветвях птички цветистые резво скакали и своими трелями слух Ванюхин улаждали.

Глянул Яван на себя – а он в изумительный халат одет, голубыми огнями струящийся, и обут в сандалии мягчайшие. Настроение у него было превосходное, игривое, и все чувства до предела оказались изошрены: нюх сделался как у пса, глаз как у орла, а уши кошачьим, наверное, фору бы дали. А его кожные покровы, казалось, во сто раз чётче прикосновения ощущали.

Сие новое чувствознание даже приятным нельзя было назвать – оно было обворожительным, и градус удовольствия, им предоставленный, мнился головокружительным. Всё же окружающее пространство играло в Ванином восприятии дотолe невидимыми красками и тепло-

выми излучениями, а также сиянием энергетических наполнений всех растений, животных и вещей.

Мир, в общем, пред душою Явановой раскрылся ныне инаково.

Только вот с памятью его что-то было не так. Точно она у него отказала. Ну ничего не хотела голова его припоминать, и как-то это казалось странным... Головушка его бедовая одного лишь желала страстно: в балде пребывать, от забот отрываться, в неге торчать и кайфу предаваться. А о будущем даже мыслишка в башку садовую не проскальзывала. Только настоящее всё внимание его привлекало, – только чудесное настоящее!

Послышались вдруг мягкие шаги, и чуткий носяра Яванов уловил ещё издали аромат Навьяны: бодрящий, возбуждающий, манящий, дурманящий, пряный и непередаваемый...

А вот и она сама появляется – как полная луна в ночи бархатной. Одетая красавица была легко, в какую-то блестящую накидочку, пояском золотистым перетянутою на талии, и тоже, как и Яван, обута она была в сандалиии. Но не одеянию богатому удивился больше всего Ваня, а облику её изменившемуся, перемене предивной, в деве произошедшей. Волосы теперь стали у неё белые, уложенные на голове роскошной копной, а глаза – голубые-голубые, как небо бездонное. И кожа у юной крали стала светлее явно, так что, если бы не запах, по которому Яваха безошибочно теперь её определял, то может быть, он Навьяну и не узнал бы.

– Ну, как тебе у меня отдыхается, свет Яванушка? – спросила она его. – Привольно ли, али, может, ты чем недоволен?

– Здорово! – неpritворно воскликнул Яваха и палец большой милахе показал. – Я поражён и сражён, Навьяна! Ну нету просто слов!.. Каким образом устроить сие возможно? Могучее волшебство это, видать...

– Ум – главное волшебство, Ваня! – улыбнулась чародейка загадочно. – Если по уму стараться жить, то и не так ещё можно себя ублажить. Всё ведь в наших силах, дорогой, а сил этих у нас – много.

– А сколько тебе лет, Навьяна? – спросил Яван.

– Мне-то? Лет?.. – и она рассмеялась залиvisto и гордо. – Ты бы лучше спросил, сколько миллионов... Мы здесь, может, и не бессмертны, но долговечны, очень долговечны – возможно, и бесконечно...

Яван слушал её, вытаращив глаза – очень уж дивно ему было узнать о Навьянином долголетии.

– И ты, милый Ваня, коли пожелаешь, таким же станешь. Хочешь? – азартно предложила хозяйка навная.

– Нет, – ответил Яван, головою покачав. – Не может вечно существовать то, что неистинно и неполно. А коли нету в чём-то истинности и полноты – то и нерушимости цельной нету.

– Что есть, по-твоему, истина, витязь? – с усмешкой нескромной спросила чаровница.

Посмотрел на неё Яванушка и улыбнулся этак загадочно.

– Тебе, – молвил он, – скажу, потому что вижу – ты об этом не думала. По прави учению, истина есть Божественное установление, которое никто не только обойти не может, но даже и не хочет!

– А-а... – протянула Навьяна слегка насмешливо. – Что-то не встречалась я с установлениями этакими...

– И не удивительно! – воскликнул Яван. – У вас тут неистинное, наверное, всё! Призрачное оно, обманное и ненастоящее.

Навьяна же, то услышав, протестующе головой замотала и рукой пред собой замахала.

– Ну, уж нетушки! – произнесла она страстно. – Не согласна! Любовь у нас, Ваня, самая что ни есть настоящая! Доказать?..

– Как это? – удивился Яван.

– А вот видишь кубок с напитком розовым? Это напиток любовной грёзы. Кто его отве-
дает – тот великую любовь станет ведать. Выпей, Ваня, и почувствуй то, что и помыслить ранее
не мог. Да-да! А потом уж и рассуждай...

Посмотрел Яван, куда Навьяна ему указала, а там на столике, среди плодов спелых, кубок
стоял рубиновоцветный, весь мерцающий, а в нём жидкость была налита розоватая и искря-
щаяся.

– Выпить? Это можно, – замялся Ваня. – Да только...

– С нами надо осторожно? – dokonчила за него Навьяна и заразительно рассмеялась. –
Али могучий богатырь отравы опасается? Ха-ха-ха! Не бойсь, витязь – я на Ловеяровы штучки
не горазда. Хочешь – я сама отопью?

И взяв кубок тонкими пальцами, она, улыбаясь, поднесла его к губам алым, не спеша
выпила почти половину, а затем Явану сосуд передала.

– На, Вань, пей! – воскликнула весело затейница. – Пей и балдей!

Принял Яваха кубок не дюже решительно, поднёс его к носу, понюхал – запах был вос-
хитительный! – да и выпил всё содержимое до капли, до доньшка посудину осушил. И такой-
то вкус чудный у зелья любовного оказался – ну не передать! И вроде сладкий он был, пре-
сладкий, и в придачу с горчинкой, и с кислинкой, и ещё были оттенки какие-то тонкие. Ну,
прелесть просто!

В общем, выпил Яван напиток тот сказочный – и изменился он враз.

Нет, с одной-то стороны он как будто тем же остался, кем и был, а с другой – стал совсем-
то иным. Что, думает он, за диво со мною такое?! И наяву ли всё происходит, али, может,
грезится ему перемена эта необыкновенная?... Да-а! То ли с глаз его упала некая пелена, то ли
наоборот – очки розовые наделись ему на глаза? Ничегошеньки Ваня не понимает...

Чудеса, дивные чудеса!

И начало тут у оторопелого Явана сердце ретивое разгоратися-битися, и скоро почув-
ствовал он в нём такую любовь великую, о коей ранее и помыслить не осмеливался. Словно бы
жар любовный внутри у него загорелся и пламенем неугасимым запылал. Всё-то Явану вдруг
любо стало, ну всё-превсё, что только ни попадись ему на глаза, да о чём только ни подумай...
Возлюбил он крепко дворец сей изящный, возлюбил небо над головою со звёздами частыми,
птичек полюбил роскошных, поющих в кустах сладкоголосо, и сами кусты и цветы умильно
Ваня полюбил... И людей возлюбил Яванушка, и до того пылко, с таковою небывалою силою,
что аж дрожь прокатилась по телу его могучему.

А какие в Навьянином дворце люди? Да и люди ли они?... У Явана о том и мысли нету:
ни сомнений каких-либо в голове, ни страха в душе, ни в теле недомоганий...

Одна лишь безбрежная любовь завладела безраздельно Ваней.

Ну а пуще всего на свете возлюбил богатырь наш Навьяну! Мнится ему – ну нету без
красавицы-чародейки ему жизни: одна лишь постылая маята бы наступила, коли бы её на свете
не было. Но она-то есть, ещё как есть-то!

И пошло-поехало... Для Вани, колдовскою любовью охваченного, время да напряжение
совсем исчезли, и всё стало хорошо и здорово, легко и покойно, весело и приятно. Просто
невероятно! Все-то дни напролёт хозяйюшка навная Явана развлекает и забавляет, да умные
разговоры с ним разговаривает: об искусстве высоком они толкуют, о стилях жизни разных, да
о приятных всяких вещах. А игр всяческих и забав у неё в запасе – ну видимо-невидимо ока-
залось! И до того все они были занимательные, что трудно было от них оторваться. От какой-
либо скуки али неудовольствия и облачка тени не осталось в душе у Вани. Веселуха, туды
твою налево, классная! Сплошной, в общем, кайф! Ваняте день-деньской только и занятий,
что игрища всякие посещать да гулянки, и в них деятельное принимать участие... Натура ведь
у нашего воя была бойкая, не привык он стоять в сторонке, потому как скромностью особой
обижен не был и сызмальства заводилою слыл. Акромя того, в танцах всяких Ваня участво-

вал, в музицировании, в песнях да в театральные представления себя он позиционировал. О соревнованиях же атлетических даже и речи не веду: из лучших он там наилучший!.. Да и другие не шибко-то отстают, а кое-кто и вовсе чудеса просто вытворяет и такие штуки выделывает, что фу ты ну ты! Натурально шедевры искусства косяками тут прут: фейерверки везде высоких чувств да свет глубоких мыслей...

Воплощение короче воздушной мечты!

А гостей и всяческих приживальцев в Навьянином чертоге было – туча невероятная. Невесть откуда и появляются, только – фьют! – глядишь, из воздуха буквально какая-нибудь личность и нарисовалась. И так же уходят, то бишь улечиваются – порх! – и их уже нету. Ни тебе коней, ни тебе карет, ни тебе повозок самоходных – воздухоплавание одно лишь сплошное. Чародеи они и есть чародеи: юркие, змеи, народец ушлый...

И что удивительно – ни одного нигде неприятного лица, одёжи невзрачной или нескладной фигуры... Всё сплошь полное благолепие и самый наивысший сорт – элита элит преотборная. И наружность у навных прелестная, и нравы зело лестные, да ещё и изюминка некая у каждого есть, для Явана интересная: кто остроумен невероятно, кто просто умён, а кто и вовсе мудрецом глубочайшим представляется... Все там были высокие, статные, красивые и по большей части молодые, но попадались и старики: представительные такие, чистоглазые, видом здоровые, силу источающие и ни в чём молодым не уступающие... А сколько там было рас всяких и народов: и белые тут, и чёрные, и жёлтые, и золотые, и невесть ещё какие. Яван ранее и помыслить не мог, что бывают такие.

Ну а он сам интерес у всех вызывал всеобщий и неослабевающий, да что там интерес – любовь! – неугасимую и невероятную, и близкую даже к обожанию.

Естественно, у Ванюши душа тоже для любви распахнулась. Со всеми до единого только лад у него да гармония, ни тени раздражения, ни капли малой размолвки. А о какой-нибудь групповщине или ревности вообще и речи не шло.

Ну, праздник просто сплошной!

Так день за днём крылато и пролетали, и Ваня их лёта совсем не замечал. Всё же, что до того с ним было, кажись, подчистую он забыл, лишь иногда что-то неопределённое в душе у него шевелилось, как бы ненадолго этак щемило, да вскоре и успокаивалось, а дни упоительные далее себе неслись, не замедлялись.

И вот однажды прогуливался Ваня по дворцу огромному, от пирушки очередной отдыхая, да и забрёл случайно в глубокий подвал. Дверь была не заперта. Отворил её Яван, глядь – а там мебели старинные громоздятся, картины висят роскошные, да статуи стоят запылённые. Помещение, в общем, на музей похожее. Походил там Ваня, походил и видит – не то палка странная на полу лежит, не то железная какая-то дубина... Ни с того ни с сего любопытство в нём и разыграло. Подошёл он, нагнулся, в руки штуковину эту взял, а палка тяжелой оказалась, – насилу поднял её Яван. Вот повертел он железяку загадочную в руках, её разглядывая, и аж задыхаться стал от её тяжести. А штуковина ещё и нагреваться в придачу начала, чуть уже ладони Ване не прижигала...

Его аж в пот кинуло. Бросил он на пол дубину, и от её падения сильного гул да звон по дворцу раскатились.

Повернул Ванюха к выходу, сам озадаченный такой, смущённый, и уж хотел было прочь уходить, да тут вдруг будто молния в голове у него вспыхнула и всю память спящую озарила. «Ба-а! – воскликнул он на весь подвал. – Да то ж палица моя боевая!» Сызнова Ванька взял в руки свою палицу, повертел её с трудом и подумал с укоризной: «Эх, я ж был и дурак! Как я мог этой штукой лишать других жизни!.. Да-а, неотёсанный я был варвар, – только это меня и извиняет, да и то не до конца».

Отшвырнул он оружие своё в угол и пошёл себе наружу, где компания ждала его дружеская, люди чудесные и прекрасные – чё ему какая-то грубая палица!

Поднялся в залу по лестнице наш повеса, а там гости уже все съехались: толпа нарядных мужчин и женщин собралась, и одного его лишь все дожидаются. Поздоровался Яван с братьями и сёстрами, – были здесь и знакомцы его давние, были и люди новые, – и залюбовался он лицами милыми и модными обновами.

Особливо женщины незнакомые его привлекали – ну обалденные все милаши, одна другой краше! И весёлые такие, жизнью довольные: как говорится, что ни краля, то лада, и каждая лада рада на свой лад.

И вот среди всех этих цветов всевозможных появляется сама Навьяна, как словно роза роскошная среди незабудок полевых. Раскрасавица – чарующе просто дивная, взоры восхищённые притягивающая будто магнитом! На сей раз волосы у неё были каштановые, а глаза карие, да кожа гладкая атласно и весьма смуглявая.

– Эй, друзья! – звонко воскликнула хозяйка. – У меня есть предложение! Давайте сегодня полетаем по загадочной стране! И хоть это далеко, на другой стороне галактики находится, но я всё устрою – домчимся туда враз. Кто за?..

В ответ, само собою – ураган просто восторга. За – все! И Яваха тоже, конечно. Провырнуться куда-либо он обожал с детства, лишь бы на месте не сидеть. А тут – такое дело...

– Только вот переодеться нам не помешает, – объявила деловито Навьяна.

И быстро переделась волшебным образом: сверкающий снизу доверху облачил её комбинезон, фигуру безукоризненно облегающий и формы тела оттеняющий. И в похожие одёжи облачились и все прочие её гости.

Тут Навьяна в ладоши хлопнула, что-то прошептала, и всё вокруг изменилось радикально: исчез куда-то восхитительный их дворец, а появилась зато некая дикая местность. Густой огромнейший лес раскинулся здесь до самого горизонта. Высоченные исполинские деревья в бездонные небеса невообразимо толстыми стволами устремлялись и в самой вышине грандиозными кронами переплетались. На каждом же богатырском стволе своего рода кора была вычурно затейливая, словно некая чешуя на гигантских змеях. А листья, – и большие, и малые, и круглые, и длинные, и фигурные – каких только там не было! И тоже, значит, в свои разнообразные тона разукрашены они были прелестно и светились загадочно в полумраке величавого леса.

Но самое прекрасное, что там было – это, конечно, цветы. Сказочной, нет – несказанной просто красоты! Огромные, фантастические, замечательные, манящий аромат обильно источающие и взоры людские своим дивным светом завораживающие.

Волшебная, потрясающая, изумительная красотища!

Восхитительно прелестнейший уголок!

– Ау, народ – полетели! – призвала Навьяна ликующим голосом. – Вперёд!

И сама руки в стороны раскинула, от земли ногами оттолкнулась и ввысь взлетела, точно в ней и весу никакого не было. Как пуховое пёрышко, ветром возносимое, она воспарила. И Яван тоже, не долго думая, её примеру последовал, словно бы мысль его несла или какая-то сила неведомая. Да и остальные, весело хохоча, уподобились воздушным шарам и повзмывали себе живо в небеса.

Вот, скажу я вам, изумление-то настоящее: люди, как птицы, над землёю парят, да что там – лучше, чем пернатые! Тем крылами махать ведь надо, а людям, выходит, и это было излишне: летишь себе, как дышишь...

Яван с Навьяною за руки взяли и между могучими стволами быстрее ветра понеслись. Летят себе радостно: под ветви раскидистые подныривают, листья-опахала огибают, в пустом пространстве мчатся и в зарослях цветочных кружатся... А дурман-то какой пьянящий от гигантских цветов идёт! Ну, полный улёт!

Прислушался получше Яванушка, а дерева-то меж собою переговариваются да кой-где песни залихватские хором распевают. Вот же право чудеса!

Пролетали они как раз мимо потрясающе громадного дерева-великана, а оно к ним и обращается вдруг запанибрата:

– Эй вы, мотылёчки бескрылые – давай-ка сюды летите! У меня плоды для вас имеются – вкусню-ю-щие-е! Милости прошу отведать! Не пожалеете...

Ваня с Навьяною пируэт головокружительный совершили и на толстенную ветвищу плавненько приветвились. Нашли там местечко поудобнее и только там угнездились, как к ним со всех сторон ветки с плодами склонились.

Сорвал Яван ароматнейший плод, отправил его, не мешкая, в рот – о-о-о! – слаще любого мёду!

Пожевал Ваня угощение сладкое, кашлицу сглотнул, и такая вдруг буйная радость в душу ему шибанула, что ни наврать, ни в сказке сказать. Просто ошеломляющее впечатление! Полнейший кайфище!

Ваньке башню-то и снесло напрочь. Как начал он тут ржать да хохотать, со стороны глянешь – чисто псих ненормальный! Да и Навьяна от милого не отстаёт – тоже вроде малость того... Смеётся она, заливаясь и по полной там отрывается...

А гостеприимный древовидный хозяин песенку им спел бархатным голосом-басом:

Гости слушают песенку, веселятся и рукоплещут от души. А времени будто и вовсе нету, в голове беспечность полнейшая разлилась, так что, сколько они там находились, и сказать-то было нельзя – может час, а может и год...

Да не всё ли равно! Наелись Яван с Навьяною плодов спелых, сказали хозяину гостеприимному спасибо, затем вспорхнули с ветки, как бабочки какие и, помажав дереву руками на прощание, отправились было далее в чудесное своё плавание...

И в это время, когда они хотели уже улетать, музыка какая-то необыкновенная, тягучая и зовущая, послышалась снизу из самых кущ. Любопытно нашим летунам стало невероятно. Спустились они чуть пониже и чуют – сила какая-то их вниз потащила, как словно неким магнитом. И очутились они в полумраке затхлом, у самой земли, где неприятные сочились запахи, и туман зеленоватый клубился. Смотрит Ваня с удивлением немалым – ва-а! – вокруг система была разветвлённая корневая, а в тех корнях твари некие оказались вплетённые, штук десять этак или двенадцать. И судорога сострадания пробежала по душе Ваниной: корни сквозь тела уловленные прорастали насквозь, и вроде их сосали, а те страдалцы мёртвыми отнюдь не казались – корчились они и тихо стонали.

– Кто это, Навьяна? – спросил, трезвея, Яван.

А она улыбнулась загадочно и так ему отвечала:

– Это неудачники, Ванечка, и жалеть их не надо. Тем ярче испытаем мы кайф – ведь мы-то с тобой в западню не попали.

– Айда, Вань наверх! – весело и бодро воскликнула младая ведьма. – Хм! Глупое дерево!

И с лёгкостью магнетическое и пагубное для других воздействие преодолев, ввысь они стрелою взлетели, рожи дразнящие сооронив подлому дереву.

Летели они быстро, аж ветер тёплый в ушах посвистывал, а вокруг них птицы сказочные с роскошным оперением проносились, и насекомые диковинные прошныривали да порхали, – на вид не то стрекозы огромные, не то большекрылые бабочки-махаоны... А о том, что они в подвале леса видали, Яван больше не вспоминал. Острее лишь и сладостнее чувствовал он теперь страстную радость.

Полетали они ещё немного, полетали, а потом Яван за руку спутницу свою взял и в небо её потянул стремительно. Вознеслись они вскоре над самыми высокими деревьями, выскочили с разлёту на простор широченный и воспарили, ликуя, над необозримым тем лесом.

Небеса над летунами чистейшего изумрудного цвета оказались, и в бездонной вышине два великолепных солнца царственно блистали: одно побольше, голубоватое, а другое поменьше, розоватое. И до того у обоих солнц лучи были ласковые да нежные, что нету воз-

можности описать от них ощущения. Ну, как это... Сладчайшая истома, мягчайшая и одухотворённая, нега возвышенная, пленительная и утончённая, диво-дивное-передивное, отрадная оморочь...

Ну вот, и слова уже кончились. Короче – высший балдёж!

Долго-долго любознатцы наши неотразимые парили в сём таинственном мире, кружась и гоняясь друг за дружкой со скоростью невообразимой. К ним и другие присоединились с энтузиазмом, и устроили они игру в воздушные салки.

Выиграл, конечно, Яван!

Наконец, все звездостранствующие путешественники собрались в одном красивейшем и впечатляющем месте. То была гигантская каменная скала, вздымающаяся высоко над лесами живописнейшей громадой. Все, кто желал, полазали там по расщелинам, поверхность скалы избороздавшим, и по крутым многочисленным выступам, а потом все вместе полюбовались они сверкающими золотыми одеялами облаков, плившими с неподражаемым величием вдалеке, поупражнялись, утоляя страстное желание, в весёлой любовной игре, затем спели на солнечном закате объединяющую всех песню обрядовую и... полетели назад.

Нет, никому из них не надоело балдеть и кайфовать, ибо и понятия такого в их душах не существовало, – а просто так, как бы между прочим, совершенно вроде само собою, понесло их течение приятной жизни вперёд. Ведь впереди, волнуя кровь своей неизвестностью, ждали их не менее, а может быть и более захватывающие приключения.

И сколько их ещё будет! Бесконечно!..

По волшебству Навьянинуму всё опять преобразилось на старый лад: появился сызнова её прекрасный дворец, роскошью своей утончённой поражая и красками обновлёнными сверкающая.

Гости ещё какое-то время повеселились, потанцевали – да и откланялись один за другим, призранными тенями в воздухе растворяясь.

А Яванушка спать пожелал. Поцеловался он на прощание с красавицей Навьяной, пошёл походкой расслабленной в уютную свою спальню, лёг на постельку мягкую с томительным удовольствием и провалился мгновенно в сладостное небытие.

Ты, Ванюш, открой-ка уши,
Нас послушай, не спеши;
Отдохни у нас, Ванюша,
Поживи и для души!

Ну, куда ты всё летишь?
Всё бежишь, торпишься?
В ванне нашей полежи —
В ней же не утопишься!

В Нави дивном во чертоге
Даже боги не живут!
В нём, Ванюшенька, сверхбоги
Обитают в благе тут!

Ты лишь только нас уважь,
Мы тебя приветим;
Тело маслицем помажь —
Станешь лучшим в свете!

Наша славная Навьяна
Тебя милует, Яван;
Будешь сытым, будешь пьяным,
Коль ты ейный корефан!

Ох, тебе и повезло!
Прямо обалденно!
Позабудь про мира зло
В нави совершенной!

Эй, унылый человек,
Кинь свои заботы!

В кайфе проживи свой век!
Избегай работы!

Брось стремление всё постичь —
Ты не в силах то достичь!

К ляду цель пустых мечтаний,
Грёзу тщетных упований!

Эй, иди-ка ты сюда —
Не пойдёшь уж никуда!

Погружайся в неги поле —
Будешь рад счастливой доле!

Коли ты проник в наш мир —
Ты попал на дивный пир!

Здесь ликуют и поют,
И беспечно все живут!

Мы плывём в любовном море —
Счастье плавать на просторе!

Веселиться и любить!
И привольно сладко жить!

Ра-ла-ла да ли-ли-ра!
Вам ни пуха, ни пера!

Йо-хо-хо да йа-ха-ха!
Тирли-вирли ра-ха-ха!..

Глава 12. Как Яван из сладкого капкана выкарабкивался

Долго ли, коротко ли почивал у себя Яван, то неведомо, да только снится ему странное сновидение. Ваньша во сне сам себе удивляется, ведь дотоле никаких снов он не видывал, а просто-напросто вырубался напрочь и всё. Это такая особенность в мире навьем наблюда-лася: никаких тебе ночных грёз, ибо сама жизнь в местах сих невозможных больше на грёзу воплощённую была похожа.

А тут, значит, сон... И такой-то чудной, ну словно наяву всё происходит... Видит себя спящий витязь в некоем месте загадочном, не таком, как у Навьяны, а будто на белом свете где-то. Кругом него народец кучкуется в количестве немалом: и стар тут, и млад... Не только мужики с бабами, но и дети. Богатые и бедные... Кого только нету!

С удивлением умильным окрест себя Ванюша оглядывается и с великой радостью при-мечает, как все люди собравшиеся друг дружку привечают: один другому сердечно улыбается, кланяется соседу почтительно да крепко с ним обнимается. Нет вообще никого, кто бы хму-рым там хаживал, скучал али других чурался. В доску просто все тут свои.

И понимает Ваня отчётливо, что это всё люди с родной его Земли, и такая чувствуется любовь меж ними, что невозможно и передать, – наяву такого нет поди и в мечтах.

И у Вани тоже в душе ликование. Так сильно он вдруг каждого ближнего человека полю-бил, так досконально оценил его неповторимость, что понял отчётливо: не надо ему ника-кого бога более! «Нету никаких нигде грешников! – в голове у него уверенность долбилась. – Нету заблудших! Надо просто всем людям каждого встречного лучше понять, и сразу всё будет славно!.. И как я до такого простого понятия не додумался раньше – это же и есть вера насто-ящая!»

И подходит он к человеку некому, спиной к нему стоящему. С любовью братскою берёт его Ваня за плечо, легонько к себе поворачивает, и уж было в объятия его заключить намере-вается, – да на месте поражённый и застывает. Ибо то корчмарь, им убиенный, стоит-ухмыля-ется, глазом своим тигриным шурясь да пастью щербатой щерясь.

– Здравствуй, свет Яванушка, дорогой ты мой дружбанчик! – отвесив поклонец Ване, гнусаво прохрюкал корчмарь. – А не желаешь ли часом на постельку баиньки? Постеля-то готова – сам стелил. Мягкая-я-я! Пух да и только. Х-хэх!

Аж отшатнулся Яван от гнусного призрака и невольно глаза прикрыл, чтоб не видеть более наглой этой хари. И слышит он, как разбойник навный смехом разразился издеватель-ским. Опустил тогда руку Яван и глянул опять на мёртвого негодяя, словно ожидая, чтобы тот пропал и отправился к чёртовой своей бабушке, – но корчмарь торчал на месте, и не думая никуда отправляться. Даже наоборот, он ещё ближе к Ване придвинулся и, распростёрши ручищи свои огромные, заорал во всё горло:

– Обойми меня, витязь благородный! Будем на век братьями с тобою, ага!

Яваха невольно от него попятился, а тот не отстаёт: прижал ручищи мохнатые к груди и заныл тоненьким голоском:

– Помилосердствуй, доблестный воин – я ж не по своей-то воле!..

Тут уж Яван не выдержал более, отпихнул он от себя ненавистный морок, и тот наконец растаял, только ещё какое-то время противный голос его из пустоты раздавался:

– Ишь, сосунок ещё выискался! Брезгует нами, понимаешь! К нему простые люди со всею душою, а он!.. Фу ты ну ты, какая цаца нарисовалась!

И невидимка громко расхохотался.

Повернулся Яван в замешательстве и хотел уж было куда глаза глядят бежать, а тут видит – старичишка навстречь ему семенит невзрачный. Идёт себе старичок, улыбается ласково, а в руке кружечку несёт с напитком дымящимся.

– Эй, телёночек! – обратился дедок к Явану. – Накось выпей чайку лечебного, сваренного по моему рецепту! Дюже, скажу, он полезный, не пожалеешь! Ей-ей, говорю, не пожалеешь! Хе-хе!

Потрясённый Ванёк вдруг Ловеяра коварного в старичке том узнаёт, но, словно замороженный, медленно кружку у него принимает, ко рту её подносит и... в сомнении останавливается.

– Ну чё стал-то, амбал? – насмешливо старичонка на него закричал. – Пей, соколик, пей – до дна пей, не тяни, – а лучше в себя чаёк потяни. Узнаешь тогда, как мы все тебя любим – ну прям до зарезу обожаем! Ха-ха-ха-ха!

Разгневался не на шутку витязь, да всю ту кружку с пойлом ядовитым в рожу гадкому старичонке и выплеснул, а сам повернулся, голову руками обхватил – и бежать пустился.

Долго бежал Яван, удаляясь от места того неприятного. И чем дольше он бежал, тем меньше у него любви к миру в сердце оставалось, и тем сильнее он к Ра любовью разгорался.

Наконец перестал он бежать, остановился, окрест глянул, а вокруг пустыня лишь голая раскинулась – никого и ничего не было рядом. С укоризною подумал тогда Яван: «Да как же я мог любить этих ничтожных людишек, жалких, подлых и мелких, кои копошатся на земле, словно куча червей, всё загаживая и всё вокруг пожирая! С какой ненавистью мы себе подобных уничтожаем, с какой страстью мучаем их и терзаем! Мерзкие, глупые, жадные, себялюбивые твари!...»

Слёзы горькие у Вани потоком из глаз побежали, смывая с лица жёлтую пустынную пыль. И сердце в груди у него забило сильно-сильно. Зато теперь он наконец прозрел – прозрел к единому богу! С трепетом душевным он вдруг понял: есть лишь одна истая, праведная и нерушимая любовь – любовь к богу милосердному, всемерно пекущемуся обо всех своих творениях.

Посмотрел Яван вверх и вперёд пылающим взором – и о-о-о! – узрел Ра он там, ярче тысячи солнц воссиявшего! И вроде бы не так уж далеко он был, восхищающий к себе зовом неизъяснимым.

Умилился Ванюша до глубины души и страстно на зов этот могучий он потянулся. В экстазе почтительности уничижительной и покорности доверительной пал Яван на колени пред сим образом, а потом рухнул он ниц и пополз, благоговея, к Ра, стараясь приблизиться, насколько это было возможно, к объекту своего почитания.

Долго он полз вперёд, преисполненный страха божия, – аж даже приустал малость. Наконец не выдержал Ваня, остановился и обратил лицо своё грязное к пресветлому лику.

И вот же неожиданность! Ра вроде как удалился от него и собою померк. Что за диво такое?! Или это ему померещилось?

Опять уткнулся Яваха в песок горячий и с удвоенной прытью пополз к Ра. Полз-полз, полз-полз, и совсем уж из сил повыбился. Вновь тогда он остановился, к богу взор устремил – ба-а! – а Ра ещё дальше от него отдалился и ещё более светом своим умалился.

В недоумении полнейшем и с горечью в душе поднялся Яван с колен и растерялся тут уж совершенно. Такой жуткой минуты не испытывал он никогда. Показалось ему вдруг, что он единственный на белом свете только и существует, а всё остальное – лишь тени обманчивые да бескрайняя вокруг пустота... И в тот же самый миг, откуда-то изнутри, из самого сердца, кажись, дивный засиял ему свет, совсем даже не яркий, а тёплый, ласковый и родной, – и несказанно притом живой.

И голос, невероятно какой-то знакомый, тихий такой да спокойный, у него в голове вдруг зазвучал, прямо в оголённое Ванино сознание впечатываясь:

– О, сын мой возлюбленный – не гонись зря за целью призрачной! Ведь любовь вселенская и в едином живёт и во множестве! Единый Себя через множество любит, а множество лишь через единство себя полюбить сможет! Иного же не дано...

Тут свет мягчайший медленно меркнуть начал и вскорости полностью угас, а у Явана в ушах ещё долго эхом звучало: «Иного же не дано... Иного же не дано... Иного же не дано...» Покуда, наконец, и этот отзвук чудесный из мыслей его не исчез.

...Проснулся Яван на постели своей мягкой весь сплошь в поту лихорадочном. Сперва-то он лежал, словно олух, не помня как его зовут, и где он находится. Полежал он чуток, будучи в прострации, да с мыслями помаленьку и собрался.

И вернулась вдруг в сознание его память – вся память без остаточка, коя с рождения в нём отпечаталась!

Покумекал тогда мал-мало Ваня, то да сё в уме своём сопоставил, да к себе самому и обратился с такими словами:

– И какого рожна дорожка кривая тебя сюда занесла, а? Какой ты, к чертям, Яван Говяда, коли упился сладкого яда? И чего ты здесь лежишь, словно под ёлкою шиш? А ну-ка, гад – вста-а-ать!!!»

Да с постели катапультированно подскакивает.

С удивлением необычайным, точно впервые всё видит, огляделся ошарашенный витязь и на обстановку роскошную воззрелся. Повращал Яван выпученными буркалами, икнул пару раз и принялся машинально по комнате шарить, шкуру львиную и палицу ища. В углах искал – нету, в шкафах посмотрел – тоже нет. Всё кругом обыскал, а не нашёл ни фиги, и среди поисков этих, этак случайно, глянул Ваня на зеркало, висевшее на стене. Он в то время как раз стоял на четвереньках, поскольку закоулочки осматривал последние.

И узрел Ванька в зеркале своё отражение, и даже сперва онемел. Право слово, видок у доблестного воина был ещё тот. Привстал Яваха с пола, приблизился к зеркалу-коверкалу на ватных ногах и вперился в своё отражение во все-то глаза. А из зазеркалья на него уставился... Не, не витязь неуязвимый. И не могучий богатырь. И уж не Ра сын-то!

Ферт пялился на Ваню смазливый. Ага! Волоса у этого повесы были длинные, в красно-малиновый цвет окрашенные, и даже в косички заплетённые; в обоих ушах у него по большой серёге висело в виде змей, причудливо изогнутых, по виду золотых и самоцветами украшенных; а на шее нечто вроде цепи лежало, или скорее ошейника, опять же из золота сделанного да из драгоценных камней. Ну и лицо возмутило Ваню не менее, а вернее мордень – всё табло его раскрашено было очень: и глаза, и брови, и губы, и щёки... Даже на подбородке массивном и на лбу широком и то посверкивали какие-то блёстки.

Оглядел себя Яван, словно не веря глазам: на пальцах его с ногтями цветными да длинными перстни массивные нанизаны, на плечах рубашка голубая из тончайшего материала накинута, а всё тело умашено было какой-то дрянью и до того сладко и приторно пахло, будто он был девицей-белоручкой, а не парнем могучим.

Чёрт-те что короче! Позор!

Взбеленился тут Яванище не на шутку. Размахнулся он, да так треснул кулачищем по зеркалу, что разбежались по нему трещин змейки. Исказилось изображение ненавистное, раздробилось и осколками на пол осыпалось. А Яван тигром разъяренным бросился в ванную и первым делом украшения с себя посрывать да в углы пошвырять. А затем наполнил он ванну водой горячей, плюхнулся туда, и давай себя мочалить...

Долго он там возился, но всю навную «красоту» с себя смыл. Расплёл Ваня косички затейливые, гребнем их расчесал, а власа-то длинные – аж до низа лопаток ему достали. «Ишь какие длиннющие вымахали! – удивился он. – Давненько, видать, я в этом „раю“ чертячем жизнь прожигаю! Вот те и три дня...»

Одел Ваня халат, причудливыми узорами расписанный, и вон из спальни вышел. Приходит в гостевую залу шагом размашистым и громовым голосом Навьяну призывает.

Не долго милаху кликал-то. Вот бежит и она, по виду весьма встревоженная. Сама, очевидно, только что со сна: в рубашечке лёгкой, сквозь ткань которой тела её очертания просвечивали, густые волосы гривую по плечам развеяны, а в глазищах вопрос проглядывается и явное недоумение.

– Что, что случилось, Ванечка? – остановившись и всплеснув руками, спросила Навьяна. – Ты же сам на себя не похож прямо!

– Ты права, Навьяна! – гневно отвечал ей Яван. – Я и в самом деле не похож на себя ныне! Не иначе как слегка изменился...

Для убедительности руками он красноречиво в стороны развёл и продолжал уже несколько поспокойнее:

– В какую только сторону – вот вопрос! Я полагаю, что в непутёвую... А ты как считаешь? И уставился на волшебницу навзглядом стальных своих глаз.

Но Навьяна не смутилась нимало, взгляд Ванин с твёрдостью выдержала, а затем пожала плечами и уселась спокойно в кресло, а Явану на другое креслице указала, после чего Ваня, не сводя взора ярого с лица Навьяниного, присел тоже, на спинку откинувшись и ногу на ногу закинув.

– Ну так как же, Навьяна, – ещё раз спросил он, – нравится тебе мой видон?

– Да, – ответила та. – Я, Яванушка, полагаю, что всё идёт как надо, и чему быть суждено, тому быть и должно.

– Больно тёмно изъясняешься, – покачал головою Яван. – Это как же понимать тебя прикажешь?

– А так, милоч-соколик, что я ведь тебя не неволила – ты сам у меня остался, добровольно. Разве, скажешь, это неправда?

– Хэ! И одурел я тоже добровольно от зелья твоего любовного?

– А разве тебе было плохо? Побойся, Вань, бога! Наоборот – хорошо, очень хорошо...

Вздыхнул Яван, посмотрел на чаровницу сочувственно и тоном убеждённым молвил:

– Может быть это и так, только ваш навий «рай» – не для меня... Ухожу я, Навьяна!

– Но почему, Ваня, почему?! – с ноткой волнения душевного воскликнула волшебница. – Не понимаю я... Оставайся у меня и далее! Будешь в ладу вечно жить. На что тебе подлый и вредный мир?

Долго не отвечал Яван.

А потом глянул он Навьяне в глаза и такие слова ей сказал:

– Не по праву будет, Навьяна, чтобы сильный да знающий свой отдельный «раёк» для себя сколачивал, а на сырых и слабых с высокой башни плевал, несовершенство мировое презирая. Не для того нам мощь дана, чтобы себя лишь холить, а всех прочих в кабале неволивать... Надеюсь, милая, ты чинить препятствия мне не станешь? А если станешь, то предупреждаю: зря это!..

Чародейка не отвечала. Закрыла она глаза свои, опала, и словно там застыла. Задумалась глубоко, видно... Наступила тишина. Только птички пышноперые пели сладко где-то неподалёку, и ласковый ветерок шевелил Ванины волосы.

И тут вдруг – фур-р-р! – рядышком фонтанчик струйный прозрачной водой забил-зажурчал, и откуда-то, словно издали, музыка струнная зазвучала, звуками своими чарующими сердце Яваново размягчая.

– Слушай, Навьяна, – прервал Ваня затянувшееся молчание. – Последний раз повторяю – мне ждаться-то более недосуг – ухожу я!

А Навьяна, не открывая глаз, улыbnулась мягко да и отвечает ему загадочно:

– А отсюда нельзя уйти, Ваня – назад ведь дороги нету. Ну а если вперёд?.. Не знаю, дерзнёшь ли?

– Что за шутки ещё такие, Навка! – вскричал Яван чуть ли не в ярости. – Перестань говорить загадками!

– А я и не шучу, Ванюша, – всё так же спокойно продолжала та. – Ты же знаешь – я на вульгарный обман не способна. И к насилию грубому душа моя не лежит. Ну а если ты считаешь, что я тебе какое худо причинила, то можешь, не мешкая, в рожу мне плюнуть. Клянусь, не обижусь! А ежели, Вань, ты так не считаешь, то послушай, что я тебе скажу, в последний раз послушай...

Яваха на месте сидеть тогда остался и, очевидно, плевать в Навьянину рожу вовсе не собирался.

– Ну – я слушаю... – хмуро он сказал.

– Ты ныне, Вань, добровольно должен решение принять судьбоносное! – отчеканила Навьяно твёрдо.

– Да-а? Это какое же, интересно?

– А вот видишь кубок сей прелестный? – спросила его красавица и, открыв наконец прекрасные свои глаза, на сосуд рубиновый ему указала, стоящий на столике подле них.

– Вижу!

– Выпей, Яванушка, напиток перехода, только что мною для тебя изготовленный, – проворковала принцесса навья. – Выпей сей же час – и ты свой путь вновь обрратишь!.. Вот только вряд ли ты положению своему обрадуешься. Ну да на то воля твоя, и я тебе более не товарка.

Скривила Навьяна губы в горькой усмешечке и продолжала голосом странным:

– И признаюсь тебе напоследок, что полюбила я тебя, Яван Говяда! И в мыслях я, Ванюша, плохого тебе не пожелаю! Бабка мне сейчас внушает, чтобы я морок на тебя навела, но я того делать не стану, потому что... непонятный ты для меня человек, Ваня. Есть в тебе нечто... загадочное, что даже для меня остаётся тайной, и эта тайна надежду какую-то в душе моей рождает, светлую и далёкую, от коей сердце в груди ёкает... Пей, Ваня, пей и... прощай! Не свидимся мы с тобой более никогда.

Не ждал Яван от навьей волшебницы таких слов сердечных. Глянул он удивлённо на прекрасную чародейку, а у ней из угла глаза слезинка выкатилась алмазная да скатилась, сверкая, по щёчке её румяной.

Схватил он тогда кубок бестрепетной рукою, подскочил на резвые свои ножки и хотел уж было выпить то зелье, не мешкая, да тут же и приостановился, затем подошёл решительно к Навьяне, и, приобняв деваху, в губы алые поцеловал её жарко.

Потом выпрямился наш витязь, взболтнул в кубке жидкость золотистую, очами засверкал и сказал:

– Прощай, Навьяна-краса! Спаси тебя Бог! Ура!

И выпил залпом зелье искристое.

Глава 13. Как наш витязь еле лез через дикий чёртов лес

И тут вдруг будто проснулся Яван, и словно пелена с его глаз упала. Не сразу само собой, не в миг, и не в минуту даже, ибо ещё какое-то время соображалка у Вани фурычить отказывалась, но всё же очухался он, проморгался, башкою потряс, глядь – а в руках у него верная палица!

И окрестности он стал с любопытством осматривать.

И что же? Ваня, оказывается, не в навном чертоге ныне обрелся, а в чистом поле стоймя стоял. Перед ним вдалеке лес зеленелся, позади пропасть чернелась, а за пропастью горы громоздились. И ни избыхи тебе, ни дворца, ни каната... Ну как сгинуло!

Яван-то лохматый был, как лешачина, и бородища у него выросла чуть ли не до пупа. На теле же у него шкура львиная, как и прежде, была накинута, а за спину перекинута сумень – вот и всё его имение, а в голове, понятное дело, недоумение.

«Вот те раз! – поразился Яваха. – Коли бы не волосы длинные да не борода, можно было бы подумать, что приснилась мне эта лабуда. А оказывается, я и вправду в нави обманной пропадал – и не дни, не месяцы, а скорее всего, года...»

Поклонился Яван до земли до самой папане Ра, и, поднеся палицу к губам, с чувством её поцеловал, а затем на плечи оружие он закинул и зашагал по направлению к лесу неблизкому. Идёт и думает про себя с досадой: «Ха! А ведь обманула меня Навьяна! Обещала мигом мою особу в Пеклоград доставить да, кажись, этот её миг я измерю ногами...»

А пить да есть ему тут захотелось – аж трудно представить! Ну в точности так же, как давеча, когда он в избу карги Навихи вступил, голодая да жаждуя, – таким же теперь и уходил он восвосяи, ежели ещё не явнее.

«У этих навных – сплошной обман! – к лесу идючи, Яваха рассуждал. – Ничего истинного, видать, нету. Наваждение да и только... Зато время на уловки их мудрёные самое настоящее тратить приходится, а ведь времечко-то не вернёшь – что ушло, то ушло... Эх и сколько же годов я в мороке этой гостювал да в мареве обрелся? Наверное, постарел уже сильно: ишь, бородища какая вымахала. Да-а, дядечка я таперя, видать, а может, и дедушка даже...»

Оглядел Ваня внимательно тело своё ладное. Да нет, вроде никаких изменений особых не наблюдалось: всё так же налиты были силою могучие его мышцы, – и ни тебе дряблости никакой, ни морщинки, ни жиринки, а в волосах – ни единой сединки. Сплюнул Яван в сердцах, перевёл взгляд на лес приближающийся да и думать забыл обо всём раздражающем.

И то ведь верно – ну его всё к бесу!

А тут и лес. Высоченный такой, густой, нехоженный, на наш даже чем-то похожий. И листва у него была зелёная. Всё вроде в том лесу было в норме: кусты да кочки, цветы да грибочки, трава да дерева... И гул в нём какой-то странный стоял, громкий такой, зудящий и на мысли нехорошие наводящий.

Подозрительно это Ване стало. Вот ступил он под сень сумрачную, ушки держа на макушке, и вскорости враз дотумкал, что там к чему, отчего и почему... Там же всяческой гнуси носились тучи: и мошки тут были, и вошки, и блошки, и разные крылатые сороконожки, комары да мухи бёрзые, осы ещё и стрекозы, и множество великое других перепончато-членистоногих безо всякого уже звания, не имеющих никакого названия...

Кровососы то были окаянные! Ведь не успел наш Ваня и шагу по лесу ступить, как сия зудящая камарилья сверху донизу его облепила и принялась жалить да кусать куда ни попадя... Прямо уй стало Ване да ай! Не спасли его ни шкура львиная, ни небесная броня. Видать, не на такого супостата рассчитана была сия защита – поядрёнее врага ей вишь подавай...

Откровенно говоря, сюрпризом это стало для Вани, хотя, если припомнить, и на белом свете мошкара ему не менее, чем прочим, досаждала. Да и Дед Правед вроде говаривал, что бронь небесная сберегает от грозных тварей, и не обмолвился ни полсловом, что ещё и от комарья... В общем, худовато пришлось там Ване. Уж на что терпеливым он был парнем и закалённым витязем, а и то не стерпел таковского «гостеприимства». Завертелся он, будто ужака, и начал себя по рукам и по харе рьяно охаживать, а толку от того не получивши, ветку густую он обломил и ею принялся обмахиваться.

Чуток вроде поотбился, хотя эффекту от такого махания было мало: всё равно ведь кусали, гады!

Ну, естественно, настроение бравое у Ванька подупало. Ещё бы – такая напасть! Идти далее неинтересно ему как-то стало. Да и куда идти-то? Дороги никакой нету: чаша везде, бурелом, кустищи густые, с колючками всюду ветки – сплошные вокруг дебри.

И решил тогда Ваня прямо переть. Напролом ломанулся, скрипя зубами. Идёт, лезет, продирается, палицей машет, сушняк ломает, кусты ногами пригибает, да мало-помалу вперёд себя и пихает. На гнус уже и внимания почти не обращает – не до того.

Вот час так, другой проходит, потом ещё столько же, да и ещё с какой часик... Ну, конца и краю джунглям этим не видать! Хорошо ещё, что чутьём каким-то внутренним Ваня с курсом прямым не забывал справляться, поэтому с пути не сбивался – а то бы по кругу там плутал...

Неслабо он приустал. Жрать охота ему стала – страсть! А пить так и вдвое. Да из бочагов он пить не решался: вода вонючая в них была да гнилая, как словно жижа в навозной яме, и к тому же несметное множество всякой живности гадкой там, киша, плавало. Пригляделся к ним Ваня мимоходом – ну, думает, и проглоты! Добро, что невеликие собою, а лютые и прожорливые – ужас! Один другого чисто поедом едят, и соседка в соседа натурально вгрызается.

И вообще – в лесу словно военные действия были развёрнуты. Кого только там нету! И птицы здесь были мерзкие, и зверьки дерзкие, и змеюки ползучие, и ящеры рысучие... А разных жуков, пауков и другой пакости – ну просто прорва невероятная!

Богатейшая, надо признать, в лесу том была фауна, многообразная и безобразная. Да и флора была ей под стать. И единого чистого дерева нигде не наблюдалось: все какими-то плющами да лианами оказались увиты, слизняками вонючими пооблеплены, да грибами тухлыми поутыканы.

Поднял Яван голову кверху, глядь – а в кронах деревьев некие твари носятся крылатые, и визжат они на там как ненормальные. Видом навроде нетопырей, только окрашенные пёстро да ростом побольше. А на ветках вверху плодов было великое множество, с яблочко махонькое величиною, – красные такие сами да оранжевые. Вот эти самые плоды твари верещащие и пожирали да промеж собою за них дрались яростно.

Одна дерущаяся пара прямо в воздухе когтями тут сцепилась и, колотя друг дружку крыльями и пронзительно визжа, взяла да и свалилась под ноги Явану. Тот палицу быстро отставил да – хватъ их! Поднёс к лицу мелких охальников и перекорёжился аж. Что за мерзкие твари! Напоминали они собою маленьких чертенят: худыми-прехудыми они оказались, аж рёбра торчали. Пузейки у них были кругленькие, ножки коротенькие, кривенькие, а концы крыльев лапками когтистыми оказались увенчаны. Мордочки же казались почти человеческими, только зленькими: глазёнки такие маленькие, зыркающие злобно во все стороны, ротки широконосые, острующих зубёшек полные, а носики длинные, мокрые и двигающиеся очень проворно...

И пока удивлённый Яван чёртиков странных разглядывал, один перепончатокрыл резко вдруг завопил и с остервенением в ладонь Ванину зубами впился, да тут же и второй его примеру последовал и вцепился в палец Ванькин с не меньшим остервенением.

Ну, тут уж бронь сработала как надо – неуязвимым остался для укусов Говяда!

Не добившись таким способом никакого проку, чёртики, как по команде, Ваню грызть перестали и вдруг заверещали шепеляво:

– Отпуш-ш-ти, ангел, не дави! Слыш-шь ты, верж-жила – раш-штопырь швои хваталы, кому говорят! А не то плохо тебе будет, ой плохо! Ш-ш-ш!..

А Яваха лишь усмехнулся молча и чуток посильнее сдавил упырёнышей.

– Ой-ой-ой! – завопили те наперебой. – Ш-што ты твориш-ш, недотёпа пож-жорная! Вше кош-шти попереломал, ображ-жина толш-штокож-жая, вше киш-шки повывадавливал! Ай-й-й! Отпуш-шти, ангел!

И до того смешно Явану от угроз злобных стало, что он громко расхохотался, тем самым силу хватки ослабив, а гадёныши крылатые только того и ждали: вырвались они из Ваниных дланей и восвосяси шарахнулись.

Пошёл Яван далее, от гнуса веткой отмахиваясь, да не шибко-то далеко ему уйти дали. Поднялась в ветвях над ним целая вакханалия: ну адская туча налетела этих кровопийцев! Короткое время они над ним ещё шныряли да мельтешили, а потом вдруг всем скопом на него и кинулись. Мигом они его всего облепили, словно пчёлы в рое матку, и как начали его грызть да кусать... Аж зажмурился Ваня.

Само собою, ничего путного из этой атаки у чёртовой оравы не получилось. Зато Яван, в справедливом находясь негодовании, принялся себя по чём попало колошматить, а затем и вовсе на землю он пал и стал по ней кататься.

Моментально нечисти цельный рой и попередавил собою!

Отстали от него хищные упырёныши. Кто летать ещё мог, те на воздух взлетели да пуще прежнего загалдели, а потом то ли сверху на лежащего Ваню они опростались, то ли содержимое своих желудков на него извергли. Да и какая там была разница – у них ведь что рот, что задница: такой смердёнью Ваню обгадили, что хоть нос затыкай!

Привскочил Ваня на ножки проворные, начал стряхивать с себя это дерьмо, и хоть не штука́ было его стряхнуть, да всё одно от вонищи было не продохнуть.

Огляделся Яван, а на земельке россыпь целая мёртвых да раненых паразитов валялася. Смотрит он далее и удивляется, ибо корни деревьев близстоящих вдруг на поверхность из земли повывлазили, быстренько чёртиков оплели, и начали их в себя всасывать, – даже ещё и живых! Только чуфф-чуфф да цусс-цусс – слышно было, как страшные корни плоть сосут.

Ох и противная то была картина!

Осторожно далее Яван двинулся – и то! – с этой живностью ухо надо было держать остро, а то, неровён час, насыдут опять здешние твари, до кровушки охочие – а ну как не хватит на них броневой мочи?

Идёт Ваня вперёд, сквозь чащобищу продирается, да вверх поглядывает – не летят ли на него хищники окаянные? Только нетопыри эти чертячи высоко в кронах мельтешат, но к Явану не суются, не приближаются – на всю округу лишь верещат.

Зато появились вдруг в количестве немало огромные зелёные мухи, – вонь, видать, от него почуяли, – и до того богатыря нашего достали, что тому и света небелого уже не видать стало. Отмахивался он от них, отмахивался, а те лезут к нему всё равно: и в глаза суются, и в уши, и в нос, и в рот... Час, наверное, продлился, покуда Ванюха осатаневший от них отбился. Сам уже и не видит почти ничего – рожа вся сплошь опухла.

А тут вышел он на прогалину, ногою вперёд ступил, да в дыру и провалился. Палица же с плеча у него скатилась, в траву покатила, а нога в провал ушла аж до паха. И в тот же самый миг вскрикнул от боли Яваха, ибо некто невидимый за ногу его ухватил зубами и стиснул её с силою страшной. А потом как вниз-то потянет! Едва-едва Яван за куст успел ухватиться, да вовремя смог остановиться.

Земля вокруг ноги его схваченной пообрушилась малость, и обнаружилась там большая нора, а из норы голова высунулась ужасная, коя держала ногу Яванову серпозубыми челю-

стями. Потянул Ваня ножку свою в горячке боли и вытянул на аршин длины из подземной норы чудище большое: то ли змея, то ли червя, то ли личинку гигантскую... Ох и страшное то было чудище! Ох и отвратительное! Всё тело у него блестящими кольцами оказалось покрыто, а на брюхе ножек кривых два ряда сучилося, коротеньких таких да когтистых. Ну, многоножка огромная чисто... Ещё успел Ваня глазёнки её увидеть: небольшие такие, точно бусины круглые, жутким огнём горящие и на жертву свою глядящие.

Тут гад ногу Ванину опять как потянет. Кустище, за койй тот схватился – тресь! – и переломился. Поволок хищный червячище под землю свою добычу, и наш богатырь за травку даже ухватился, только не помогло это – волокёт его вражина мерзкий и всё...

И понял тогда Ваня, что нечисть сей же час в провал его затянет, коли он и далее на земельке будет валяться да всему удивляться. Собрался он с силами, огнёвился да по башке червячине кулаком как треснет!

Того аж судорога перекорёжила.

А Ванька ноженьку свою – дёрг! – и вырвал её из пасти да, не мешкая, к палице на карачках побежал. Схватил Ванюха проворно оружие своё грозное, над буйной головушкой взметнул его и хотел было гада подземного порешить, – да тут и остановился и палицу вниз опустил. Чего зря бить-то, когда червяк жуткий дух уже испустил. Пузом белым вверх он опрокинулся, телом длинным выгнулся, пасть раскрыл, – да и застыл. Только корчи предсмертные по нему пошли. Пригляделся Ванька, а это, оказывается, он гаду черепушку кулачком своим проломил. Видать, здорово приложился с перепугу – врезал чудищу сильно!

Подождал немного Яван, покуда гад затихнет окончательно, а потом за башчищу его прихватил, да из норы и выволок.

Ну и длинным сей гвиль оказался! Сажени в четыре, если не поболее. А толщиной – с тулово Яваново, если не потолее. Вот так гад-гадище, червь-червячище, в засаде сидящий в своём узилище!

Охолонул чуток наш победитель, да за ногу свою левую и схватился. Хоть бронь небесная напор челюстей и сдержала, но всё ж таки червь ногу помял. Видимо, не так сильно в лесу этом броня его охраняла – проявлялась в ней какая-то слабина.

Но делать-то было нечего, и заковылял Ваня дальше.

Недалёко отошел и слышит – позади возня какая-то началась. Обернулся он резко – вот так-так! – а червя-то уже пожирают... Корни деревьев его всего оплели, да вдобавок и твари какие-то отвратные понабежали, – и ну труп сосать да терзать. Цельное пиршество у них там началось весёлое.

А зато Явану ой как невесело сделалось! С версту он, на палицу опираясь, проковылял и потом облился, будто в бане. А тут, на запах, видать, его пота целый рой оголтелых оводов на него налетел. Худовато пришлось Ванину телу, и через времечко недолгое чисто Ванечка от боли осатанел – в конец допекли его сии паразиты. И то сказать: губищи от укусов безжалостных словно сардельки у него стали, глаза в щёлочки превратились, а открытые тела волдырями покрылись.

Куда бедняге деваться?!

И вдруг видит он сквозь щёлки свои узкие – большая впереди маячит опушка, а на ней высокая густая трава. «Эвона! – обрадовался Ванька. – Недурно будет сквозь травку эту продраться да оводов проклятых хоть как-то поотогнать!» Взял да и нырнул сходу в травушку манящую и пошёл вперёд словно кабан.

И ва-а! Ай-яй-яй! Попал наш Ваня из огня да в вар: ну будто кипятком его вдруг ошпарило! Или словно ведро воды из котла горячего злодей некий на него шибанул. То ж крапива местная оказалась, да жгучая какая – чисто кислота!

Будто буйвол, кнутами стегаемый, заревел на весь лес Ваня да вверх свечою и взвился. Невтерпёж ему сии зелёные объятия пришлись – уж лучше бы оводов ещё с тыщу... Стис-

нув зубы и не помня себя, выскочил Яван из того бурьяна, да опять как заорёт! Ну невыносимая просто боль-то была: по струпьям да по волдырям, кровью и сукровицей сочашимся, ещё и адскою крапивою пострекать! Каково, а?!.. В голове у бедолаги словно пульсировал пламенный шар, мозги от боли прямо на части у него разрывались, а шкуру будто маслом облили да поджарили. А тут ещё, ко всему вдобавок, несколько оводов в самый язык его укусили, покуда он криком-то исходил.

Свет сей небелый стал Ване не мил. Полуслепой, замученный шагнул он к дереву близстоящему и обессиленно к нему притулился.

Да и... прилип!

Ствол-то проклятого дерева словно клеем вымазан оказался. Дёрг-дёрг руку Ваня – а фигушки-макушки! – хоть кожу отрывай... И видит он – лианы, на дереве висающие, аж ходунном заходили и зашевелились словно живые, – в том смысле, что на змей похожие, – да к телу Яванову потянулись проворно. А сами липкие тоже весьма. И не успел парень умученный и щёлками своими моргнуть, как с ног и до головы оказался он ими опутан. Ни вздохнуть ему стало, ни продохнуть... А одна бойкая лианина к горлу потянулась Ваниному, обвила его быстро, и ну жать да душить... Попытался он было освободиться, да только ничего у него не вышло. Крепко наш витязь влип... А лианы эти чёртовы ещё пуще давить принялись.

Чует Яваха – кранты ему приходят: ещё немного, и удавят проклятые отродья его как кролика...

Только Ванька ведь не кролик – богатырь он, виды видавший! Вот рванулся он телом своим могучим, и... только лишь в воздухе закачался. Как в гамаке висающем...

Собрался он тогда с большими силами и вновь рванул путы липкие, – но и это помогло ему не шибко: пара лианин лишь треснула, но не вырвался Яван из плена тесного.

Тогда в третий раз, уже в отчаянье почти находясь, перехватил Ванюха лиану, горло ему сжимавшую, и, напрягшись, сорвал-таки её с себя. Дыхало его освободилось, и жаркий воздух в лёгкие его хлынул. Раздул тогда Яван грудь свою широченную до предела, и лианы коварные, словно струны гитарные, только тень-тень-тень – все, какие были, они порвались и жать Ванин торс перестали.

Посрывал Яван с себя душителю остатних и на землю брякнулся да, не долго рассуждая, палицу свою – цап, размахнулся ею и ка-а-к долбанёт по толстущему стволу!

Хорошо приложился – от всей своей душимой души! Затрещал огромный стволина и начал со всеми своими лианами на бок валиться. Яван от греха подальше в сторону тогда отошёл, и с шумом и треском рухнул наземь тяжёлый ствол, только гул по округе пошёл.

И встрепенулась в воздух с его ветвей всякая гнусная нечисть: засвистели они, зашипели, завопили да загалдели...

Да вдруг, откуда ни возьмись, вокруг Явана шершней появился роище. Что у них там случилось: то ли в дупле они гнездились, то ли на ветке кокон у них висел – это уж чёрт ведаёт, – а только не успел Ванюха и дух перевести, как уже понял, что дела-то худые. Как жиганул его шершенюга остервенелый в шею, так Ванька враз позабыл обо всём на свете. А тут и второй в голову саданул – ну как напалмом, тварь, полоснул!

Как ветром Ванька оттуль сдуло! И откуда чё взялось!.. Палицу подхватив, с такой прытью он прочь понёсся, будто и нога у него никогда не болела, и не горело от крапивы тело... И покуда бежал он стремглав по тому бездорожью, то колючками сплошь покололся, шишки на голове набил, ноги позанозил, но утёк он всё же от крылатых дьяволов, хотя с полдюжины полосатых тварей его всё ж достали, что страдальцу резвости, вестимо, добавило, а удовольствия – нет.

Под конец сумасшедшего того бега стали у Ванечки ножки от усталости заплетаться – сделались они как-бы ватными. А тут взгорочки пошли да ложбины. Вспотел Ваня сильно, словно его из шланга полили; волосы у него на голове слиплись, шкура да котомка промокли

да покрылись репьями, а палица из ослабевших рук едва ли не вываливалась. Споткнулся Яван об корягу, на ногах не удержался, с пригорка покатился и напрямик в кучу трухи угодил.

А то ж муравейник был! Поручил его Ванюха, головою дыру в нём продырявив, и покуда он отряхивался да чертыхался, надела на него презлющих муравьюг тьмущая тьма. Создания то были адовы, доброты и кротости им было не надо, зато имели они острые жвалы и вид весьма пугающий: сами крупные такие, шустрые и цветом ядовито-красные... Лесные то были пираты! Ясное дело, кислота в их цистернах первосортная оказалась. Моментально это определил Яван при посредстве шкуры своей многострадальной. Ему отчего-то огонь Ловеяров припомнился, когда те мураши жидкостью своей его облили, – видать похожие ощущения-то были.

Благим матом Ванюшенька возопил, а потом и кое-что поадрёнее к ругани своей присокупил. Отбежал он от муравейника вприпрыжку, срывая с себя насекомых ядобрызжущих, – и в движениях его проглядывалось неистовство. И то – муравьищи ведь уклезились на нём жалами – ну, не оторвать! И знай себе кислотой Ваню поливают. Вот же мерзкие твари-то!..

Наконец, отделался Яван от них кое-как. Попервоначалу даже с места он не мог двинуться: как в лихоманке его всего трусило, ажно зубы во рту клацали... Потом всё ж отпустило его мало-помалу, и способность к движению к нему вернулась, а душа в нём опять встрепенулась. Пошёл он вперёд, словно пьяный, подобно автомату ноги перед собой переставляя. Все ощущения его слились в сплошной поток боли, и все думы из головы унеслись прочь, а остался там лишь воли комок тугой и более ничего. Красный жгучий коридор взор его окружил. Только кусок пути и видел Яван впереди.

И тут он зрит – появилась перед ним мгlistая низина, вся какой-то ярко-зелёной травкой и сочными кувшинками поросшая. Ну сплошной там был ковёр из листьев мелких да из ярких цветов. И запах от них сочился приятный не очень. Да что там – несусветная стояла там вонь! Огляделся с трудом Яваха, хм – вроде и направо и налево болото то расстилалось. Да уж, незадача... Придётся через лезть-корячиться, не назад же ему поворачивать...

Снял он с плеча палицу свою верную, потыкал ею впереди для поверки и в болото сие двинулся. Ноги у него по колена провалились в жидкую грязь, ибо под кувшинками действительно болото оказалось, как и предугадывал Ваня. И такая вонища изысканная от той жижи пошла – ну не передать словами! Дух у Явахи перехватило напрочь, потому как лёгкие его категорически забастовали и воспротивились заразу ядовитых газов в себя впускать. Но идти-то ведь было надо, ибо никто нашего бредуна на ту сторону переносить не собирался. Вот он через болото смердящее и зашагал. Аж по пах в грязи-то угрыз, а вода под самую шею ему порой подступала – а лезет Яван как варан! Сам-то не дышит, зажмурился, кряхтит, сопит, с глаз слёзы потоками у него полились, сопли там, слюни, кал, моча...

Сплошное, тудить твою, благоухание, ёж его качал! Вот бы где пригодился этот... как его... а, противогаз! Да ведь энтих приспособлений тогда ещё не было; всё было простое, натуральное, и никакой техники нигде не наблюдалось. Времена ведь были доисторические, наукой не просвещённые, дикие да тёмные...

Как бы там оно ни было, а Яванище пёр да пёр себе вперёд. Лицо себе всё скорёжил, пот со лба градом льёт, а морда у него аж позеленела – а лезет! Лезет!!! Как словно танк ломит в направлении заданном!..

Через минуток пару пролез Ваня сквозь болото то окаянное, буквально ползком на твердь надёжную он выполз и, словно на автопилоте, на четвереньках далее двинулся. Глаза у него не видели совершенно, во всех членах дрожь да слабость были страшные, – и тошнота, наконец, к горлу его подступила неукротимо. Рыгнул Яван раз, рыгнул другой, а потом как начал блевать, так по ту пору блевал, покуда не вывернуло его наизнанку.

Ему бы, горемыке, чуток отдохнуть да водицы глотнуть – только куда там! Ванюха ведь апосля шествия своего болотного завонял. Да ещё как завонял-то – фуй! – ну чисто вам какой

скунс! Откуда ни возьмись, послеталася тут всяческих гадких мух несметная тьма; слетелися они, значит – и на Явана! Должно запашок его им понравился... Но не только запах, как оказалось. Ваня ведь в липкую жижу по горло самое вымазался; стоит себе, жутко пованивает, а мухи эти – на жижу и шашть!

Какого, спросите, рожна? Хэ! Они ж, оказывается, в эту жижу личинок рожали. Ага! Не яйца, а именно живых червячков таких красненьких.

Ох же и лютыми эти ребята оказались! Сами-то никакущие по виду – с еловую хвою размером, – а превредные-е! Не успел Ваня сызнова дух перевести, как на нём уже всё ходуном ходило да копошилось. А это личинки-прожиги на нём задвигались, пропитание для себя промышляя. А какое там ещё пропитание? Никакого, само собою. Акромя тела, вестимо, Яванова. Вот сия ползучая рать ему в раны и вбуравилась.

Ажно выгнулся от боли Ванька и, на землю пав, принялся по ней елозить да кататься, жижу вместе с червями с себя сдирая...

Вроде бы помогло это малость. Он тогда мха с коряги нарвал и до тех пор им обтирался, пока всё ж не соскоблил с себя эту гадость. Только мухи нахальные и не думали отставать. Роятся, гады, вокруг Явана, как словно возле кучи навозной, и всё новых и новых личинок на кожу ему приносят. А кожа ведь вся в царапинах у него да в мелких ранах. Сломил Ваня ветку тогда изрядную и начал ею обмахиваться, да только мухи улетать не собирались: знай себе гудят над ним да зудят... И порешил тогда Яваха тягу оттеля дать! Метнулся он шустро в заросли да и устремился, ковыляя, куда глаза глядят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.